

ISSN 2686-8288

Том 226
2022

ТРУДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

НАУКА О КНИГЕ
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

СПбГИК

Том 226
2022

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2022 • Том 226

**НАУКА О КНИГЕ
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Материалы всероссийской научной конференции
с международным участием «XXII Смирдинские чтения»

21–22 апреля 2022 г., Санкт-Петербург

Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры
2022 • Том 226

Наука о книге: Прошлое, настоящее, будущее

Материалы всероссийской научной конференции с международным участием
«XXII Смирдинские чтения»

21–22 апреля 2022 г., Санкт-Петербург

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 226-го сборника научных трудов:
Л. Е. Востряков (отв. ред.), Т. В. Захарчук (зам. отв. ред.),
А. С. Шитова (отв. секретарь), Д. А. Эльяшевич (ред.-сост.),
М. К. Лопачева (ред.)

Редактирование: Д. А. Эльяшевич, Г. В. Варганова, М. К. Лопачева

Верстка: А. С. Шитова

Выпускающий редактор: А. С. Шитова

Обложка: Е. А. Соловьева

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2555, тел. 318 97 16.

www.spbgik.ru • e-mail: sv-spbizdat@mail.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001

Подписано в печать 23.12.2022. Дата выхода в свет 30.12.2022

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 14,25. Тир. 500 (1-й завод 1–100). Зак.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»

(ООО Первый ИПХ). 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У

ISSN 2686-8288

Сайт: <http://spbgik.ru/works/> РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: <http://cyberleninka.ru/journal/n/>

trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv

Цена свободная

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2022

© Оформление ФГБОУ ВО СПбГИК, 2022

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев. Проблемное поле книговедения: размышления по следам Смирдинских чтений (Dmitry A. Elyashevich, Victor A. Mutyeu. The problematic field of book science: reflections on the footsteps of the Smirdinsky readings).	7
--	---

РАЗДЕЛ 1. КНИГА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК SECTION 1. THE BOOK IN THE CONTEXT OF VARIOUS CULTURAL AND HISTORICAL PRACTICES

Р. С. Гиляревский. Библиометрия как понимание социальных закономерностей научных коммуникаций (Ruggero S. Gilyarevskiy. Bibliometrics as an understanding of scientific communication system social patterns)	15
---	----

А. В. Соколов. Суета сует и томление научного духа в российской библиосфере (Arkadij V. Sokolov. Vanity of vanities and the vexation of the scientific spirit in the russian bibliosphere)	24
--	----

А. В. Куликова. Проблема идентификации краеведческого тематического справочника (Angelina V. Kulikova. The problem of identifying A local history thematic reference book).	35
---	----

Д. А. Бадалян. Н. И. Греч – журналист и издатель в системе патрон-клиентских отношений (Dmitrii A. Badalian. N. I. Grech – journalist and publisher in the system of patron-client relations)	44
---	----

Н. Г. Патрушева. Чтение текстов в профессии российского цензора (XIX – начало XX века) (Natalia G. Patrusheva. Reading texts in the profession of a russian censor (19th – early 20th century)).	53
--	----

Д. А. Липатова, Д. А. Арутюнян. Благотворительная издательская деятельность в России начала XX века (Daria A. Lipatova, Diana A. Arutunyan. Charitable publishing activity in Russia at the beginning of the 20th century)	62
--	----

О. Н. Ильина. Дарственные надписи на книгах
в современных российских исследованиях (Olga N. Ilina.
Gift inscriptions on books in the modern Russian studies). 72

Е. Н. Шпинарская. Сюжет о книге в рассказе «Волк и Хоббит»
(Elena N. Shpinarskaia The plot of the book in the story «The Wolf
and the Hobbit») 84

РАЗДЕЛ 2. БИБЛИОТЕКА. БИБЛИОГРАФИЯ SECTION 2. LIBRARY. BIBLIOGRAPHY

О. В. Крупцева. Барон Сергей Николаевич Строганов (1738–1771)
и его неизвестный суперэкслибрис (Olga V. Krupceva. The Baron
Sergey N. Stroganov and his unknown bookplate) 95

Н. А. Гринченко. «Библиотеке ничего печатное не чуждо».
Участие почетных корреспондентов Императорской
Публичной библиотеки в формировании ее фондов
(Natalia A. Grinchenko. «Nothing in print is alien to the library».
Participation of honorary correspondents of the Imperial Public
Library in the formation of its collections) 102

С. Е. Волоскова. Книги Коммунистического института
журналистики в фонде фундаментальной библиотеки РГПУ
им. А. И. Герцена (Snezhana. E. Voloskova. Books of the library of the
Communist Institute of Journalism in the Fund of the Fundamental
Library of the Herzen State Pedagogical University of Russia) 113

С. В. Забродина. Фонды персоналий военно-морских деятелей
России в как инструмент военно-патриотического
воспитания кадетов (Svetlana V. Zabrodina. Library personal
collections of naval figures as the instrument of military-
patriotic education of students of cadet corps) 121

Е. В. Ивановская. Книжное собрание литовского языковеда
и филолога К. К. Буги в Научной библиотеке Томского
государственного университета (Ekaterina V. Ivanovskaya.
The book collection of Lithuanian linguist add philologist K. Buga
in the research library of Tomsk state university) 126

О. В. Селиванова. Показательная библиотека по детскому чтению и Институт детского чтения: два центра изучения детской литературы (Olga V. Selivanova. Children's Reading Demonstration Library and Children's Reading Institute: two centers for the study of children's literature). 133

Т. О. Серебрянникова, М. В. Стегаева, С. И. Шукшин. Цифровая коллекция «Книжные памятники» в составе электронного фонда Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (Tatjana O. Serebrjannikova, Maria V. Stegaeva, Sergey I. Shukshin. Digital collection «Book Monuments» as a part of the electronic fund of the Boris Yeltsin Presidential Library) 141

А. В. Засыпкин. Фонд редкой книги в культурно-просветительской деятельности библиотеки (Aleksei V. Zasyppkin. Rare Book Fund in the cultural and educational activities of the library) 148

Н. В. Пономарева. Указатели содержания сериальных изданий: уроки библиографирования (Nina V. Ponomareva. Serial Content Indexes: bibliography lessons) 155

Г. В. Варганова, В. А. Лягина. Книжные клубы Австралии: традиции и инновации (Galina V. Varganova, Viktoria A. Liagina. Book clubs in Australia: traditions and innovations). 161

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЧТЕНИЯ SECTION 3. SOCIOLOGY OF LITERATURE AND READING

Т. Б. Маркова. Роль книги в творчестве писателя (Tatyana B. Markova. The role of the book in the writer's work) 170

М. Л. Купченко. Роль пейзажа и вещного мира в философском единстве духовного, социального и материального у Диккенса на примере романа «Большие надежды» (Marina L. Kupchenko. The Role of Landscape and Material World in the Philosophical Unity of Spiritual, Social and Material in Dickens on the Example of «Great Expectations»). . . 178

Л. И. Вигерина. Жанровый синкретизм детской прозы П. В. Засодимского на материале рассказа «Неразлучники» (Liudmila I. Vigerina. Genre syncretism of the children's prose by P. V. Zasodimsky on the short story «The Lovebirds») 188

М. К. Лопачева. «Книги» и «литература» как антитеза в произведениях М. А. Булгакова (Maria K. Lopacheva. «Books» and «literature» as an antithesis in the works of M. A. Bulgakov)	196
Г. Н. Боева. «Одиночество и свобода» Г. Адамовича как манифест «парижской ноты» (Galina N. Boeva. Loneliness and Freedom by Georgy Adamovich as a Manifesto of the Paris Note).	206
М. А. Жиркова. Особенности организации художественного времени и пространства в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» (Marina A. Zhirkova. Features of the organization of artistic time and space in D. Rubina's novel «Leonardo's Handwriting»)	213
Сведения об авторах (Information about the authors)	225

Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев

**Проблемное поле книговедения: размышления по следам
Смирдинских чтений**

Дан краткий обзор тематики докладов, представленных на секционных заседаниях XXII Смирдинских чтений. Обозначен проблемный спектр современных книговедческих исследований и имеющиеся лакуны. Предложена динамическая модель проблемного поля книговедения, неразрывно связанная с нелинейным коммуникационным циклом бытования книги и пятичастным объектом науки о книге: автор – письмо – текст – чтение – читатель.

Ключевые слова: книговедение, теория и методология книговедения, медиа, медиалогический подход, коммуникация, социология книги и чтения.

Dmitry A. Elyashevich, Victor A. Mutyev

**The problematic field of book science: reflections on the footsteps of
the Smirdinsky readings**

A brief overview of the reports' topics presented at the sectional sessions of the XXII Smirdinsky readings is given. The problem spectrum of modern bibliological research and the existing gaps are indicated. A dynamic model of the problem field of book science is proposed, which is inextricably linked with the non-linear communication cycle of the existence of a book and the five-part object of book science: author-writing-text-reading-reader.

Keywords: book science, theory and methodology of book science, media, mediological approach, communication, sociology of books and reading.

21–22 апреля 2022 г. в Санкт-Петербургском государственном институте культуры состоялись XXII Смирдинские чтения, организованные кафедрой медиалогии и литературы. В конце 1970-х гг. этот научный форум задумывался в качестве открытой дискуссионной площадки, которая могла бы объединить усилия исследователей книги, придерживающихся различных концепций и парадигм, принадлежащих к научным школам, сформированным в лоне широкого спектра гуманитарных дисциплин, публикации которых рассеяны в потоке издаваемой научной периодики. Ему суждено было стать одной из наиболее стабильных книговедческих платформ, обеспечивающих преемственность поколений и, пусть и хрупкую, институционализацию ленинградско-петербургской школы книговедения.

На протяжении этих лет чтения были разными: камерными, факультетскими, институтскими, всероссийскими и международными,

очными, заочными и вновь аудиторными с применением дистанционных технологий, от которых в начале этого пути были далеки как организаторы, так и бытующие книжные артефакты – предмет исследований и научной полемики. Менялся статус, формат, количество и географический охват участников, но конференция продолжала работу.

В 2022 г. мероприятие было приурочено к 90-летию выдающегося ученого-книговеда, удивительного рассказчика, педагога и просветителя, одного из основателей Смирдинских чтений – И. А. Шомраковой, которая впервые не принимала в них непосредственного участия. Но научное и педагогическое наследие Инги Александровны не теряет своей актуальности, живет в ее учениках, требует глубокого анализа и осмысления и, перерождаясь вновь, находит воплощение в тематике секционных заседаний чтений.

Открылась конференция немногочисленной группой теоретических докладов в которых обозначена проблема изучения социальных закономерностей наукометрическими средствами (Р. С. Гиляревский), многоаспектно раскрыт злободневный и неудобный вопрос структуры и содержания магистерской дисциплины «Теория и методология книговедения» (Д. А. Эльяшевич), подробно рассмотрены возможности и ограничения микросоциального подхода в книговедческих исследованиях (В. А. Мутьев), представлена концепция изучения книги как этнокультурного знака (О. А. Старковская), а также предложен дискуссионный материал, посвященный библиологосу (А. В. Соколов).

Живой отклик аудитории вызвали доклады, прозвучавшие на секции «Книга в контексте различных культурно-исторических практик». В них была предпринята попытка рассмотреть книговедческую проблематику на фоне событий эпохи и в русле многообразных направлений социально значимой деятельности. Так, слушателям был предложен историко-коммерческий анализ событий на примере патрон-клиентских отношений в русской журналистике XIX в. (Д. А. Бадалян); выделены некоторые аспекты читательских практик цензоров и деятельности цензурных институтов в Российской империи (Н. Г. Патрушева, К. В. Власова); охарактеризована благотворительная активность издательств, осуществлявших выпуск литературы в помощь нуждающимся в период потрясений начала XX в. (Д. А. Липатова, Д. А. Арутюнян); приведена методика организации культурно-досуговой деятельности с использованием книжных коллекций в библиотечно-информационном обслуживании различных групп пользователей (Е. А. Засыпкина).

Отдельного упоминания заслуживают литературные и художественно-творческие практики взаимодействия с книгой как арт-

объектом, ресурсом для инсталляций, бук-карвинга (К. Г. Антонян, Н. А. Соколова); анализ инскриптов в системе литературного этикета (О. Н. Ильина); возможности книги в качестве сюжетобразующей единицы, раскрытые на примере детской литературы (Е. Н. Шпинарская).

Следующая группа докладов, в значительной степени практикоориентированная, была посвящена цифровому маркетингу, инструментам интегрированных коммуникаций в книжном бизнесе (Н. В. Аверина); технологиям печати по требованию (Е. П. Касьянова); идентификации книги в медиaprостранстве на примере краеведческих справочников (А. В. Куликова).

Большой тематический блок, выделенный в самостоятельную секцию «Библиотека. Библиография», был связан с одной из частных и, вместе с тем, наиболее заметных проблем – бытованием книги в рамках библиотечного социального института. Львиную долю внимания докладчики уделили изучению книжных коллекций, в том числе цифровых, в фондах библиотек (О. В. Крупцева, Н. А. Гринченко, С. В. Забродина, Е. В. Ивановская); общим и частным проблемам библиографирования печатных и электронных сетевых публикаций (Л. И. Горская, Т. О. Серебрянникова, М. В. Стегаева, О. А. Александрова, Н. В. Пономарева); отдельным экземплярам как материальным объектам-источникам по реконструкции исторических событий (С. Е. Волоскова); редкой книге (А. В. Засыпкин); центрам изучения детской литературы (О. В. Селиванова); книжным клубам (Г. В. Варганова, В. А. Лягина).

Одной из условно новых, или возрожденных на очередном витке эволюции науки о книге, стала секция «Социология литературы и чтения», вместившая целый ряд принципиальных для современного книговедения вопросов. Именно здесь, пусть и пунктирно, появилась фигура автора, проступающая сквозь призму его круга чтения (Т. Б. Маркова), система субъект-субъектных отношений в книжных коммуникациях (Н. О. Егорова), в которых происходит «освобождение читателя от репрессивной интенции автора»¹. В связи с этим, другой центральной фигурой закономерно выступает читатель, а в фокусе изучения находятся типология читательских предпочтений и концепции читательского восприятия в контексте принципов постмодернизма (Л. А. Есауленко). Кроме того, в этой секции одно из центральных мест заняла традиционная для филологического крыла кафедры медиалогии и литературы тематика, связанная со внимательным прочтением и анализом художественных текстов (Г. Н. Боева, Л. И. Вигерина, Н. Е. Есманская, М. А. Жиркова, М. Л. Купченко, М. К. Лопачева, Н. С. Цветова, Н. Е. Щукина).

Какие первичные выводы можно сделать по результатам проведенной конференции? Первое и, безусловно главное – то, что наука о книге жива², она существует в различных модальностях и формах, выступает точкой пересечения научных и профессиональных интересов специалистов из различных учреждений – образовательных организаций, научно-исследовательских институтов, библиотек всех типов и видов. Вместе с тем, общим правилом остается организация и проведение частных, узкопрофильных, прикладных исследований, тяготеющих к декомпозиции обособленных историко-культурных сюжетов, замкнутых на самих себе (на конкретном фонде, библиотеке, центре, персоне). Это правило, как и любое другое, имеет свои, в данном случае – позитивные исключения, которых, будем осторожно надеяться, станет больше.

По-прежнему остро ощущается дефицит обобщающих теоретических работ. Мы уже отмечали малочисленность таких докладов на XXII Смирдинских чтениях, добавим, что их количество было невелико и в предыдущие годы³. Но, быть может, это справедливо лишь для конкретного научного форума, а за его пределами бушует полноводное море полемических страстей?

С целью получить объективные данные и избежать неоправданных индуктивных умозаключений мы произвели поиск по ключевым словам в электронной библиотеке eLibrary. В качестве ключевого слова был выбран термин «книговедение», как наиболее емко отражающий сущность изысканий именно теоретического толка и, по нашей гипотезе, подлежащий включению в перечни ключевых слов; тип публикации – «статьи в журналах», хронологический охват – с 2017 по 2022 г. (включительно). По результатам поиска выявлено 195 публикаций, что в общем немало и, используя историко-лингвистическую аллегорию, позволяет не классифицировать книговедение в качестве исчезающей науки. Однако наш анализ показал: абсолютное большинство статей имеет довольно опосредованное отношение к теоретическому книговедению. Тематический спектр выявленных публикаций похож на своеобразную таблицу случайных чисел, следуя которой, как известно, никогда не знаешь, какое число будет следующим. Вслушиваясь в имеющуюся разноголосицу (повторим, сконструированную по ключевому слову «книговедение»), мы встречаем работы по автоматизации библиотечных процессов, каталогизации, генеалогии, геральдике, нормативным стратегиям развития библиотечного дела и библиотечно-информационных наук, личным библиотекам, документологии. Вот уж и вправду – метанаука! Встречаются и действительно книговедческие труды. Они, в свою очередь, преимущественно сконцентрированы на

разработке отдельных дефиниций (книжная культура, электронная книга и др.), мемориальных и юбилейных книговедческих мероприятий, анализе научного творчества и биографий книговедов (И. Е. Баренбаума, Ц. И. Грин, Е. Л. Немировского, Н. А. Рубакина, Н. М. Сомова, Ю. Н. Столярова, Г. Н. Швецово-Водки). Работы теоретико-методологического характера с разной степенью конвенциональности и академичности, понимаемой нами в виде последовательной реализации принципов системности, историзма, научности и объективности, принадлежат перу довольно узкого круга авторов – Р. С. Гиляревского, М. Г. Вохрышевой, Л. И. Довнар, И. В. Лизуновой, С. Н. Лютова, В. А. Марковой, М. В. Раца, А. В. Соколова, Д. А. Эльяшевича, В. А. Мутьева. Подчеркнем, речь идет о конкретной направленной выборке, произведенной по заданным критериям. Вероятно, и даже совершенно определенно⁴ можно утверждать, что существуют публикации по источниковой базе, артикулируемым идеям и содержанию вполне соотносимые с книговедческим дискурсом, но ассоциируемые их авторами с другими научными направлениями – культурологией, литературоведением, социологией, философией.

В свете сказанного назрела потребность сделать абрис проблемного поля современного книговедения, не претендующий на исчерпывающую полноту, но позволяющий идентифицировать науку.

В основе проблемного поля теории книги, в рамках развиваемого нами медиалогического подхода⁵, лежит не книга-конструкция, для удобства аналитически отсеченная от жизнедеятельности общества и рассматриваемая как наличествующая данность или безоговорочный факт, а серьезный вдумчивый разговор о сущности и эффектах текстуализации социального действия. Под текстуализацией, в общем и целом, понимается графическое кодирование информации вкупе с физическим и/или программным его воплощением – материализацией. Она позволяет делегировать идеи актора, выраженные авторской речью, рукотворным объектам-посредникам (медиа), в частности – книгам и иным книжным формам. Дальнейшая жизнь идей обеспечена их распространением в медиaprостранстве – текстуальном отпечатке обществ и последующим индивидуальным декодированием. Декодирование при этом является не простой формальной операцией, а включает в себя выстраивание сложных логических и ассоциативных связей со всеми элементами, синтезированными в отстаиваемом нами объекте книговедения: автор – письмо – текст – чтение – читатель. При этом когерентность устанавливаемых связей является необходимым, но подчас трудно достижимым условием успешной коммуникации.

Системы координат отправителя сообщения (автора) и его получателя (читателя) должны находиться в одной плоскости с точки зрения приобретенного ими эмпирического опыта, традиций, общепринятых норм, способов изображения действительности, а субъекты коммуникации – обладать не только сходным понятийным аппаратом, но и сопоставимыми способами его применения. Словом, речь идет о погруженности в считываемые историко-культурные обстоятельства, позволяющие хотя бы для достижения коммуникативных целей пренебрегать индивидуальными биографиями в процессе общения акторов (авторов, посредников, читателей). Общения, опосредованного устными (не фиксируемыми) и письменными (материально фиксируемыми) текстами, генерирующими в конечном счете все пространство культуры.

Резюмируем: сверхзадача книговедения и истории книги состоит в изучении, описании, объяснении и реконструкции генезиса текстопосредованной культуры, овеществленной в книжных формах и означенной человеком. Особая сложность этой задачи связана с двойственной природой книжных и любых других медиатизированных коммуникаций. Книга как знаковая поливалентная система реализует свой потенциал посредством технологически заданных параметров, то есть зависит от уровня научно-технического прогресса и не способна (на данный момент) к автономной трансформации. При этом задаваемые параметры (суть – технологии) – не только и не столько автоматизированные процессы, возможные благодаря электронно-вычислительным машинам, а совокупность человеко-машинных действий, нацеленных на определенный социально значимый результат. Но, пребывая в зависимости от достижений науки и техники, книга одновременно, и сама формирует матрицу восприятия действительности, которая не поддается познанию опытным путем каждым отдельно взятым членом общества, во всей ее всеохватности и непрерывности.

Прочтение и понимание прочитанного как индивидуально осознываемые результаты взаимодействия с книгой-объектом задают вектор для бытовой и научной рефлексии, а следовательно, определяют последующие варианты технологических новшеств вообще и модификации характеристик самого объекта (книги) в частности. Таким образом, феномен книги находит свое воплощение в ряде циклических и нелинейно следующих друг за другом процедур, определяющих уникальность каждого акта прочтения и динамичность воспринимаемого содержания, опосредованного изменчивой формой его материальной организации. Поэтому один из ключевых вопросов нового «понимающего» книговедения звучит следующим образом: как усложняющиеся и

все более специализированные средства текстопередачи, с одной стороны и, технологии иммерсивного чтения в дополненной реальности, с другой, трансформируют наши возможности восприятия объектов реального мира и создают предпосылки для воспроизводства, изменений или повторной актуализации социально-разделяемых значений?

Такой фокус нового книговедения может показаться буквальной противоположностью статичного, конкретно-предметного исторического книговедения, но на самом деле и оно органично встраивается в излагаемую концепцию, становясь ее неотъемлемой частью.

Подведем некоторые итоги и обозначим реперные точки современных книговедческих исследований. Во-первых, они неразрывно связаны с этапами коммуникационного цикла бытования книги. Во-вторых, этот цикл всегда нелинеен и непоследователен с точки зрения очередности следования этапов. Наконец, в-третьих, проблемное поле книговедения воспроизводит черты своего пятичастного объекта, а также связи и процессы, проистекающие между ними. Схематично, эти процессы можно представить в виде следующей модели:

- Первичная авторская активность в конкретных подвижных социокультурных реалиях: замысел и планирование графически опосредованной (закодированной) его реализации.
- Созидаящая авторская активность с использованием доступных возможностей письма: конструирование текста, понимаемого как социотехническое явление и возможное благодаря кооперации акторов, делегирующих свою репрезентацию материальным объектам.
- Диссеминация текста посредством имеющихся каналов тиражирования, распространения и сохранения, обеспечивающих бесконечное количество его итераций. Это справедливо не только для электронного текста, как может показаться при поверхностном взгляде.
- Индивидуальное прочтение книги в полноте ее материальных и идеальных характеристик и, как следствие, текст-опосредованное познание читателем-автором окружающей действительности.
- Превращение прочитанного в факт читательской биографии (неотделимой от иных биографических событий) посредством мышления, интерпретации и адаптации как самого текста, так и всех известных читателю обстоятельств его создания и функционирования.
- Генерация нового знания с последующей текстуализацией.

Именно такое динамичное понимание книговедческих задач и фокус на текстах как культурных артефактах запечатленного социального действия позволит, с нашей точки зрения, развиваться науке о книге в русле широкого общегуманитарного дискурса.

Примечания

¹ Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее: тезисы докладов всерос. науч. конф. XXII Смирдинские чтения «Наука о книге: прошлое, настоящее, будущее», 21–22 апреля 2022 г. / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ин-т культуры, библиотечно-информ. факультет, каф. медиалогии и литературы. СПб.: СПбГИК, 2022. 52 с.

² Эльяшевич Д. А. Книговедение: жизнь после смерти / Д. А. Эльяшевич // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 60–63.

³ Гиляревский Р. С. Чего мы ждем от книги и книговедения в ближайшие годы? / Р. С. Гиляревский // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 48–54; Эльяшевич Д. А. Книговедение: жизнь после смерти / Д. А. Эльяшевич // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 60–63; Рац М. В. Книговедение – 2018: предложения к повестке дня / М. В. Рац // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 82–91; Маркова В. А. Развитие книговедения в контексте дискурса кризиса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 92–98; Стаф И. К. История книги и история литературы: проблемы взаимодействия / И. К. Стаф // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 99–111; Лизунова И. В. Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху / И. В. Лизунова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 112–115; Маркова В. А. Еще раз к вопросу об объекте книговедения / В. А. Маркова // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 27–36; Мутьев В. А. Книговедческие образовательные программы и учебные дисциплины в зарубежных вузах / В. А. Мутьев // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 37–47.

⁴ Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее / Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53.

⁵ Мутьев В. А., Эльяшевич Д. А. Теория медиа М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения / Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев // Библиосфера. 2021. № 4. С. 3–13; Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее / Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53; Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Зарубежное книговедение: анализ исследовательских подходов (на примере переведенных монографий) / Д. А. Эльяшевич, В. А. Мутьев // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4. С. 180–186.

РАЗДЕЛ 1
КНИГА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК
SECTION 1
THE BOOK IN THE CONTEXT OF VARIOUS
CULTURAL AND HISTORICAL PRACTICES

УДК 002:001.89

Р. С. Гиляревский

**Библиометрия как понимание социальных закономерностей
научных коммуникаций**

Достижения науки измеряют по количеству журнальных статей и библиографических ссылок. В соответствии с социальными закономерностями статьи распределяются не только по журналам своей тематики, но и по другим предметным категориям. Публикации стареют не только из-за устаревания информации, но и из-за резкого роста их количества. Вычисления, не учитывающие этого, создают неверное представление о развитии науки.

Ключевые слова: библиометрия, рассеивание статей по журналам, закон Брэдфорда, старение публикаций, период полужизни статей, научные коммуникации.

R. S. Gilyarevskiy

**Bibliometrics as an understanding of scientific communication
system social patterns**

The achievements of science are measured by the number of journal articles and bibliographic references. According to social patterns, articles are distributed not only by journals of their subject, but also by other subject categories. Publications age not only because of the obsolescence of information, but also because of a sharp increase in their number. Calculations that do not take this into account create a misconception about the development of science.

Keywords: bibliometrics, scattering articles by journals, Bradford's law, aging of publications, half-life of articles, scientific communications.

Если следовать академическим правилам и начинать статью со словарных определений терминов его названия, то библиометрия – это научное направление, основанное на количественном анализе библиографических характеристик опубликованных документов, служащее для количественной оценки библиографических процессов. Оно развивается в рамках наукометрии, занимающейся статистиче-

скими исследованиями структуры и динамики массивов и потоков научной информации, изучением эволюции науки с помощью измерения и обработки размеров вложенных в нее финансовых средств, числа занятых в ней людей, количества публикаций и изданий, их цитируемости для оценки деятельности ученых и их коллективов.

Библиометрия как один из разделов науковедения, с которого оно, в сущности, и началось, пытается измерить развитие науки путем вычислений, связанных с потоком публикаций, поскольку сделать это непосредственно нельзя, а экспертные мнения на этот счет субъективны и противоречивы. Одной из первых попыток библиометрически измерить науку была монография австрийского экономиста Фрица Махлупа (1902–1983), эмигрировавшего в США в связи с гитлеровским аншлюсом Австрии¹. В нашей стране это сделал философ и науковед Василий Васильевич Налимов (1910–1997), написав с аспиранткой книгу, заглавие которой дало название этой дисциплине². Сам термин «библиометрия» был введен английским ученым А. Причардом в 1967 г.

Библиометрическая деятельность началась в 1920-е гг. при социологических исследованиях науки и получила широкое развитие с выходом периодического Указателя библиографических ссылок в естественных науках (*Science Citation Index*) Ю. Гарфилда в 1962 г. Первоначально этот указатель служил средством информационного поиска, в котором сеткой координатного индексирования являлись фамилии и имена авторов в библиографических ссылках. Однако довольно скоро по нему стали отслеживать динамику изменений цитирования и определять перспективность научных исследований. Начиная с 2010 г., во всем мире усилилось государственное стимулирование публикационной деятельности, оживившей в научном сообществе вековой давности лозунг: «Публикуй, иначе погибнешь!». Это привело научных работников и преподавателей высшей школы к необходимости искать темы с готовыми численными данными, поскольку для самостоятельного получения таких данных требуются долготлетние эксперименты. И тогда на помощь пришли указатели библиографических ссылок, издаваемые ныне во многих странах на так называемых платформах индексации и цитирования типа *Web of Science*, *Scopus*, *eLibrary* и т.п.

Эти информационные системы регулярно публикуют статистические сведения о индексируемых ими тысячах журналов и содержащихся в них ежегодно миллионах статей и сотнях миллионов ссылок. Каждый физик, химик, биолог и представитель другой отрасли науки может сопоставить свою отрасль науки, дисциплину, ее раздел со всеми другими и написать вполне исследовательскую статью. И они

это делают, щеголяя статистическими изысками, приводя данные о статьях и ссылках в статике и динамике с точностью до десятых долей процентов. Такие статьи публикуются тысячами, причем во вполне престижных журналах. А что? Каждая статья имеет индекс линейной классификации своего журнала (часто содержащей сотни рубрик), который более или менее отражает тематический профиль этого журнала. Казалось бы, в чем подвох? Он в том, что это статистика в социальной сфере, в которой каждый объект счета имеет свои особенности и подчиняется своим законам, которые так же непреложны, как и законы природы.

Исследуемые в библиометрии объекты – книги, статьи, журналы, библиографические ссылки – имеют разную социальную природу и требуют разного подхода. Книжки и статьи определены и одномоментны, будучи однажды опубликованы, они не меняют своих реквизитов, но статьи привязаны к журналу, в котором они вышли в свет, а журнал – живой организм и может менять профиль, периодичность, название, разделяться на серии и даже совсем прекратить выпуск. В центрах индексации и цитирования журналы разделяются по тематическим категориям, индекс которых получают все статьи конкретного журнала, при этом большинство исследователей не учитывает явления рассеивания статей одинаковой тематики по журналам разных профилей, в результате которого в журналы одной категории попадают статьи другой тематики, а большая часть статей данной тематики оказывается в журналах других категорий. Библиографические ссылки выполняют связь между двумя публикациями – той, в списке литературы которой она находится (цитирующей), и той, библиографическим описанием которой она является (цитируемой). Эти ссылки могут находиться в журналах как одного названия, так и совершенно разных названий, индексируемых в разных категориях. Цитирующие статьи, обзоры, доклады и главы книг, являющиеся источниками ссылок, динамичны – их количество, как и журналов, материалов конференций и книг, ежегодно растет.

Когда автор статьи ссылается на статью другого автора, он может быть с ним незнаком и не думает, что в сети научного цитирования он может оказаться не связан с этим и авторами других статей различными видами связи – библиографическим сочетанием (*bibliographic coupling*) и социцитированием (*co-citation*). Центры индексации и цитирования, такие как *Web of Science*, *Scopus*, *eLibrary*, ежегодно обрабатывают сотни миллионов ссылок и предоставляют исследователям возможность пользоваться своими публикуемыми данными.

Необоснованность многих вычислений по тематическим категориям журналов для определения наукометрических параметров не исчерпывается различиями классифицируемых объектов. Гораздо серьезнее то, что при этом не учитывается явление рассеивания статей определенной тематики по журналам, объективно существующее с момента их появления в 1665 г. Это явление заключается в том, что в каждом журнале любого конкретного профиля помимо соответствующих ему статей публикуются статьи смежной, а подчас и вовсе другой тематики. Оно было случайно открыто в 1934 г. английским документалистом С. Брэдфордом (1878–1948), который спустя полтора десятилетия опубликовал окончательную формулировку закона, известного под его именем: «Если научные журналы расположить в порядке убывания числа помещенных в них статей по какому-либо заданному предмету, то в полученном списке можно выделить ядро журналов, посвященных непосредственно этому предмету, и несколько групп или зон, каждая из которых содержит столько же статей, что и ядро. Тогда количества журналов в ядре и в последующих зонах будут относиться как $1 : a : a^2$ »³. Правильная алгебраическая форма этого определения принадлежит его сподвижнику Б. Веккери⁴.

Через несколько лет об этом уже писали в справочнике: «С. Брэдфорд установил, что если совокупность всех публикаций, посвященных какому-либо вопросу, принять за единицу, то в специальных периодических изданиях по данному профилю, число которых сравнительно невелико, помещается лишь около одной трети этих публикаций. Вторая треть статей по данному вопросу оказывается опубликованной в значительно большем числе тематически родственных журналов другого профиля. И, наконец, последняя треть этих публикаций рассеяна в огромном числе периодических изданий, в которых появление статей по данному вопросу нельзя предвидеть, так как эти периодические издания носят слишком общий характер или тематически не связаны с данным вопросом.

Эта зависимость, получившая название закона рассеивания Брэдфорда, в аналитическом виде может быть записана следующим образом:

$$T_1 : T_2 : T_3 = 1 : n : n^2,$$

где T_1 , T_2 , T_3 – число периодических изданий, содержащих соответственно x , $2x$ и $3x$ статей по тому или иному вопросу, а n – число, находящееся в прямой зависимости от x и имеющее разное значение для различных отраслей знания»⁵ [5]. Из этого следует, что полный охват научно-технической литературы по какому-либо вопросу не может быть обеспечен, если ограничиться лишь просмотром

журналов по соответствующему профилю и журналов по родственной тематике.

Из закона и явления, на котором он основан, вытекают два важных следствия. Во-первых, при подсчете статей в журналах, относящихся к определенной тематической категории, учитываются далеко не все статьи этой тематики. Если предположить, что в тематической категории *Web of Science* отражается число журналов близкое к брэдфордскому ядру (что возможно, но не очевидно), то отражается только одна треть статей, а оставшиеся другие две трети статей рассеяны по журналам во многих других категориях. Во-вторых, что еще хуже, мы по тематике этой категории учитываем некоторое количество статей, к ней не относящихся. Много их или мало, мы еще попробуем оценить. Для этого нужно иметь в виду, что профиль журнала, его тематика – это довольно расплывчатая категория с размытыми границами, тогда как «предмет» статьи в законе Брэдфорда более четок и конкретен, поскольку одним из условий его выполнения является несомненность отнесения основного смыслового содержания статьи к этому предмету.

Закон этот – объективный социальный закон, действующий в любой совокупности журналов, имеющих или не имеющих определенного порядка их расположения. Это означает, что, когда мы указываем количество статей и/или ссылок в одной из тематических категорий, имеются в виду только статьи и ссылки в журналах, приписанных к этой категории, причем далеко не все они имеют тематику этой категории, а те, которые относятся к ней, это возможно только треть всех статей этой тематики, рассеянных по всей совокупности журналов во всех тематических категориях. Следовательно, все рассуждения, основанные на вычислениях по разделам науки в индексах цитирования, не могут использоваться для каких-либо достоверных выводов о соотношениях вклада ученых или их коллективов.

Похожая ситуация возникает и при библиометрическом определении старения публикаций, которое заключается в том, что они с увеличением своего «возраста» теряют привлекательность как источники информации и все меньше используются специалистами. Степень этого использования можно устанавливать при помощи учета цитирования. В данном случае стареет не сама информация, а содержащие ее публикации, поскольку в свежих работах эта информация может быть «упакована» более плотно. Количество публикуемых статей растет намного быстрее, чем размеры пристатейных списков, и авторы предпочитают ссылаться на более новые статьи.

Для измерения скорости старения публикаций американские ученые Р. Бартон и Р. Кеблер предложили в 1960 г. меру, названную «периодом полужизни» публикаций по аналогии с показателем скорости полураспада радиоактивных веществ⁶. Период полужизни публикаций – это время, в течение которого была опубликована половина всей используемой в настоящее время литературы по какой-либо отрасли или предмету. Например, если этот период равен 5 годам, то это значит, что 50 % всех процитированных в текущем году по данному предмету работ не старше пяти лет. Ниже приводятся данные разных авторов о периодах полужизни публикаций в различных отраслях науки, полученные в 1960-х гг.:

Биомедицина 3,0	Химия 8,1
Физика 4,6	Государство и право 8,2
Металлургия 4,6	Ботаника 10,0
Химическая технология 4,8	Математика 10,5
Социология 5,0	Геология 11,8
Машиностроение 5,2	География 16,0
Физиология 7,2	История 16,3

Достоверность приведенных цифр зависит от величины выборки цитирования, от типа и характера публикаций, поэтому даже в пределах одной науки данные разных авторов могут существенно расходиться. Но дело не только в этом. В 70-е и 80-е гг. прошлого века проблема старения литературы подверглась интенсивным исследованиям, в результате которых ее понимание стало сильно отличаться от концепции «периода полужизни». Начало этому пересмотру положил М. Лайн, который ввел в расчет характеристики старения литературы темпы ее экспоненциального роста. Сущность того, что произошло в трактовке старения, как всегда ярко выразил Д. де Солла Прайс: «В течение нескольких лет после публикации спрашиваемость статьи или ее относительная цитируемость уменьшается крайне медленно (по параболе, если считать по логарифмам прошедших лет). Даже через столетие возможность цитирования уменьшается только на порядок. Большинство ссылок падает на работы последних лет потому, что этих работ большинство, и очень сомнительно, чтобы это вызывалось эффектом немедленности, связанным с быстрым старением...»⁷.

Этой проблеме до сих пор и у нас, и в ряде зарубежных стран посвящается много серьезных работ, которые убеждают в том, что частота использования определенной совокупности литературы одного года издания меняется очень медленно. Использование публикаций,

определяемое по их цитированию или на основе запросов читателей, отражает не только старение литературы, но и ее рост. Современные исследования показывают, что период полужизни с 1960-х гг. увеличился в полтора-два раза, хотя темпы развития науки вовсе не замедлились.

Для теоретиков информатики и историков науки важно учитывать старение литературы в чистом виде, для информационных работников и библиотекарей период полужизни служит важным практическим показателем и продолжает широко использоваться. Следует также иметь в виду, что цитируются далеко не все научные публикации. Половина статей в определенной области в текущем году, как правило, не упоминается, а еще 40% цитируется лишь один раз (обычно самим автором). Таким образом, активный исследовательский фронт, т. е. число работ, цитируемых более одного раза в году, на порядок меньше корпуса опубликованной литературы.

Когда в 1960-е гг. науковеды поняли необходимость изучения процесса устаревания научных публикаций и изобрели для этой цели показатель, который называли «периодом полужизни» научных публикаций, они еще не знали, что старение журнальных статей происходит быстрее, чем информации, в них содержащейся. Это в 1980-е гг. выяснилось, что на вполне не устаревшие статьи перестают ссылаться из-за того, что количество статей растет значительно быстрее, чем число ссылок в каждой из них. Это сложное библиометрическое явление, в котором не последнюю роль играют обзоры. Хотя авторы обзоров и ссылаются на большое число наиболее значимых публикаций, но одновременно выступают как их могильщики, поскольку последующие авторы ссылаются не на эти статьи, а на обзоры, в которых они упоминаются.

Не вполне корректной оказалась и аналогия, по которой был сформирован сам показатель процесса старения. Ведь период полужизни радиоактивных веществ – величина абсолютно постоянная, основанная на законах природы, а период полужизни публикаций как явление социальное со временем меняется, хотя и медленно. Тем не менее он практически используется в библиотечной, библиографической и информационной практике, хотя науковеды-теоретики на некоторое время потеряли к нему интерес.

Сейчас этот интерес возрождается, поскольку благодаря новому информационно-аналитическому инструменту *Journal Citation Reports (JCR)* появилась возможность следить за динамикой изменения периода полужизни публикаций, а она все же отражает темпы развития на-

уки в целом и ее разделов различного объема. Эта динамика крайне важна для управления наукой при определении ее приоритетных направлений, особенно для целеполагания и прогнозирования научных исследований. В ВИНТИ РАН проводятся подобные исследования на материалах платформы индексации и цитирования *Web of Science*, которая является первой и самой авторитетной подобной системой. В таблице приводятся данные, показывающие, что по некоторым, особенно социальным и гуманитарным, дисциплинам показатели старения публикаций выросли с 60-х гг. и что динамика этих изменений ускоряется⁸.

Приведенные примеры показывают, что библиометрия может давать относительно достоверные сведения, если понимать, что эти подсчеты ведутся в системе научной коммуникации, которая является хотя и особой, но сугубо социально сферой, и очень важно, какие объекты и явления в ней обсчитываются. Некоторые из них подвержены действию таких социальных явлений, которые подчиняются законам роста публикаций и их рассеивания по журналам.

Таблица
Динамика значений периода полужизни российских
и мировых публикаций по шести разделам науки

Годы	Медицина и здравоохранение		Математика и логика		Физические науки		Компьютерные и информационные науки		Животные, растения, вирусы		Исторические науки	
	Россия (WoS)	Мир (JCR)	Россия (WoS)	Мир (JCR)	Россия (WoS)	Мир (JCR)	Россия (WoS)	Мир (JCR)	Россия (WoS)	Мир (JCR)	Россия (WoS)	Мир (JCR)
2006	6,2	7,4	12,0	12,2	7,8	8,6	8,8	7,7	11,0	10,8	16,8	21,4
2007	6,0	7,4	12,0	12,2	7,9	8,6	8,6	7,7	10,9	10,9	17,0	21,2
2008	6,0	7,5	13,0	12,2	8,2	8,7	9,0	7,8	11,5	10,9	19,0	21,2
2009	6,3	7,5	13,0	12,3	8,4	8,7	9,6	7,8	12,2	11,0	17,2	21,2
2010	6,5	7,6	13,5	12,3	8,6	8,9	9,4	7,8	11,0	11,0	16,9	20,9
2011	7,0	7,7	13,8	12,5	8,8	8,8	9,5	7,9	11,8	11,0	18,8	21,2
2012	6,8	7,8	13,6	12,5	8,6	8,9	8,5	8,0	11,9	11,1	19,0	21,2
2013	6,8	7,8	13,0	12,5	8,6	9,0	9,0	8,1	11,9	11,2	20,0	21,5
2014	6,7	7,9	14,0	12,5	8,8	8,9	8,8	8,2	12,4	11,0	21,0	21,2
2015	6,5	7,9	13,0	12,6	8,9	9,0	8,5	8,2	12,2	11,1	18,0	21,2
2016	6,2	8,0	12,5	12,6	8,7	9,0	8,8	8,1	13,2	11,2	18,0	21,3
2017	6,7	7,9	12,8	12,9	8,8	9,2	8,5	8,0	12,9	12,3	18,1	22,8
2018	6,2	7,8	12,0	13,0	8,8	9,2	7,0	8,0	12,6	12,0	19,4	21,7

Примечания

¹ Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. М.: Прогресс, 1966. 462 с.

² Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса / В. В. Налимов, З. М. Мульченко. М.: Наука, 1969. 192 с.

³ Bradford S. C. Documentation / S. C. Bradford. London: Lockwood 1948. P. 152.

⁴ Vickery B. C. Bradford's Law of Scattering / B. C. Vickery // Journal of Documentation. 1948. Vol.4. N. 2–3. P. 200.

⁵ Handbook of Special Brinkmanship and Information Work: 2nd ed. / gen. ed W. Ashworth. London: Aslib, 1962. P. 364.

⁶ Burton R. E., Kebler R. W. The «Half-Life» of Some Scientific and Technical Literatures R. E. Burton, R. W. Kebler // American Documentation. 1960. № 1. P. 98–109.

⁷ Price D. de Solla. Networks of scientific papers / D. de Solla Price // Science. 1965. Vol. 149. P. 510–515; Прайс Д. де Солла. Система научных коммуникаций / Д. де Солла Прайс // Успехи физических наук. 1966. Т. 90. Вып. 2. С. 349–360.

⁸ Старение цитируемых и цитирующих журналов: периоды полужизни и их взаимосвязь с другими библиометрическими показателями / Р. С. Гиляревский, А. Н. Либкин, И. А. Либкин, В. Г. Богоров // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2021. № 7. С. 25–38.

А. В. Соколов

Суета сует и томление научного духа в российской библиосфере

Одной из вековых проблем цивилизации является осмысление прошлого, настоящего и будущего книги. Достаточно вспомнить памятник мировой культуры «Книгу Екклесиаста», более двух тысячелетий сопровождающий человечество. Книга начинается словами «суета сует, – все суета», убеждает читателя, что мудрость – это томление духа, «ибо во многой мудрости много печали; кто умножает познания, умножает скорбь». Суета сует в российской библиосфере обусловлена стремлением власти модернизировать культуру путем указов Президента, стратегий, национальных проектов и других управленческих решений. В этих решениях приоритетом пользуются информатизация и цифровизация, экономические и правовые вопросы, а книжная культура и ее значимость для национальной безопасности выпадает из поля зрения управленцев. В научно-исследовательской деятельности российских библиотек важно обеспечить гармоничное сочетание гуманистических целей и цифровых технологий. стратегия развития библиосферы не может ограничиться преодолением суеты сует текущей действительности, ей важно учитывать главную движущую силу книжной культуры, которой является Библиологическая производительная сила, обеспечивающая создание, сохранение, использование библиосферы.

Ключевые слова: библиолог, библиосфера, библиотековедение, книговедение, книжная культура, наука, Россия, суета сует, стратегия, технократия, цифровая культура.

A. V. Sokolov

Vanity of vanities and the vexation of the scientific spirit in the russian bibliosphere

One of the age-old problems of civilization is the comprehension of the past, present and future of the book. It is enough to recall the monument of world culture «The Book of Ecclesiastes», which has accompanied humanity for more than two millennia. The book begins with the words «vanity of vanities– all is vanity», convinces the reader that wisdom is a longing of the spirit, «for in much wisdom there is much sorrow; whoever multiplies knowledge multiplies sorrow» The vanity of vanities in the Russian bibliosphere is caused by the desire of the authorities to modernize culture through presidential decrees, strategies, national projects and other management decisions. In these decisions, informatization and digitalization, economic and legal issues take priority, and book culture and its significance for national security fall out of the field of view of managers. In the research activities of Russian libraries, it is important to ensure a harmonious combination of humanistic goals and digital technologies. The development strategy of the bibliosphere cannot be limited to overcoming the vanity of vanities of the current reality, it is important for it to take into account the main driving force of book culture, which is the Bibliological productive force that ensures the creation, preservation, use of the bibliosphere.

Keywords: Bibliologos, bibliosphere, library science, book studies, book culture, science, Russia, vanity of vanities, strategy, technocracy, digital culture.

В священной «Книге Екклесиаста», написанной во II столетии до н. э., были провозглашены две вековые истины: все практические дела людей, которые делаются под солнцем, – суть «суета сует»; познавательная же деятельность – это томление духа, потому что «во многих мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь»¹. Возникает наивный, казалось бы, вопрос: распространяются ли древние истины на современную российскую библиосферу? Серьезные книговеды и библиотековеды никогда хронологией познания не интересовались. Тем не менее, рискнем затронуть её в настоящей статье хотя бы в постановочном плане. Будем базироваться на лексикографии «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, где суета понимается как тщетные усилия, пустые хлопоты, неразумное поведение, а суетное томление духа – источник суеверия и суемудрия – вздорного лжеумствования².

1. Суета сует библиосферы

Прежде всего, уточним, что библиосферу мы понимаем как исторически сложившуюся в XX столетии область бытия книги (систему систем), осуществляющую на индустриальном базисе производство, сохранение, использование и дальнейшее развитие национальной книжной культуры. Согласно данному определению, библиосфера включает три автономных сектора:

- 1) авторский (производственный);
- 2) читательский (потребительский);
- 3) инфраструктурный – вспомогательный сектор библиосферы как особой социально-культурной системы.

Инфраструктура обеспечивает на коммерческой или некоммерческой основе функционирование основных социальных институтов производственного сектора, а именно: издательского дела, полиграфической промышленности, книжной торговли, библиотечного дела, библиографического дела. Инфраструктура включает:

- а) современные материально-технические ресурсы, (полиграфическую и копировальную технику, телекоммуникационное и компьютерное оборудование);
- б) интеллектуальные ресурсы в виде библиотечно-информационного образования и общественно-гуманитарных учений о Книге (библиографоведение, библиотековедение, документоведение, история книги, библиополистика, эдициология и многие др.);
- в) органы управления библиосферой в лице государственных учреждений и добровольных профессиональных объединений.

Субъектов, порождающих суету в библиосфере, довольно много: это коммерческие организации книжного рынка; союзы библиофилов; историко-культурные, религиозные, политические движения; профессиональные общества книжной инфраструктуры и др. Мучительное томление духа познания присуще интеллектуальной инфраструктуре, вдумчивым книговедам, библиотековедам, документологам, а также некоторым другим духовно чутким гуманитариям-книжникам. Развивая духовно-просветительские традиции, российские библиотеки всех типов и видов, всех регионов и отраслей знания активно, часто творчески и всегда бескорыстно работают с читателями, приобщают разные поколения к ценностям книжного мира, бережно реставрируют и пополняют фонды, распространяют культуру чтения. Нельзя удержаться от удивления и восхищения самоотверженным энтузиазмом библиотечных работников, если познакомиться с ежегодными сводными планами основных профессиональных мероприятий, публикуемых Российской библиотечной ассоциацией. Так, в сводном плане 2022 г. предусмотрено 180 социально-культурных мероприятий различных масштабов и форматов – форумы, фестивали, научно-практические конференции, чтения, семинары, дискуссии, круглые столы, школы обмена опытом и др. Тематика мероприятий чрезвычайно широка и разнообразна. Типичный пример: Псковская областная универсальная научная библиотека им. В. Я. Курбатова проведет в очно-дистанционном формате Форум модельных библиотек Северо-Запада России «БиблиоMODEL – 2022», на который приедут более ста специалистов из различных регионов России. Другой пример: Центральная городская библиотека им. В. Маяковского в Чебоксарах организует семинар-практикум «Мастерская библиотечных проектов», на котором поставлена задача овладеть методикой разработки проектов для грантовых конкурсов. Конечно, не забыты краеведческие традиции, тем более, что 2022 г. объявлен Годом культурного наследия России. Наряду с заботой об адекватности книжных памятников, российские библиотекари уделяют большое внимание преобразованию книжного наследия в цифровой формат.

Гуманистическая сущность российского библиотечного дела как института воспитания и развития личности ярко проявляется в педагогической работе с детьми и молодежью (здесь признанные лидеры – Российская государственная детская библиотека и Российская государственная библиотека молодежи), а также в формировании специальных библиотек для слепых как инклюзивных информационно-культурных центров. Практика свидетельствует, что гуманизм книж-

ности ощущается профессионалами книжного дела на интуитивно-эмпирическом уровне. Книги, как известно, облагораживают, поэтому большинство российских библиотекарей – это стихийные гуманисты, самоотверженно и бескорыстно преодолевающие повседневную суету сует, объективные и субъективные противоречия российской библиосферы.

Если суету понимать как тщетные усилия, пустые хлопоты, неразумное поведение, то к суете сует относятся такие уродливые явления, как: дисфункция книжного чтения и отток читателей из общедоступных библиотек; сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка (преобладание пошлой коммерческой культуры, постоянный рост цен на книги, вытеснение интеллектуальной литературы); кризис ретроспективного библиографического поиска, свертывание библиотечных сетей, униженность библиотечной профессии. Источниками нелепой суеты являются управленческие решения чиновников-культуроведов, нацеленные на организационную оптимизацию библиосферы с целью сокращения бюджетных расходов. Эта «оптимизация» осуществляется в двух вариантах: присоединение мелких учреждений к более крупным и объединение разнопрофильных учреждений культуры. В обоих случаях страдающей стороной оказались библиотеки.

Например, правительство Московской области в 2021 г. приступило к реализации проекта «Перезагрузка библиотек Подмосковья», согласно которому сокращается сеть городских и сельских библиотек, изымаются и утилизируются фонды, помещения библиотек передаются клубам, фитнес-центрам, танцевальным коллективам, другим организациям, предоставляющим платные услуги. В городе-наукограде Жуковском (население 100 000 человек) в 2017 г. работало 11 полноценных библиотек, объединенных в централизованную библиотечную систему (ЦБС), ведущую активную культурно-творческую работу с читателями всех возрастов. К апрелю 2022 г. планируется оставить лишь 4 библиотеки и «пункта выдачи», причем будут слиты старейшие в городе Центральная городская и Центральная детская библиотеки. Возмущенные жители наукограда активно протестуют, и на улицах появились (случай исключительный!) многоцветные листовки с призывами «Защитим библиотеки!», «Чиновники, остановитесь! Нам нужны библиотеки!», «Наши дети читают, а ваши...?», «Сохраним детскую библиотеку!» и др.

Департамент культуры Москвы, в свою очередь, приложил руку к дегуманизации российской библиосферы. 24 декабря 2021 г. был издан приказ о присоединении к существующим централизованным библи-

отечным системам (ЦБС) московских округов некоторых учреждений клубного типа, в связи с чем ЦБС переименовываются в «Объединения культурных центров округа». Беда в том, что вновь создаваемые «объединения» оказываются вне поля государственных библиотечных программ и размывается их принадлежность к книжной культуре, поскольку они выпадают из Федерального закона «О библиотечном деле». Реальна опасность превращения столичных библиотечно-библиографических учреждений из центров книжности, чтения, самообразования в коммерческие бизнесцентры, торгующие арендой помещений, платными досуговыми услугами и т. д. Есть основания опасаться, что московский опыт «разбиблиотечивания» будет подхвачен бизнес-элитой в других регионах, готовящихся старомодную книжную культуру трансформировать в цифровую медиакультуру. Однако не будем априори абсолютизировать суетливое невежество неразумных чиновников, обратимся к стратегической направленности государственной культурной политики.

2. Стратегическая антиномия библиосферы

Политическое руководство современной Российской Федерации никогда не пренебрегало культурой. Об этом свидетельствует Национальный проект «Культура», инициированный указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 «О стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и дополненный указом от 21 июля 2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Согласно президентским указам, культура является важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения многонационального культурного пространства и территориальной целостности России. Реализуя президентские директивы и, возможно, руководствуясь старинной поговоркой «не добра суета, а добр распорядок», Министерство культуры России, со своей стороны впервые в истории отечественной библиосферы разработало Стратегию развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года, которую Правительство России утвердило 13 марта 2021 г.

Стремясь исключить суетумудрие и вздорное лжеумствование, Стратегия исходит из принципа, что в условиях революционных технологических сдвигов, мультимедийной глобализации и беспрецедентного роста информационных ресурсов необходимо приоритетно реализовать конституционные права граждан на творческую самореализацию и свободный доступ к информации, приобщение к ценностям россий-

ской и мировой культуры, практическим и фундаментальным знаниям. Прекрасный гуманистический замысел! Однако оказалось, что декларируемый замысел можно реализовывать двояко, ибо в культурной политике конкурируют два стратегических направления развития библиотечного дела в России – технократическая стратегия и культурно-историческая стратегия.

Технократическая стратегия исповедуется могильщиками книжной культуры, убежденными в том, что мультимедийная глобальная цифровая коммуникация станет достойной заменой старомодных национальных, федеральных, региональных книгохранилищ. Они эмоционально призывают библиотечную интеллигенцию перестать цепляться за привычные полиграфические стереотипы, преодолеть собственную косность и сменить кустарный педантизм на электронную мощь цифровых технологий. Весомым аргументом в пользу технократической стратегии является ее согласованность с Национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предусматривает построение общества знания на базе цифровых технологий. Технократы-новаторы убеждены, что при условии соответствующей нормативно-правовой базы и достаточного финансирования будут модернизированы все основные направления деятельности современных библиотек (оцифровка фондов, роботизация и виртуализация обслуживания, коммуникация библиотек и т. д.). В технократической стратегии планируется ежегодно выделять 1,5 млрд рублей на проектирование и комплектование фондов нескольких сотен модернизированных, образцово-показательных «модельных муниципальных библиотек» практически во всех регионах Российской Федерации. При этом утверждается, что «библиотека – это в первую очередь печатная книга»³.

Надо признать, что весьма впечатляющей является программа формирования Единого российского электронного пространства знаний, основой которого станут Национальный библиографический ресурс (НБР) – сводный генеральный каталог всех документов, хранящихся в библиотечных фондах страны, и федеральная государственная информационная система «Национальная электронная библиотека» (НЭБ). На базе НБР планируется создать Национальную книжную платформу (НКП), которая должна централизованно регистрировать издательскую продукцию, решать информационно-поисковые, рекомендательные, учетно-статистические задачи и обеспечивать бесцельное взаимодействие между издателями и библиотеками в процессах комплектования. Последствия внедрения технократической стратегии цифровизации

невозможно предвидеть, можно только сравнивать их с изобретением книгопечатания, а может быть, ядерного оружия.

Культурно-историческая стратегия развития российских библиотек формально не документирована, но она содержится в проекте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, опубликованном Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Институт наследия) в январе 2022 г. Данный проект претендует на статус межотраслевого документа стратегического планирования в сфере национальной безопасности. В социальных науках традиция обычно понимается как культурная ценность, сохраняющаяся в исторически стабильных обществах или социальных группах в течение длительного времени. Отсюда следует, что традиционные ценности – это формирующие мировоззрение граждан нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, цивилизационную идентичность и единство культурного пространства страны.

В культурно-исторической стратегии перечислены следующие российские традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Никаких обоснований перечня не представлено, хотя соединение в нем разнородных антропологических, социологических, психологических, моральных и этнических качеств личности или социума нуждается в оправдании. Определение ценностей, которые следует считать объектами государственной культурной политики, – это особая мировоззренческая, научная и стратегическая проблема, где ошибки недопустимы. Поэтому недопустимым пробелом в официальном перечне традиционных российских духовных ценностей является отсутствие в нем «Книги» и «Библиотеки»! Почему? Дело в том, что суета сует усугубляет риски самоуничтожения человечества. Гарантия сохранения жизнеспособности человечества заключается в сбережении разнообразия национальных культур, оплотом которых традиционно служила библиосфера. Поэтому жизненно важно реализовать не только технократическую стратегию, но и культурно-историческую стратегию.

Итак, имеются две альтернативные стратегии развития российских библиотек на период до 2030 г., которые ориентируются на противопо-

ложные цели: цифровая трансформация библиотечного дела (библиосферы в целом) или сбережение традиционной русской духовности, воплощенной в книжной культуре. Какой стратегической альтернативе отдать приоритет: цифровой культуре или книжной культуре? С точки зрения логики данный вопрос есть антиномия – необходимое противоречие между двумя в равной степени правдоподобными или доказуемыми утверждениями. Иммануил Кант (1724–1804) в качестве примера «антиномии чистого разума» приводил конфликт утверждений «мир конечен» и «мир бесконечен». Аналогично: аргументы в пользу технократической стратегии цифровой трансформации российской культуры весьма убедительны и красноречивы, но не менее аргументированы призывы в пользу культурно-исторической стратегии сбережения культурных традиций. В конце XX в. обострилась конкуренция между книжной культурой и экранной культурой, между книжным разумом и информационными технологиями. Классическая антиномия налицо.

Благоразумные скептики вопрошают: являются ли технократические новации и культурно-исторические традиции столь противоположными крайностями, что их невозможно сочетать и реализовывать совместно? Ответить на этот суетливый вопрос, строго говоря, должна книжно-библиотечная наука, но она стратегическими антиномиями никогда не занималась. Принцип «научности» почему-то не упомянут среди стратегических принципов развития российского библиотечного дела на период до 2030 г. Логико-философское обоснование управленческих решений в культурной политике не практикуется, а термины «библиотековедение», «библиографоведение», «книговедение» отсутствуют на страницах Стратегии.

В такой ситуации кажется логичным принятое в феврале 2021 г. дискриминационное решение министра науки и высшего образования В. Н. Фалькова исключить из номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются степени кандидатов и докторов наук, специальность 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение». Логика проста: если в Стратегии библиотечного дела не предусмотрено обращение к библиотечно-книговедческим наукам, незачем присваивать научные степени кандидатов и докторов по этим архаичным дисциплинам. Правда, 27 сентября 2021 г. тот же министр, одумавшись, подписал приказ о включении в номенклатуру социальных и гуманитарных наук специальность 5.10.4 Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (приказ вступил в силу 21 декабря 2021 г.). Надо надеяться, что стратегическая антиномия в россий-

ской библиосфере теперь перестанет быть ареной суеты новаторов-технократов и гуманистов-книговедов. Как преодолеть томления духа стратегов? Обратимся за советом к Екклезиасту.

3. Время собирать камни

В «Книге Екклезиаста» содержится поучение: «Время плакать и время смеяться; Время сберегать и время бросать; Время разбрасывать камни и время собирать камни»⁴. Как реализовать это поучение? Стратегия – термин военной науки (дословно *«искусство полководца»*) понимается как долговременная программа разумно организованных действий, обеспечивающая эффективное использование наличных ресурсов для достижения желаемых целей. Главными компонентами стратегии являются: во-первых, цели, во-вторых, ресурсы. Фигурально определение стратегических целей соотносится с этапом «разбрасывания камней», когда были уточнены цели технократической стратегии и культурно-исторической стратегии. Теперь пришло время «собирать камни», то есть собирать материальные и духовные ресурсы библиосферы, пригодные для достижения поставленных целей.

Российская библиосфера возникла не спонтанно; она есть результат многовекового творчества коллективного разума, который назовем «Библиологос». Слово «Библиологос» – неологизм, отсутствующий, как в лексиконах современных наук, так и в обыденной речи. Правда, значение этого словосочетания нетрудно расшифровать: «библио» ассоциируется с понятием «книга» в общеизвестных словах «библиотека», «библиография» и др., а древнегреческое слово «логос» напоминает нам о «логике», «разуме», «истине». Получается: Библиологос – это «книжный разум», точнее – «книжная разновидность разума». Сущность Библиологоса отражает формулировка: Библиологос – книжная культура цивилизованного общества как производительная сила, обеспечивающая создание, сохранение, использование библиосферы.

Книжный разум в смысле «Библиологос» реализуется двояко: во-первых, – одушевленный Библиологос в виде социальных групп субъектов библиосферы; во-вторых, овеществленный Библиологос в виде научных, учебных, нормативно-управленческих текстов интеллигентов-книжников, посвященных книжному разуму и культуре. Одушевленный Библиологос – это духовный ресурс исторически стабильной общности людей, пишущих и читающих книги и непосредственно участвующих в производстве, преобразовании, сохранении и распространении произведений письменности и полиграфии. Одушевленными субъектами Библиологоса, являются профессионалы библиотечного, библиографического, книжного дела (практики, ученые, педагоги), го-

сударственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

Именно от стратегических ресурсов Библиологоса зависит преодоление рисков самоуничтожения, которые угрожают человечеству. Глобальными рисками являются экологический кризис (загрязнение природной среды, изменение климата), биологические мутации (вирусная пандемия, генетическая деградация), технологические аварии (сбой компьютерной программы, авария), геополитические угрозы (гонка вооружений, терроризм, агрессивная глобализация, утрата национальной идентичности и суверенитета, геноцид, фанатизм) и многие другие антропогенные угрозы человечеству. В современном мире решающая роль принадлежит одушевленному Библиологосу, в котором конкурируют технократическая стратегия и культурно-историческая стратегия, ориентированные на разные антропологические типы – личности с различными интеллектуально-нравственными качествами, воспитанные либо в среде аудиовизуальных электронных медиа, либо в лоне классической книжной культуры.

Ссылаясь на теории американских психологов, отечественные педагоги приводят следующие характеристики нынешней молодежи (поколения Z). Субъекты поколения Z, по их словам, гиперподвижны, креативны, чрезвычайно быстро взрослеют, прекрасно ориентируются в новаторских разработках и информационных технологиях. Находясь с рождения в информационно-цифровой среде, они быстро обрабатывают клиповую информацию. Обратная сторона этого – неумение вдумываться, глубоко анализировать и сосредоточиваться на чем-то одном. Их мозг более адаптирован для получения больших потоков поверхностной информации, чем сущностного знания⁵. Многим технократическим стратегам кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф. Но они ошибаются.

Переход человечества в гипотетическую ноосферную цивилизацию не может произойти стихийно, явочным порядком. Здесь требуется опережающее развитие интеллектуальных процессов и духовной культуры, прежде всего, науки, управления и образования. Практика показала, что *homo legens* – «книголюб» – это более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий сериалы телеэкрана. Совершенно очевидно, что для формирования ноосферного человека должны использоваться стратегические ресурсы библиосферы, и здесь ключевая роль принадлежит научно

обоснованной культурно-исторической стратегии развития библиосферы. В компетенцию стратегии будущей библиосферы должны войти не только традиционная научно-исследовательская тематика, всесторонне рассмотренная в коллективной монографии «Научные исследования в библиотеках»⁵, но и актуальные проблемы сегодняшнего дня: виртуальный режим и удаленный доступ, пандемия и глобализация, взаимодействие с коллегами, властью, читателями, цифровая экосистема знаний и медийно-информационная грамотность, непрерывное образование на протяжении всей жизни, авторское право и приватизация знаний, борьба с фейками, защита от дезинформации и фальсификаций, участие в политической жизни страны, адвокация библиотек и др.

Мораль настоящей статьи выражает следующее умозаключение: стратегия развития библиосферы не может ограничиться преодолением суеты сует текущей действительности, ей важно учитывать главную движущую силу книжной культуры, которой является Библиолос. Поэтому время собирать подходящий материал для строительства гуманистического Храма Книжного Логоса. На языке предводителя древнегреческих муз Аполлона данная мораль звучит так:

Книжный Логос – вселенная мудрых идей,
Сбереженных трудами заботливых женщин,
Где живое томление прожитых дней
Превращается в счастье, не больше, не меньше.

Примечания

¹ Книга Екклесиаста. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 384 с. (Антология мудрости).

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: 2-е изд. Т. 4. СПб.; Москва: Издание М. О. Вольфа, 1882. С. 356–357.

³ Федякина Л. В. «Библиотека – это в первую очередь печатная книга» / Л. В. Федякина // Университетская книга. 2021. № 10, декабрь. С. 8–14.

⁴ Книга Екклесиаста. С. 20–21.

⁵ Григорьев С. Г., Шабунина В. А., Царапкина Ю. М., Дунаева Н. В. Электронно-библиотечная система как средство саморазвития студентов цифрового поколения Z / С. Г. Григорьев [и др.] // Науч. и техн. 6-ки. 2019. № 7. С. 80–81.

⁶ Научные исследования в библиотеках: тематика, организация, представление результатов: монография / отв. ред. А. Ю. Самарин. М.: Пашков дом, 2021. 324 с.

А. В. Куликова

Проблема идентификации краеведческого тематического справочника

В современном книгоиздании наблюдается тенденция отсутствия жанрового и видового соответствия при оформлении краеведческих тематических справочников. Эта проблема касается как традиционных, так и электронных изданий. Новизна данного сообщения состоит в том, что ранее тема отсутствия подзаголовков в краеведческих справочниках никем не рассматривалась. На основе многолетнего изучения отмечаются основные критерии, по которым можно идентифицировать краеведческий тематический справочник.

Ключевые слова: современное книгоиздание, краеведческие тематические справочники, традиционные издания, электронные издания, идентификация краеведческих справочников, краеведческое справочное книгоиздание.

Angelina V. Kulikova

The problem of identifying A local history thematic reference book

In modern book publishing, there is a tendency for the absence of genre and species correspondence in the design of local history thematic reference books. This problem concerns both traditional and electronic publications. The novelty of this message lies in the fact that previously the topic of the absence of subtitles in local history reference books was not considered by anyone. On the basis of many years of study, notes the main criteria by which it is possible to identify a local history thematic reference book.

Keywords: modern book publishing, local history thematic reference books, traditional publications, electronic editions, identification of local history reference books, local history reference book publishing.

В современном книгоиздании углубляется тенденция к отсутствию жанрового и видового соответствия при оформлении краеведческих тематических справочников. Изучив более пяти их тысяч, автору этих строк довелось столкнуться с проблемой умалчивания вида издания практически в 60%¹ случаев. О том, что издание представляет собой справочник, не заявляется ни в подзаголовке титульного листа, ни в макете библиографического описания на обороте титульной страницы. Иногда можно отыскать сведения о характере издания на технической странице в конце книги. В этом случае вид указан как «справочное издание» или «справочно-информационное издание». Однако очевидно, что читатель редко пролистывает книгу до технической страницы. А если это и происходит, то вряд ли он обращает внимание на информацию, напечатанную мелким шрифтом. Ранее тема отсутствия

подзаголовков в краеведческих справочниках не рассматривалась, что позволяет заявить о новом аспекте в книговедческо-издательской сфере.

Причины «замалчивания» справочного назначения издания

Проблема невольного «замалчивания» вида издания становится существенным препятствием для пользователей, нуждающихся в краеведческой справочной информации (как в печатной, так и в электронной форме). Это проявляется еще на поисковом этапе (при работе с информационно-библиографическими системами). При попытках выявить справочники в региональных информационно-поисковых системах, как правило, такие издания не появляются в списке результата поискового запроса. В редких случаях на этапе формирования библиографической записи специалистом библиотеки в качестве ключевого слова вносится термин «энциклопедическое издание», «справочник». Но происходит это настолько субъективно и случайно, что о системе идентификации в данном случае не может идти речь.

В связи с этой проблемой возникает резонный вопрос: почему у многих справочников нет соответствующего подзаголовка? Предположительно, причины множественны и разнообразны. Но две из них обращают на себя внимание исследователя. Первая касается подачи информации. В нынешних краеведческих справочниках она, как правило, изложена в популярной форме. В большинстве случаев такие труды создаются краеведами-любителями. Вероятно, они и сами не осознают, что подготовили к изданию краеведческий тематический справочник. Часто в подзаголовках таких исследований приводятся далекие от справочной литературы термины: «монография», «краеведческие очерки», «краеведческие заметки», «исторические очерки», «к юбилею...» и пр. В лучшем случае, подзаголовок указывает на справочный характер издания, когда автор приводит лаконичное: «от А до Я». Но и таких изданий крайне мало. Вторая причина касается читательской аудитории. Стремление авторов к ее расширению приводит к исключению подзаголовка «краеведческий справочник», дабы избежать некоторой предвзятости к «скучной» (как, возможно, им кажется) справочной литературе. А как сами читатели относятся к справочникам? Заведя соответствующий запрос в поисковую строку Яндекса, читаем их мнения по этому поводу на сайте «TravelAsk»². Так, на вопрос «Что такое справочная литература?» А. Лузанов пишет: «У меня дома есть своя домашняя библиотека. Среди обычных художественных книг и различной фан-

тастики там можно встретить научные справочники и словари. Все эти полезные научные книжки собирались мной долгие годы. Вообще справочная литература несет в себе огромное количество полезной информации и довольно хорошо помогает в учебе и работе, поэтому к этим книжечкам я отношусь с особым трепетом и любовью». А. Сергеенко отвечает: «Понятие «справочная литература» знакомо мне с детства. ...в 6-м классе я слишком серьезно отнесся к сочинению Я отправился в библиотеку и потребовал все книги о динозаврах, которые у них есть. Все книги мне не дали, ограничились пятью. Мне стало скучно читать уже на 7-м листе первой книги, ... отец посоветовал мне начать со справочной литературы. Превосходство справочной литературы над обычной в том, что в ней можно выборочно и кратко прочитать именно ту информацию, которая вас интересует. Справочная книга отлично подойдет для человека, который готовится к короткому докладу или хочет найти незнакомое понятие в словаре...». И это – лишь несколько из многих подобных высказываний. Как видим, читательские настроения и современные условия диктуют свои правила. Сейчас для читателя в справочных изданиях на первый план выходит информационная составляющая: лаконичность подачи и оперативность получения информации. А это приводит многих пользователей к необходимости все чаще обращаться именно за справочной литературой. Думается, поэтому для корректной идентификации книг в современной издательской системе было бы логично использовать «говорящие» подзаголовки.

Критерии идентификации регионального тематического справочника

На протяжении многих лет в рамках работы над пополнением электронного библиографического ресурса «Региональные энциклопедии России»³ исследовались краеведческие справочные издания. В дополнение к имеющемуся ресурсу был создан библиографический список «Региональные биографические отраслевые и тематические справочники Российской Федерации, 1992–2021»⁴. В настоящее время автором этих строк ведется подготовка списка «Краеведческие отраслевые справочники России, 1992–2021», публикация которого на сайте РНБ предполагается в конце 2022 г. Термин «краеведческий справочник» был расшифрован ранее⁵. Исходя из работы с библиографическим ресурсом, упомянутым выше, удалось выявить основные критерии, по которым можно идентифицировать краеведческий тематический справочник:

1. Краеведческий критерий. Печатное или электронное издание должно отражать информацию о регионе.

2. Информационный критерий. Способ подачи информации: справочные статьи.

3. Системный критерий. Расположение материала: должна быть системность (хронология, алфавитный ряд, тематический принцип и т. п.).

4. Навигационный критерий. Наличие вспомогательного материала: библиография, именной, предметный и пр. указатели.

Далее следует более подробный анализ каждого критерия.

Краеведческий критерий

Основной принцип краеведческого критерия: печатное или электронное издание должно отражать информацию о регионе. Обусловлено это территориальным построением логики при отборе библиографической информации для соответствующего списка литературы. Подзаголовками рубрик служат административно-территориальные названия (округ, край, область).

Вот характеристики некоторых подобных изданий.

Книга «Заповедное ожерелье Амура»⁶. В заглавии присутствует территориальный признак, указывающий на регион. Информационный буклет об особо охраняемых территориях Забайкальского края представляет собой систематизированный свод коротких статей справочного характера. Описаны история и особенности расположения и биологического разнообразия основных природных парков Приамурья и Забайкалья. Перечислены особенности представителей флоры и фауны. Приведены фотографии, карты, схемы.

Справочник «Русское Восточно-Азиатское пароходство (1899–1918)»⁷. Заглавие и краткая историческая справка в начале книги указывают на то, что справочник содержит информацию о Дальневосточном федеральном округе. На титульном листе подзаголовок нет, но на обороте титульного листа в библиографическом описании подзаголовков дан в квадратных скобках: [справочник]. Кроме того, в аннотации книга названа справочником. Структура основного текста: в алфавитном порядке изложены сведения о всех пароходах «Русского Восточно-Азиатского пароходства», построенных с 1899 по 1918 гг. включительно. Статьи снабжены схемами и фотографиями судов. В конце книги приведены библиография и указатели русских и латинских названий судов.

«Дворики старого Бийска» в серии «Имена Алтая»⁸. Информацию о регионе можно извлечь как из заглавия книги, так и из названия серии.

Старинный город Бийск входит в состав Алтайского края. На титульном листе в подзаголовке значит: «изыскательские материалы по купечеству Бийска». Но это, безусловно, справочник, который содержит информацию о бийских купеческих династиях.

Приведенные выше примеры довольно показательны: с идентификацией региона, как правило, затруднений не возникает. Обычно он является частью заглавия справочной книги.

Информационный критерий

Основной принцип информационного критерия заключается в способе изложения сведений в виде справочных статей (применимы также термины: научно-справочные, энциклопедические, информационно-справочные, справочно-словарные статьи). Стиль таких статей как правило выдержан в рамках научных формулировок.

Например, книга «Исторические памятники Уфы»⁹, несмотря на отсутствие видового подзаголовка, имеет справочно-энциклопедический характер. Статьи составлены по единому формуляру, содержат сведения об истории возникновения памятных мест и о людях, связанных с ними. Каждая статья снабжена фотографией памятника и приставленной библиографией. Краеведческие очерки Б. И. Осыкова «Районные центры Белгородья» в двух книгах¹⁰ содержат справочные сведения о десяти районах Белгородской области. Монография Ю. П. Федотова «Флора водоемов Брянской области»¹¹ содержит характеристику сосудистых водных и земноводных растений водоемов региона в виде аннотированного списка (по системе Энглера¹²). Справочные сведения о растениях сопровождаются рисунками. В конце книги приведены указатели русских и латинских названий родов, а также библиографический список. Подарочное издание «Баргузинский дацан – 200 лет, 1818–2018»¹³ можно охарактеризовать как историко-хронологический справочник, посвященный юбилею тибетского образования в Бурятии. Структура статей здесь комбинированная: основным текстом является изложение истории явления или объекта, а параллельно (на широких полях рядом) даны расшифровки важных понятий, связанных с описанием.

Системный критерий

Основной принцип системного критерия связан с расположением материала. В справочном издании должна присутствовать логика группирования информации: хронология, алфавитный ряд, тематический принцип и т. п.

Например, к справочно-иллюстративному изданию можно отнести альбом-каталог «Старообрядческие иконы Бурятии»¹⁴. Здесь изобраа-

жения являются главным информативным звеном, а рядом даются поясняющие краткие справочные статьи. Все иконы систематизированы и сгруппированы по разделам, посвященным образам Господа, Богородицы, праздникам и святым, а также распятиям, складням и киотным композициям. Книга В. Г. Толкуновой «Хранители памяти...»¹⁵ во введении названа путеводителем. Издание содержит справочную информацию о мемориальных досках города Владимира. Статьи систематизированы по алфавиту улиц, площадей, переулков. Текст каждой мемориальной доски приводится целиком (с сохранением особенностей орфографии и пунктуации) и сопровождается дополнительными сведениями. В конце справочника приведены вспомогательные указатели: улиц и зданий, на которых установлены мемориальные доски; именной (к текстам мемориальных досок); авторов мемориальных досок. Книга Н. В. Пругло и О. Г. Заплавной «Народный транспорт Царицына – Сталинграда – Волгограда»¹⁶ издана к 100-летию трамвая и 50-летию троллейбуса. По сути – это справочник, который соединяет в себе черты хронологического и тематического изданий. Первая часть представляет собой историческую летопись волгоградского электро-транспорта с 1913 г. до наших дней. Во второй описаны предприятия и их структурные подразделения. В каждом разделе есть подраздел «Люди и судьбы», где приведены биографии людей, оказавших заметное влияние на развитие трамвая и троллейбуса в Волгограде. Историко-географические очерки С. Н. Моноква «Золотое озеро»¹⁷ посвящены 270-летию начала и 135-летию окончания государственной соледобычи на озере Эльтон. Помимо очерков, сгруппированных по темам, в издании приведен краткий биографический справочник исследователей Эльтона. Книга Н. М. Кудрина «Великий Устюг в XX веке»¹⁸ составлен в виде летописи и представляет собой хронологический перечень событий и фактов из жизни города. В конце издания опубликованы списки Героев Советского Союза и заслуженных работников различных отраслей, имеющих отношение к Великому Устюгу. Краеведческие исследования Н. И. Воробьева «Ольховатские памятники», «Острогожские памятники»¹⁹ систематизированы по типам памятников (с алфавитным порядком внутри разделов).

Приведенные выше примеры подтверждают, что структурное расположение материала является одним из определяющих условий вида издания. Таким образом, даже при отсутствии подзаголовка «справочник», при наличии алфавитного или систематического расположения материалов, идентифицировать справочное издание не составит труда.

Навигационный критерий

Основным принципом навигационного критерия является наличие вспомогательного материала: именной, предметный, географический и пр. указатели; пристатейная библиография, списки литературы. Конкретных примеров не требуется, так как практически во всех справочных изданиях в той или иной степени присутствуют элементы навигационного назначения.

Исходя из сказанного выше, мысль о приемлемости краеведческого, информационного, системного и навигационного критериев для распознавания краеведческого тематического справочника становится убедительной. При ближайшем рассмотрении конкретных справочных изданий, не имеющих видовых подзаголовков, выяснилось следующее:

1. В случае отсутствия подзаголовка, указывающего на целевое назначение книги, информацию о виде издания можно почерпнуть из аннотации, предисловия, технических сведений в конце книги. В некоторых случаях это могут быть послесловия или информация, расположенная на шмуцтитуле.

2. Если информация, перечисленная в п. 1, отсутствует, справочный характер издания можно проследить, исходя из структуры и особенностей речевых формулировок текста. Алфавитное или систематическое расположение справочных (словарных) статей и научное их изложение являются решающими при идентификации.

3. Наличие указателей и других вспомогательных материалов подтверждает справочное назначение издания.

Стоит отметить: без подзаголовков, обозначающих видовой принадлежность, разобраться «что есть справочник» в большинстве случаев для специалиста информационной сферы не сложно. Зная основные критерии, перечисленные выше, полистав книгу, прочитав предисловие, вникнув в содержание, специалист, в конце концов, определит, что перед ним справочное издание. Однако широкому кругу пользователей это затруднительно, поэтому для авторов и сотрудников книгоиздательской сферы было бы желательно обращать внимание на наличие видовых подзаголовков и введение их в оформление книги в случае их отсутствия.

Примечания

¹ По материалам исследований автора.

² Лузанов А. Что такое справочная литература? ответы / А. Лузанов, А. Сергеев-ко // TravelAsk : [сайт. 2009–2022]. URL: <https://travelask.ru/questions/82794-что-такое-справочная-литература> (дата обращения 08.04.2022).

³ Региональные энциклопедии России (1929–2020): библиографический указатель / администратор раздела Раздорский Алексей Игоревич // Российская национальная библиотека: [сайт]. СПб., 2015–2022. URL: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/content.html> (дата обращения 08.04.2022).

⁴ Региональные биографические отраслевые и тематические справочники Российской Федерации, 1992–2021: библиографический список / сост. А. В. Куликова, Н. Г. Пушкарева // Российская национальная библиотека: [сайт]. – Санкт-Петербург, 2015–2022. – URL: <http://nlr.ru/res/epubl/rue/pr5.pdf> (дата обращения 08.04.2022).

⁵ Куликова А. В. Современные российские краеведческие справочные издания для детей / А. В. Куликова // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 240. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-20.pdf> (дата обращения 05.04.2022).

⁶ Заповедное ожерелье Амура / WWF; [сост. Ольга Квитко, Светлана Титова]. Владивосток: [Дальпресс, 2018]. 101, [2] с.

⁷ Паролов И. В. Русское Восточно-Азиатское пароходство (1899–1918): [справочник] / И. В. Паролов, Ю. Н. Трифонов. Архангельск: КИРА, 2018. 191 с.

⁸ Шнайдер В. А. Дворики старого Бийска: (изыскательские материалы по купечеству Бийска) / [В. А. Шнайдер]; Алт. краев. общественный фонд изучения истории Зап. Сибири. Барнаул : Алт. Дом печати, 2009. 209, [6] с. (Имена Алтая).

⁹ Узиков Ю. Исторические памятники Уфы / Ю. Узиков. – Уфа: Китап, 1999. 287 с.

¹⁰ Осыков Б. И. Районные центры Белогорья: краеведческие очерки, историческая хроника [в 2 кн.] / Б. И. Осыков. Белгород: Константа, 2013–2014. [Кн. 1]: Борисовка, Вейделевка, Волоконовка, Ивня. 2013. – 107, [1] с.; [Кн. 2]: Яруга, Красное, Прохоровка, Ракитное, Ровеньки, Чернянка. 2013. – 188 с.

¹¹ Федотов Ю. П. Флора водоемов Брянской области / Ю. П. Федотов; М-во природных ресурсов РФ. Гос. прир. биосферный заповедник «Брянский лес». Брянск: [Изд-во БИП-КРО], 2015. – 99 с.

¹² Система Энглера (1892) – систематическое описание всех родов низших и высших растений мировой флоры. Используется учеными всех стран. (Информация получена, переработана и сформулирована с помощью различных открытых источников в сети Интернет).

¹³ Баргузинский дацан – 200 лет, 1818–2018 / Буддийская традиционная Сангха России, Местная религиозная организация буддистов Баргузинский дацан «Гандан Шедувлин». Улан-Удэ: ЭКОС, 2018. 159 с.

¹⁴ Старообрядческие иконы Бурятии: альбом-каталог: к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума / Правит. Респ. Бурятия; авт.-сост. С. В. Буреаева, С. В. Васильева; науч. ред. А. В. Костров. Улан-Удэ: ЭКОС, 2020. 157, [2] с.

¹⁵ Толкунова В. Г. Хранители памяти: мемориальные доски города Владимира / В. Г. Толкунова; Центр. гор. б-ка г. Владимира. Отд. краев. исследований. Владимир: [Транзит-Икс], 2012. – 231 с.

¹⁶ Пругло Н. В., Заплавнова О. Г. Народный транспорт Царицына – Сталинграда – Волгограда: из прошлого в будущее: к 100-летию трамвая, 50-летию троллейбуса / Н. В. Пругло, О. Г. Заплавнова; ред. кол.: М. Ф. Зозуля, Е. Н. Богачева, Л. П. Лопанцева; [Метроэлектротранс]. Волгоград: Панорама, 2013. – 432 с.

¹⁷ Монилов С. Н. Золотое озеро: историко-географические очерки: 270-летию начала и 135-летию окончания государственной соледобычи на озере Эльтон посвящается / С. Н. Монилов; Рус. геогр. о-во. Волгогр. отд-ние. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Планета, 2019. 175 с.

¹⁸ Кудрин Н. М. Великий Устюг в XX веке (краткий перечень исторических событий и любопытных фактов из жизни города) / Н. М. Кудрин. Великий Устюг, 1995. – 47 с.

¹⁹ Воробьев Н. И. Ольховатские памятники: краеведческие исследования / Н. И. Воробьев. – Воронеж: Ольховатка: [Воронежская областная типография], 2017. – 157 с.; Воробьев Н. И. Острогожские памятники: краеведческие исследования / Н. И. Воробьев. – Воронеж; Острогожск: Воронеж. обл. тип., 2017. – 343 с.

Д. А. Бадалян

**Н. И. Греч – журналист и издатель
в системе патрон-клиентских отношений**

На основе архивных и опубликованных источников представлена история и способы поддержания неформальных отношений, связывавших журналиста и издателя Н. И. Греча с А. Х. Бенкендорфом, А. Ф. Орловым, М. Я. фон Фоком, а также с С. С. Уваровым, О. П. Козодавлевым и др. Отмечено как эти отношения влияли на развитие и содержание периодических изданий Греча.

Ключевые слова: патрон-клиентские отношения, русская журналистика XIX в., Н. И. Греч, А. Х. Бенкендорф, С. С. Уваров, журнал «Сын отечества», газета «Северная пчела».

Dmitrii A. Badalian

**N. I. Grech – journalist and publisher
in the system of patron-client relations**

On the basis of archival and published sources, the history and ways of maintaining informal relations that connected the journalist and publisher N. I. Grech with A. Kh. Benkendorf, A. F. Orlov, M. Ya. von Fock, as well as with S. S. Uvarov, O. P. Kozodavlev and others. It is noted how these relations influenced the development and content of Grech's periodicals.

Keyword: patron-client relations, Russian journalism of the 19th century, N. I. Grech, A. Kh. Benkendorf, S. S. Uvarov, Son of the Fatherland magazine, Severnaya Pchela newspaper.

Патрон-клиентские отношения рассматриваются здесь как долговременные внеинституциональные контакты, основанные на обмене услугами между людьми с неравными социальными статусами и обладающими неравными ресурсами влияния, но связанными взаимными неформальными обязательствами. Известно, что такие отношения существовали у Н. И. Греча (1787–1867) на протяжении десятилетий с руководителями III отделения. Однако это не единственный и не самый ранний пример длительных неформальных контактов этого журналиста с властью имущими. В такие отношения Греч вступил не позднее 1812 г., т. е. при учреждении своего самого долговечного издания – журнала «Сын отечества» (более ранний период издательской деятельности Греча приходится на 1808–1810 гг., когда вместе со Ф. А. Шрёдером он один за другим выпускал журналы «Гений времени», «Журнал новейших путешествий» и «Европейский музей». Но они не имели солидных покровителей, и, вероятно, в том одна из причин их недолгого существования).

«Сын отечества» был создан в октябре 1812 г. по инициативе власти, нуждавшейся в органах антинаполеоновской пропаганды. В тот момент власть для Греча олицетворяли два человека. Первый – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваров, который прочитав составленную Гречем программу журнала, сделал в ней «некоторые перемены» и представил министру народного просвещения¹. Второй – директор Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленин (незадолго перед тем Уваров принял должность товарища директора библиотеки и, вероятно, они действовали согласовано). Оленин доложил о задуманном журнале Александру I, и тот передал на его издание 1 тыс. рублей. Директор Публичной библиотеки и далее продолжал покровительствовать Гречу, что выразилось в 1817 г. в утверждении его в должности почетного библиотекаря.

На заботу покровителей «Сына отечества» Греч отвечал тем, что помещал в журнале статьи самих Уварова² и Оленина³, публикации тех, кто пользовался их протекцией, кто проводил их идеи или прославлял их. Так, завсегдадаем издания с его 5-го номера стал преподаватель Императорского Царскосельского лицея и Главного педагогического института (затем преобразованного в университет) А. П. Куницын. В июне 1818 г. он поместил в журнале «Рассмотрение речи» Уварова в Главном педагогическом институте⁴, а ранее Греч напечатал восхваление этой же «прекрасной» и «чудесной» речи, принадлежащее перу Ф. Н. Глинки⁵. В первое десятилетие издания «Сына отечества» представлял собой патриотическое, по меркам того времени, издание. В нем с одобрением была встречена «История государства российского», печатались ее отрывки и другие произведения Н. М. Карамзина, стихи В. А. Жуковского, а до 1820 г. – статьи П. П. Свиньина.

Однако в июне 1821 г. Уваров был уволен от должности попечителя учебного округа и утратил влияние на журнал. После этого в нем лишь однажды появилась его публикация⁶. Причем произошло это только после отставки нового патрона Греча, министра духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицына, из-за конфликта с которым Уваров лишился поста. Характерно, что почти весь период покровительства Уварова «Сыну отечества» цензором журнала был статский советник И. О. Тимковский (лишь в 1819 – начале 1820 г. журнал цензуровал Г.М. Яценков, имевший такой же высокий чин). Одновременно он являлся директором гимназий и училищ Санкт-Петербургской губернии, т. е. был особо близок к попечителю округа, и проявлял благосклонность к Гречу, который служил под его началом.

Одновременно Греч пользовался покровительством министра внутренних дел О. П. Козодавлева, который хотя и располагал органом министерства, газетой «Северная почта», однако понимал, что для оказания влияния на весь спектр читательской аудитории необходимо привлекать частные издания⁷.

27 апреля 1818 г. Козодавлев писал журналисту: «Ежели Николай Иванович Греч никуда не отозван сегодня к обеду, то министр внутренних дел просит его пожаловать к нему отобедать, запросто сегодня, в субботу в четыре часа. У него простой обыкновенный, а не гостистой обед, и он просит Николая Ивановича для того, что желает поболее воспользоваться его беседою»⁸. Застолье – характерный способ поддержания отношений патрона с клиентом. Очевидно, что периодически проводимые в неформальной обстановке встречи министра и журналиста не только заметно увеличивали ресурс влияния последнего, но и накладывали на него неформальные же обязательства. К примеру, в декабре того же 1818 г. Козодавлев обратился к Гречу с таким предложением: «Вчера с курьером получил я журнал парижский „Archives philosophique, politiques et litteraires“, в коем напечатана рецензия гамелевой книги⁹. Для удовольствия и пользы русской публики, для пользы школ и просвещения, для собственного удовольствия вашего, не угодно ли вам будет поместить в „Сыне Отечества“ сию рецензию в переводе или по крайней мере выпискою?». Показательно, что не дожидаясь ответа, министр тут же добавил: «Я посылаю вам сей журнал, и прошу возвратить мне оный по миновании надобности»¹⁰, то есть Козодавлев не сомневался в реакции адресата. И, действительно, Греч поместил в журнале полный перевод рецензии¹¹, несмотря на то, что в трех августовских номерах его журнал уже рассказывал о И. Х. Гамеле, его книге и описанной в ней системе взаимного обучения¹².

В свете таких контактов иначе воспринимаются суждения И. Н. Лобойко о «Сыне отечества» как «первенствующем» до 1825 г. русском журнале, который «отличался не только новостью, но и смелостью»: «То чего бы нигде печатать не посмели, находило в „Сыне отечества“ радушный прием»¹³. Очевидно объяснением тому – не только журналистские способности Греча, но и его близость к власти.

Когда же в мае 1824 г. усилиями А. А. Аракчеева покровительствовавший «Сыну отечества» министр Голицын был оправлен в отставку, его место занял А. С. Шишков. Греч и Булгарин сразу стали налаживать с ним отношения, тем более, что со следующего года они собирались объединить свои усилия в издании обновленного журнала «Сын отечества и Северный архива», а для этого требовалось согласие министра.

И уже весной 1825 г. А. Е. Измайлов рассказывал в одном из писем: «Булгарин и Греч помирились со Свиныным. <...> И как же не помириться? Свинын в милости теперь у мин<истра> просв<ещения>»¹⁴.

Наконец, когда в середине 1826 г. было учреждено III отделение, Греч с Булгариным вступили в патрон-клиентские отношения с его управляющим М.Я. фон Фоком, а через него и с А. Х. Бенкендорфом. Греч представлял для III отделения интерес как издатель газеты «Северная пчела» и журнала «Сын отечества», опытный литератор и редактор. Однако и в делах, не связанных с этими изданиями, руководители «высшей полиции» часто пользовались его услугами, консультациями и советами¹⁵.

Многолетние отношения Греча с Бенкендорфом (а затем и с А. Ф. Орловым) имели именно неформализованный характер: главный начальник III отделения (или его управляющий) как правило, давал Гречу задания, не предполагавшие непосредственной оплаты. Тем не менее, тот воспринимал их как ответственные поручения. Примером чему история, описанная сотрудником «Северной пчелы» В. П. Бурнашевым: когда полковнику гвардии С. Хан-Гирею было поручено подготовить для императора записку об адыгах и родственных им племенах, выяснилось, что он, уроженец Кавказа, плохо владеет литературным русским языком. Бенкендорф направил его к Гречу со своей визитной карточкой, на которой написал: «Не в службу, а в дружбу, Николай Иванович, исполни все то, что от моего имени передаст тебе с этою моею карточкою флигель-адъютант Государя Императора Хан-Гирей»¹⁶. Тогда Греч более чем на месяц освободил своего сотрудника Бурнашева от обязанностей по газете и за щедрое вознаграждение перепопучил ему редактирование и составление записки С. Хан-Гирея.

Руководители III отделения запрашивали мнения Греча, когда нуждались в характеристике какого-либо литератора или – в рекомендации при подборе штатных сотрудников и агентов. В частности, Греч, неоднократно советовал им воспользоваться услугами литератора де Кардонн¹⁷. И, более того, предлагал меры по противодействию пропаганде, которая велась против России в европейской прессе. Это видно из письма Бенкендорфа, в котором тот 7 сентября 1840 г. отвечал Гречу: «Рассмотрев проэкт предположений Вашего превосходительства, на счет предпринимаемого Вами труда помещать в германских журналах статьи, в опровержение печатаемых там несправедливых толков против России, я не только вполне одобряю Ваши предположения, но мне будет особенно приятно, если Вы изволите начать и продолжать столь похвальный труд по плану Вами составленному.

Удерживаемые в почтамте номера иностранных журналов и газет будут к Вам доставляемы, которые, по миновании в них надобности, благоволите возвращать в почтамт»¹⁸.

На протяжении многих лет Греч являлся не только партнером и заместителем Булгарина (месяцами отсутствовавшего в Санкт-Петербурге) в издательской сфере, но и замещал его в отношениях с Бенкендорфом, его сотрудниками и с преемником – гр. А. Ф. Орловым. Из приведенного письма видно, что, давая своему клиенту конфиденциальные поручения, главный начальник III отделения одновременно предоставлял ему привилегии. В данном случае – возможность пользоваться иностранными изданиями, получаемыми за государственный счет. Это обеспечивало издания Греча самой актуальной информацией. Еще более важной привилегией для «Северной пчелы» являлась фактически монопольное право на публикацию политических новостей, что заметно увеличивало ее читательскую аудиторию, а, следовательно, и прибыль.

К привилегиям, которыми пользовался Греч, стоит отнести возможность совмещать активную литературную деятельность со службой и чем далее, тем менее обременительной. Так, в 1829–1836 гг. он состоял чиновником по особым поручениям при министре внутренних дел, затем, в 1836–1843 гг. – при министре финансов. Спустя годы он снова числился в Министерстве внутренних дел, и выслужил чин тайного советника.

Наконец, в отношениях патроната и клиентелы действовали и нематериальные стимулы. И патрон время от времени посылал своему подопечному сигналы о заботе, проявленной на его счет. К примеру, Бенкендорф 21 января 1837 г. сообщил Гречу: «Я имел счастье обратить Всемилостивейшее внимание Его Императорского Величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых и, вместе с тем, всеподданнейше доводил до Высочайшего сведения о постоянном усердии вашем, готовности к составлению и изданию поручаемых вам от меня статей и о той пользе, которую приносят ваши занятия»¹⁹. А далее автор сообщал о благосклонной реакции на это императора. Ситуацию, когда покровитель рассказывает клиенту, как он поддерживает его интересы и укрепляет его репутацию – характерный элемент патрон-клиентских отношений.

Привилегированное положение Греча в глазах руководителей «высшей полиции» подразумевало и их снисходительное отношение, когда он допускал оплошности. Сам Греч рассказывал: «При каком-либо

доносе, промахе или недоразумении, идешь к фон Фоку или к Дубельту или прямо к Бенкендорфу и к Орлову, объяснишь дело, оправдаешься или получишь замечание; тем и кончится»²⁰.

Именно так завершился для Греча инцидент с публикацией его воспоминаний о событиях 1812 г., в которых он заявил, что «иностранцы или недворянские уроженцы немецких провинций России <...> любили Россию, как мы любим дом, в котором живем несколько лет по найму: в случае пожара станем усердно его отстаивать, но потом спокойно переедем на другую квартиру»²¹. После этого неизвестный автор передал в III отделение статью, в которой возмущался мнением Греча о немцах Остзейских губерний²². Отметим, что за 7 лет до того усомниться в патриотизме живущих в России немцев и иностранцев позволил себе И.В. Киреевский в журнале «Европеец». Тогда усилиями III отделения (защищавшего интересы «немецкой партии») журнал был закрыт, а Киреевский на долгие годы лишен возможности печататься²³. В данной же ситуации скандал был замят, и статья, осуждающая Греча, не увидела свет.

В тоже время эта коллизия демонстрирует, что в изданиях, опекаемых III отделением, культивировались иные представления о патриотизме и народности, чем в прессе, подконтрольной Уварову²⁴.

Покровительство III отделения Гречу длилось десятилетиями: его не прервали смерть фон Фока и позднее – Бенкендорфа. Их преемники пусть и с меньшей интенсивностью продолжали поддерживать с журналистом неформальные отношения. Они распространялись и на сына Греча, Алексея, когда тот заменял в редакции отца. Так, в не имеющей точной даты записке к Гречу-младшему Дубельт писал: «Потрудитесь, любезный Алексей Николаевич, пожаловать ко мне на минуту. Мне поручено помыть вам голову, – а потом дать для „Пчелы“ статейку. Дружески обнимаю вас»²⁵. Когда же в 1847 г. Греч было решил сложить с себя издательские обязанности и передать их сыну, он обратился с прошением об этом не только к министру народного просвещения (что требовал закон), но и к начальнику III отделения Орлову, как своему неформальному покровителю²⁶.

С Орловым Греч начал выстраивать отношения задолго до того, как тот стал во главе III отделения. Так, в декабре 1838 г., когда вышла книга Греча «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (датированная на титуле: 1839), автор поспешил передать ее в дар графу. На следующий день, 12 декабря, тот ответил: «...жалею очень, что я не мог лично изъявить вам мою благодарность за дружеское ваше приветствие, сегодня я обедаю дома, ежели вам можно приехать к 4-м ча-

сам, я очень рад буду с вами побеседовать запросто и без затей, обед незнатный и не деловой, даже без жены»²⁷.

После того, как Орлов возглавил III отделение, его отношения с Гречем, возможно, не были столько коротки как прежде, но журналист продолжал получать от него знаки внимания. Об этом свидетельствует записка Дубельта к Гречу, датированная 6 ноября 1851 г.: «Я докладывал графу Алексею Федоровичу, что вы желаете иметь его портрет, мой добрый друг Николай Иванович. Его сиятельство поручил мне передать вам один экземпляр оного. Искренно, душевно преданный»²⁸. В подобной ситуации портрет служил символом особого расположения, и как нельзя лучше позволяя клиенту продемонстрировать отношение к нему патрона перед третьими лицами.

Показательно, что, прибывая со временем определенные ресурсы влияния, Греч и сам стал выступать в качестве патрона для менее влиятельных журналистов и чиновников. Среди таковых были И. Я. фон Фок, Е. К. Рашет, П. И. Безак, А. Н. Очкин и Н. И. Юханцов. Греч называл их в качестве своих многолетних сотрудников «по переводам и выпискам из иностранных газет», работавших с ним «лет по десяти и более» в «Северной пчеле» и оставшихся с ним в добрых отношениях²⁹. Характерно, что среди этих пятерых двое – Рашет (в 1830-е гг. сотрудник III отделения) и Безак – являлись родственниками Греча. Еще один – фон Фок – родственником его покровителя, управляющего III отделением. И все пятеро сделали карьеру, дослужившись до чинов 4-го или, как Очкин, 5-го класса.

Деятельность Греча, как и его соиздателя Булгарина, даже для николаевского времени отличалась чрезвычайно интенсивной вовлеченностью в патрон-клиентские отношения и использованием их ресурсов в журналистской сфере. Хотя в последующие десятилетия число изданий-официозов увеличилось, не один из их издателей не обзавелся такими ресурсами влияния, как Греч и Булгарин. По близости и длительности отношений с властью может быть сопоставим с ними только издатель «Гражданина» кн. В. П. Мещерский, но в отличие от Греча он не располагал покровительством «высшей полиции».

Примечания

¹ Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. М., 2002. С. 206.

² Например: П.....ъ А. [Уваров С. С.] Письмо к издателям из Тамбова // Сын отечества. 1812. Ч. 1. № 7. С. 33–36; [Уваров С. С.] [О стихотворении Гете] // Сын отечества. 1813. Ч. 4. № 9. С. 134–136 (об авторстве см.: Виттекер Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер. СПб., 1999. С. 291); Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарте / С. С. Уваров // Сын отечества. 1814. Ч. 15. № 28. С. 70–79, № 29. С. 120–127, № 30.

С. 157–166; [Уваров С. С.] Воззвание к Европе // *Сын отечества*. 1815. № 15. С. 107–111. Полагаем, что перу Уварова принадлежит подписанный «Ув.» некролог «Известие о смерти генерала Пардо де Фигероа» (*Сын отечества*. 1812. Ч. 1. № 7. С. 44–45).

³ Например: Оленин А. Н. Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича... / А. Н. Оленин // *Сын отечества*. 1814. Ч. 11. № 2. С. 49–61; Оленин А. Н. Краткое рассуждение об издании полного собрания русских летописей / А. Н. Оленин // *Сын отечества*. 1814. Ч. 12. № 7. С. 3–19; Оленин А. Н. Объявление / А. Н. Оленин // *Сын отечества*. 1818. Ч. 50. № 41. С. 227–230; Оленин А. Н. Краткое описание египетской купчей крепости, писанной в г. Птолемаиде за 104 г. до Р. Х. / А. Н. Оленин // *Сын отечества*. 1822. Ч. 78. № 22. С. 49–73; Оленин А. Н. Краткое рассуждение о бухгалтерии / А. Н. Оленин // *Сын отечества*. 1824. Ч. 91. № 2. С. 49–66.

⁴ Куницын А. П. Рассмотрение речи г. президента Академии наук и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, произнесенной им в публичном торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 года / А. П. Куницын // *Сын отечества*. 1818. Ч. 46. № 23. С. 136–146; № 24. С. 174–191.

⁵ Ф. Г. [Глинка Ф. Н.] Подробный отчет другу о приятном вечере в обществе просвещенных людей // *Сын Отечества*. 1818. Ч. 45. № 13. С. 22–36.

⁶ Уваров С. С. О трех греческих трагиках / С. С. Уваров // *Сын отечества*. 1825. Ч. 101. № 10. С. 134–147; № 11. С. 282–293.

⁷ Интересы Козодавлева распространялись даже на провинциальные издания на немецком языке, какой являлась газета «Der Zuschauer» (История моих лифляндских периодических изданий: Очерк воспоминаний Гарлиба Меркеля // *Цензура в России: история и современность*. Вып. 10, ч. 2. СПб., 2021. С. 337).

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 95. Л. 1.

⁹ Рецензия на французский перевод изданной впервые по-немецки книги И. Х. Гамеля о ланкастерском обучении «Der gegenseitige Unterricht Geschichte seiner Einführung und Ausbreitung durch Dr. A. Bell, J. Lancaster und andere» (Paris, 1818) увидела свет в 15-м номере журнала (1818. Septembre). Автор книги – российский ученый, член-корр. Академии наук, познакомился с ланкастерской системой в ходе заграничной командировки от Министерства внутренних дел.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 95. Л. 3. Письмо датировано нами на основании содержания.

¹¹ Рассмотрение книг под заглавием «L'enseignement mutuel ou l'histoire de l'introduction et de la propagation de cette méthode par les soins du Docteur Bell, de J. Lancaster et d'autres ets. traduit de l'allemand de Joseph Hamel», т. е. Взаимное обучение или История введения и распространения сей методы трудами доктора Беля, И. Ланкастера и других. Сочинение Иосифа Гамеля. Перевод с немецкого // *Сын отечества*. 1818. Ч. 50. № 51. С. 275–281; № 52. С. 321–326.

¹² Ланкастерские школы // *Сын отечества*. 1818. Ч. 47. № 31. С. 212–228; № 32. С. 241–161; Ч. 48. № 33. С. 3–12.

¹³ Лобойко И. Н. Мои воспоминания. Мои записки / И. Н. Лобойко. М., 2013. С. 144.

¹⁴ Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву / Я. Л. Левкович // Пушкин: Исследования и материалы. 1978. Т. 8. С. 172–173. Препный участник «Сына отечества» П. П. Свиньин в первой половине 1820-х гг. оказался единственным журналистом-апологетом Аракчеева и подвергся травле Греча и Булгарина, действовавших в интересах министра Голицына.

¹⁵ См.: Рейтблат А. И. Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение / А. И. Рейтблат // Литературный факт. 2018. № 10. С. 111–121.

¹⁶ В. Б. [Бурнашев В. П.] Четверги у Н. И. Греча // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов, издаваемый В. Кашпиревым. СПб., 1872. Т. 2. С. 95.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 75. Л. 3, 6. Письма Л. В. Дубельта к Н. И. Гречу // Голос минувшего. 1922. № 2. С. 197.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 34. Л. 1–1 об.

¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 33. Л. 1.

²⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 269.

²¹ Греч Н. И. Начало «Сына отечества» / Н. И. Греч // Северная пчела. 1839. 7 февраля. № 28. С. 112.

²² РО ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–3 об.

²³ Березкина С. В. Вокруг запрещения журнала «Европеец» / С. В. Березкина // Временник Пушкинской комиссии. Сб. научных трудов. Вып. 29. СПб., 2004. С. 226–248.

²⁴ См. Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов / Д. А. Бадалян // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 75. Л. 1.

²⁶ Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 463.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя). Д. 3180. Л. 1.

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 590. Д. 75. Л. 8.

²⁹ Греч Н. И. Фадей Венедиктович Булгарин. 1789–1859. Биографический очерк / Н. И. Греч // Русская старина. 1871. № 11. С. 449.

Н. Г. Патрушева

**Чтение текстов в профессии российского цензора
(XIX – начало XX века)**

Одной из основных составляющих профессии цензора было чтение текстов. Контроль за содержанием произведений требовал основательной профессиональной подготовки, которая заключалась не только во владении цензурными законами и постановлениями, широте кругозора и научных знаниях в различных областях, но и в умении сориентироваться в политической обстановке, понять требования контролирующих органов.

Ключевые слова: цензура, цензор, цензурные учреждения, чтение, периодические издания.

Natalia G. Patrusheva

**Reading texts in the profession of a russian censor
(19th – early 20th century)**

One of the main components of the profession of the censor was the reading of texts. Control over the content of works required thorough professional training, which consisted not only in the possession of censorship laws and regulations, a broad outlook and scientific knowledge in various fields, but also in the ability to navigate the political situation and understand the requirements of regulatory authorities.

Keywords: censorship, censor, censorship institutions, reading, periodicals.

Одной из основных составляющих профессии цензора было чтение текстов. Характер цензурования зависел не только от действовавших законов, системы цензуры (предварительной или карательной) и ее видов (внутренней или иностранной), но и от массы нюансов, обусловленных разной цензурной практикой, существовавшей в цензурных учреждениях.

В крупных городах Российской империи, в основном – университетских, существовали цензурные комитеты и отдельные цензоры по внутренней и иностранной цензуре. В городах, где не было цензурных учреждений, периодические издания рассматривали чиновники Министерства народного просвещения, со второй половины XIX в. – чиновники Министерства внутренних дел, а книги отправлялись в цензурные комитеты¹.

Чтобы выполнять свои обязанности на должном уровне, цензор должен был быть всесторонне образован. В законе от 19 июля 1850 г., отделявшим цензуру от университетов, значилось, что цензором мог стать чиновник, окончивший высшее учебное заведение или имев-

ший «основательные в науках сведения», разбиравшийся в истории и литературе². Большинство цензоров имело высшее образование – оконченный университет или другое образовательное учреждение.

Уровень подготовки у цензоров все же был разный, и способности к этой работе различались. Так, цензор Петербургского цензурного комитета А. А. Пеликан, названный начальником Главного управления по делам печати цензором «выдающимся», читал только научные книги и «проблемную» периодику³. Цензору того же комитета Н. В. Елагину поручались для чтения только периодические издания легкого содержания или специализированные профессиональные журналы⁴. Цензоры иностранной цензуры, кроме высшего образования, должны были владеть иностранными языками, в том числе восточными. Например, цензор Комитета цензуры иностранной Г. Ю. Шульц цензуровал книги на всех европейских языках: «Как он успевал, – писал о нем цензор того же комитета А. Е. Егоров, – и умудрялся возвращать по субботам весь громадный ворох забранных им для прочтения книг за неделю, представляя о каждой отзыв, осталось непроницаемой для нас тайной»⁵. Другие цензоры обычно владели двумя – пятью языками.

Иногда, чтобы проверить претендентов на должность цензора, чиновникам предлагали сдать так называемый экзамен (несмотря на то, что таких требований в законе не было). Кандидатам давали текст, который уже прошел проверку в комитете и имел отрицательный отзыв. Такие испытания время от времени проводились в комитетах и по внутренней, и по иностранной цензуре. Отзывы кандидатов о книге сравнивали с рапортами цензоров и между собой, и на службу брали того, чей отзыв отличался полнотой, обстоятельностью, знанием дела, учитывалось и количество языков, которыми владел чиновник⁶.

Однако, кроме образования цензор должен был обладать способностями чтения «между строк» – особым нюхом или тактом, как это называлось, чтобы исполнять свою должность. «Цензорский такт» – выражение, которое употреблялось не только в быту, но и в официальных документах и означало наличие у цензора интуиции, чтобы ориентироваться в различных обстоятельствах. Г. А. Щербатов (председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета) перечислил необходимые качества цензора: «При настоящей литературной деятельности и обращенной на нее особенной внимательности в России, как людей образованных, так и вообще всего читающего класса, я нахожу, что цензор при качествах человека образованного, честного и благонамеренного, необходимо должен иметь еще особенный такт. Без этого такта цензор может или затрудняться при исполнении своего долга, и, таким обра-

зом, навлекать на себя и на состав цензурный вообще неудовольствие литературных деятелей, или даже невольно сделать упущение, которое подвергнет его ответственности и поставит высшее начальство в неприятное положение»⁷.

В одном из отчетов Комитета цензуры иностранной указывалось, что работа цензора требует «такта и умения <...> применяться ко времени и обстоятельствам, имея в виду политические веяния Европы и государственную жизнь нашего отечества, стараясь удовлетворять тем требованиям, кои обуславливают необходимость применения большей или меньшей строгости в оценке произведений заграничной печати»⁸.

Уставы о цензуре провозглашали лишь основные принципы цензуры: охрана монархического строя, религии, нравственности и частной собственности. Быстрая смена общественно-политической ситуации в стране отражалась на характере цензурования текстов. Не только цензоры различались по строгости оценки текста, но цензурные учреждения в целом в разные периоды цензуровали по-разному. На строгость рассмотрения текстов влияли некоторые дополнительные факторы. Иногда некоторые цензоры более снисходительно цензуровали текст за определенное вознаграждение со стороны автора или редактора периодического издания (но при этом они старались не подвергать себя серьезной опасности)⁹. Для того, чтобы деятельность цензоров в разных комитетах была более-менее единообразной, неоднократно предпринимались попытки составить единую инструкцию по чтению текстов. В 1843 г. министр народного просвещения С. С. Уваров отмечал, что цензоры «без инструкции, несмотря на свою благонамеренность, доказанную долговременною службою, несмотря на пламенную ревность к своему делу и верный взгляд на важное дело им вверенное, <...> будут находиться всегда в величайшем затруднении и быть в опасности навлечь на себя тяжкую ответственность»¹⁰. Однако все известные попытки подготовить подобный наказ или инструкцию по цензурованию текстов не привели к результату¹¹.

Большое значение в цензурной практике имели циркуляры – подзаконные акты, исходившие в основном от министра, в чьем ведении находилась цензура, и центрального цензурного учреждения. Вопросы цензуры текстов в циркулярах уделялось большое внимание. Цензоры не выполняли работу редактора и не должны были давать дорогу качественной литературе. Необходимо было обращать внимание не на литературную составляющую произведения, а на «вредность» его содержания. Даже нарушения правил «языка и грамматики» не были

поводом для запрещения текста (циркуляры от 26 марта 1830 г. № 89 и 13 марта 1833 г.)¹². Циркуляры запрещали отдельные темы для обсуждения в печати, кроме того, в них разъяснялось, как именно можно было писать о том, что было не запрещено. В 1873 г. министру внутренних дел было дано право запрещать обсуждение разных вопросов по своему усмотрению¹³. Таких тем (запрещенных или вызывавших особое внимание цензоров) было очень много: сведения о царе и членах императорской фамилии, об образе правления в России и других государствах, о преимуществах социалистического строя, многие вопросы внешней и внутренней политики, общественного движения, также описания стихийных бедствий, катастроф и убийств¹⁴.

Большая разница существовала в чтении цензорами отечественной и зарубежной печати, то есть сильно отличалась работа по внутренней и иностранной цензуре¹⁵.

Работа цензора по внутренней цензуре заключалась в чтении текста и разрешении или запрещении напечатать сочинение. Иногда автору предлагалось исправить некоторые места в книге или статье (авторы часто этим пользовались, то есть шли на уступки). После того, как текст был напечатан, цензор, а не автор нес за него ответственность. Так действовала система предварительной цензуры. При системе карательной цензуры, которая стала постепенно вводиться в России с 1865 г. сначала в Петербурге и Москве, издание или статья проходили цензурный контроль после печати, но до обнародования. Ответственность несли и цензор, и автор, и издатель, и продавец. Эта система, изменившая условия выпуска печатной продукции, в 1905–1906 гг. была распространена на всю территорию страны.

Прежде всего цензору следовало обращать внимание на читательское назначение книги – в каких слоях общества она будет востребована. Особое внимание цензоры должны были обращать на периодические издания, особенно на политические отделы, издания для юношества и издания для народа (циркуляр от 10 июля 1866 г. № 1888)¹⁶. Большим снисхождением пользовалась научная литература, которую читали образованные слои общества.

Книги, поступавшие в комитеты по иностранной цензуре, сверялись с каталогами книг недозволенных или разрешенных с изъятиями. Новые книги, еще не проверенные цензурой, читались цензорами дома. Рапорты, составленные на такие книги, присылались на проверку в Комитет цензуры иностранной в Петербург¹⁷. Как раз иностранные книги, то есть книги, привозимые из-за границы (на всех языках) предназначались узкому кругу образованных людей, поэтому цензурова-

лись более снисходительно, чем изданные в России. Среди иностранных – английские – пользовались репутацией серьезной литературы, а французские романы, как ненадежные в отношении нравственности, должны были цензуроваться более строго¹⁸. Если книга запрещалась, то запрещалось и упоминание о ней – в рецензиях и в библиографии. Повышенное внимание уделяли переводам. Пропуск книги в Россию не означал разрешение перевода – в Комитете цензуры иностранной составлялись особые списки произведений, перевод которых не был нежелательным (циркуляр от 14 января 1848 г.)¹⁹. Следовало обращать внимание, чтобы в периодических изданиях не печатали слишком много переводов (циркуляр от 5 июня 1847 г.)²⁰.

Рабочий день цензора был насыщен. В Варшавском и Кавказском цензурных комитетах осуществлялся просмотр и отечественных, и зарубежных изданий. Цензоры Варшавского комитета с утра читали рукописи и иностранные книги, по вечерам – газеты и журналы, которые необходимо было отдать рано утром. Такая работа шла весь год без выходных. В 1901 г. каждому цензору в день приходилось читать в среднем по 24 печатных листа²¹. Председатель Кавказского комитета М. П. Гаккель отмечал, что цензоры не имели «как чиновники других ведомств по окончании своих дневных занятий, свободного времени для отдыха в вечерние часы и даже в воскресные и праздничные дни»²².

Председатели цензурных комитетов должны были ознакомиться со всеми материалами, чтобы на обсуждениях в комитете знать, о чем идет речь.

Ф. П. Еленев (член Главного управления по делам печати) отмечал, что цензоры, просматривавшие две ежедневные газеты, каждую ночь поднимались дважды, а затем читали рукописи, книги, журналы и готовили о них рапорты. Случалось, что такому «беспокойному жильцу» трудно было снять квартиру и нанять прислугу, не желавшую работать ночью²³. В свою очередь подобные неудобства приводили к нарушению закона – иногда цензор договаривался с редактором о выдаче билета на выпуск номера заранее, доверяя редактору.

Отмена предварительной цензуры в 1905–1906 гг. повлекла рост печатной продукции. Об изменении характера чтения при карательной цензуре говорили многие руководители цензурных учреждений. Работа цензоров стала еще более напряженной. Большие объемы текстов приходилось прочитывать в течение суток после поступления книг и журналов в цензуру. В 1905 г. в иностранной цензуре были отменены все каталоги запрещенных и позволенных с исключениями книг, которые составлялись десятилетиями в Комитете цензуры ино-

странной. Это означало, что все ввозимые издания с этого момента нужно было прочитывать вновь, имея в виду изменившиеся условия. В это время продукция поступала в страну более чем на тридцати языках²⁴. В Московском цензурном комитете каждый из цензоров получал для срочного прочтения до 30 книг и 85 названий периодических изданий²⁵. В 1909 г. в комитете были установлены ночные дежурства цензоров (с восьми вечера до восьми утра) для просмотра утренних газет, вышедших в это время журналов, рисунков для периодической печати и телеграмм²⁶. В Петербургском комитете цензоры после срочного прочтения книг и журналов заседали в комитете с пяти до десяти часов утра²⁷.

В документах цензурного ведомства сохранились документы, в которых отмечается, что цензоры теряли здоровье от столь интенсивных занятий, связанных с «непрерывной умственной работой, действующей на нервную систему и, главным образом, на зрение»²⁸.

У исследователей цензуры возникает вопрос: могли ли цензоры при постоянно увеличивавшейся нагрузке прочитывать все, поступавшее на цензуру «от корки до корки»?²⁹ Однажды отдельному цензору по внутренней цензуре в Дерпте Е. И. Янзену пришлось оправдываться по поводу пропуска небольшой статьи в эстонском календаре «Rahwa-Kalender» на 1892 г. Цензор объяснил, что из-за чтения огромного числа изданий заметка в 16 строк с невинным названием не привлекла его внимания³⁰.

В 1867 г. киевский отдельный цензор по внутренней цензуре А. А. Лазов объяснял, почему он пропустил сочинение, которое позже было запрещено. Речь шла о книге Д. А. Лавренко «Грамматический и психологический анализ произведений Гениха Гейне» (1866). Лазов сослался на цензурный устав, в котором было сказано, что цензор не должен был судить о пользе книги, главное, чтобы она не была вредной. Далее он отметил, что книга была предназначена не для широкой публики, а для специалистов, а сочинения Гейне не были запрещены в России. Затем он указал на «всегда поспешное чтение», без которого цензор не смог бы справиться со своей нормой, и невозможность догадаться с какой точки зрения на пропущенный текст в дальнейшем посмотрят контролирующие органы³¹. очевидно, что какая-то часть текстов не читалась цензором, по крайней мере внимательно.

Несмотря на большую нагрузку, некоторые чиновники находили плюсы в цензорской профессии и в цензорском чтении. Не считая материальную сторону – цензорское жалование, профессия предоставляла возможность знакомиться с отечественными и зарубежными

новинками, в том числе и запрещенными. Цензор Комитета цензуры иностранной П. К. Симонии писал, что служба в немецком отделении дала ему возможность познакомиться с изданиями немецких классиков³². Американская журналистка И. Ф. Хапгут считала, что «счастливые сотрудники комитета сочетают приятное знакомство с общим положением вещей с полезной службой»³³. Цензор Московского цензурного комитета К. Н. Леонтьев, например, с легкостью прочитывал большой объем текстов³⁴.

Однако А. Е. Егоров – цензор Одесского цензурного комитета придерживался другого мнения: «Мало кто мог себе представить, что такое означает цензорское чтение, когда без разбора приходится читать все, что попало, по очереди поступления, а не по выбору, личному вкусу и желанию. От такого чтения избави Бог»³⁵. Многим цензорам приходилось думать, как бы «осилить и не одуреть от обязательного прочтения отмеренной ему суточной или недельной порции»³⁶.

Чтение текстов требовало основательной профессиональной подготовки, которая заключалась не только во владении цензурными законами и постановлениями, широте кругозора и научных знаниях в различных областях, но и в умении сориентироваться в политической обстановке, понять требования момента. Подходы к контролю за содержанием произведения зависели еще и от действовавшей системы цензуры. Как и в любой профессии – в цензорской – для чиновника были как положительные стороны, например, возможность знакомиться с новейшей литературой, так и отрицательные моменты – большой объем обязательного чтения, опасность получить взыскание.

Примечания

¹ Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Раскин Д. И. Цензура в России XIX–XX вв. / Н. А. Гринченко [и др.] // Русские писатели, 1800–1917: биограф. слов. М., 2007. Т. 5. С. 775–791.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. 25. № 24342.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 937. Л. 126–126 об.

⁴ Фут И. П. Увольнение цензора. Дело Н. В. Елагина, 1857 г. / И. П. Фут / Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 162.

⁵ Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы / сост. Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева; науч. ред. Д. И. Раскин. СПб., 2006. С. 202–203.

⁶ См. например: Долгих У. М. Цензурная история некрасовского «Иллюстрированного альманаха»: (по архивным материалам) / У. М. Долгих // Русская литература. 1977. № 2. С. 122–126.

⁷ Фут И. П. Увольнение цензора: дело Н. В. Елагина, 1857 г. С. 160.

⁸ Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы. С. 162.

⁹ См., например: Ясинский И. И. Мои цензора : из воспоминаний / И. И. Ясинский // Исторический вестник. 1911. № 2. С. 535–536; Сидоров А. А. Из воспоминаний цензора: начальники Главного управления по делам печати с 1893 по 1905 г. и В. С. Адикаевский / А. А. Сидоров // Голос минувшего. 1923. № 3. С. 132.

¹⁰ Литературный музей. Петроград, 1921. С. 65. (Указано Н. А. Гринченко).

¹¹ См. об этом: Патрушева Н. Г. Инструкции и указы российским цензорам второй половины XIX – начала XX века / Н. Г. Патрушева // Архивы и история Российской государственности. СПб., 2015. Вып. 5. С. 167–171; Проект создания правительственного периодического издания, подготовленный председателем С.Петербургского цензурного комитета Н. В. Медемом в 1861 г. / вступ. ст. и подготовка к публ. Н. Г. Патрушевой // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. тр. СПб., 2018. Вып. 19. С. 301–316; Проект наказа цензорам (1848 г.) / вступ. статья и подг. текста Н. Г. Патрушевой и Г. А. Мамонтовой // Цензура в России: история и современность: сб. науч. ст. СПб., 2019. Вып. 9. С. 445–496.

¹² Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сб. документов / науч. ред. Д. И. Раскин, ред. Г. А. Мамонтова. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2016. С. 58, 62.

¹³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. № 52395.

¹⁴ Лемке М. К. В мире усмотрения: (ст. 140 и 156 Устава о цензуре и печати) / М. К. Лемке // Вестник права. 1905. № 7. С. 97–156; Самодержавие и печать в России. Пб., 1906. С. 66–80; Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства, 1865–1905 гг. / И. П. Фут // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 106–132; Горбачев И. Г., Печников В. Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX веков : ист.-правовое исслед / И. Г. Горбачев, В. Н. Печников. Казань, 2010. 205 с.

¹⁵ Гринченко Н. А. Цензоры – читатели сочинений о России на иностранных языках (вторая четверть XIX в.) / Н. А. Гринченко // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр. М., 1995. Вып. 2. С. 66–78.

¹⁶ Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 191–194.

¹⁷ Цензоры Российской империи, конец XVIII – начало XX века : биобиблиогр. справ. / науч. ред. Д. И. Раскин ; ред. М. А. Бенина. СПб., 2013. С. 24–25.

¹⁸ Организация надзора за книжным делом Российской империи в «Отчете Главного управления по делам печати за 1882–1891 гг.» / публ. Н. Г. Патрушевой // Книга : исслед. и материалы. М., 2008. Сб. 88, ч. 1. С. 163–199.

¹⁹ Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 74.

²⁰ Там же. С. 73–74.

²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 21, ч. 1 – 1896. Д. 101. Л. 152–152 об.

²² Там же. Л. 128–129.

²³ Журналы Особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. СПб., 1869–1871. Т. 1. С. 64–65.

²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 23–1914. Д. 1. Л. 82–82 об.

²⁵ Там же. Оп. 22 – 1906. Д. 44. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Оп. 23 – 1909. Д. 57. Л. 1–3.

²⁷ Там же. Оп. 22 – 1912. Д. 283д. Л. 41.

²⁸ Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века) / ред. М. А. Бенина. СПб., 2011. С. 128, 146.

²⁹ Rigberg B. The efficacy of tsarist censorship operations, 1894–1917 / B. Rigberg // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1966. N 14. P. 339–349.

³⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 482. Л. 138–138 об.

³¹ Патрушева Н. Г. Цензор в государственной системе дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века). С. 230–237.

³² Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917. С. 209.

³³ Там же. С. 213.

³⁴ Фетисенко О. Л. Константин Леонтьев – цензуруемый и цензирующий / О. Л. Фетисенко // *Цензура в России: история и современность*. СПб., 2006. Вып. 5. С. 165.

³⁵ *Цензура в России в конце XIX – начале XX века: сб. воспоминаний / сост., вступ. ст., примеч. и указ. Н. Г. Патрушевой; ред. М. А. Бенина. СПб., 2003. С. 142.*

³⁶ Там же.

Д. А. Липатова, Д. А. Арутюнян

**Благотворительная издательская деятельность
в России начала XX века**

Рассмотрены отечественные издания 1900–1917 гг., основной целью которых был сбор средств в помощь нуждающимся: пострадавшим от эпидемий, природных бедствий, жертвам войн и т. п. Охарактеризовано содержание этих изданий, изучена история их создания.

Ключевые слова: благотворительность, издательская деятельность, благотворительный сборник, пожертвования.

Daria A. Lipatova, Diana A. Arutunyan

**Charitable publishing activity in Russia
at the beginning of the 20th century**

Authors survey the publications of 1900–1917, the main purpose of which was to raise funds to help those in need: victims of epidemics, natural disasters, victims of wars, etc. The content of these publications is described, and the history of their creation is studied.

Keywords: charity, publishing activity, charity literary collection, donations.

В начале XX в. в России на фоне многочисленных трагедий и бедствий наблюдается рост гражданского самосознания, одним из проявлений которого явился взрыв активности в области благотворительной деятельности. Участие в ней представителей книжной культуры является интересным штрихом к пониманию эпохи.

Под благотворительными мы будем понимать издания, средства от реализации которых были направлены на помощь нуждающимся. Маркером для нас служили соответствующие сообщения на титульном листе и его обороте, а также специальных вклейках. В результате библиографического поиска в каталогах крупнейших книгохранилищ страны по запросу «в помощь», «на помощь» удалось выявить 46 изданий 1900–1917 гг. выпуска.

Наиболее распространенной формой благотворительного издания следует признать сборники произведений разных авторов. Исключения немногочисленны, в качестве примеров можно привести авторские сборники «Наброски в стихах» И.Г. Белецкого (на титульном листе имелась пометка: «на помощь голодающим пойдет чистый сбор с первого издания в 2000 экз.»)¹ и «Робкие зори» Г. Круппа (сбор от издания направлялся в пользу Петроградского еврейского комитета помощи жертвам войны)².

С одной стороны, участие в сборнике нескольких (а в ряде случаев – большого числа) авторов, увеличивали шансы на успех издания среди читающей публики. С другой, коллективный сборник представляется более трудоемким с точки зрения сбора материала. Как правило, за это отвечал редактор, бравший на себя труд в устной или письменной форме связаться с потенциальными жертвователями текстов и предложить им участие в благотворительном издании. Воззвания печатались также и в периодической печати. Зачастую богатство литературного материала напрямую зависело от личных связей членов редакционной коллегии, их близости с писателями, публицистами, учеными и т. д. Подобная практика хорошо известна и описана в мемуарной литературе³. Так, В. И. Иванов оставил воспоминания о процессе подготовки первого издания литературно-художественного сборника «Щит», из которых мы можем узнать, каким образом взаимодействовали составители и авторы. По словам Иванова, в конце декабря 1914 г. А. Н. Чеботаревская, Ф. К. Сологуб и З. И. Гржебин обратились к нему с просьбой дать свои произведения и ангажировать «вкладчиков» среди знакомой московской профессуры для будущего издания сборника статей нееврейских авторов по еврейскому вопросу. В это же время рассылаются письменные приглашения к участию и другим писателям, например, И. А. Бунину поступает предложение выступить еще и в качестве редактора, однако писатель от этой роли отказался. В нескольких газетах напечатается воззвание в защиту прав евреев, которое подписали 200 с лишним писателей и общественных деятелей. Один из деятельных участников предприятия – издатель и журналист Соломон Владимирович Познер – наносит личные визиты и отвечает за корреспонденцию. Его труд увенчался успехом, и менее чем через год, в сентябре 1915 г., из типографии А.И. Мамонтова в Москве выходит сборник⁴. Приведем выдержку из письма Познера Сологубу: «Назначили мы цену в 1 рубль, чтобы сделать ее доступной среднему читателю. Печатали 5 тыс. экз., но делали матрицы. Если хорошо пойдет, пустим второе издание [сборник выдержал 3 издания – Д. Л., Д. А.]. Чистый сбор с издания жертвуем в пользу Общества вспомоществования беднейшему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий»⁵.

В подавляющем большинстве случаев тексты (а иногда – ноты и произведения изобразительного искусства) присылались авторами безвозмездно. Это значительно снижало расходы на издание сборника за счет отсутствия гонораров, но зачастую приводило к низкому качеству содержания. Так, Н. Д. Телешов в письме И. А. Бунину от 15 марта 1909 г., приглашая его участвовать в сборнике «Друкарь», особо

подчеркивал: «Рассчитывали, что и писатели пожертвуют свои рассказы и стихи, но я отстоял иное: авторам заплатить, и хорошо заплатить, чтобы они дали не отбросы, а настоящие вещи. Книгу поддержат газеты, но она должна быть составлена из статей, действительно искренних и заметных»⁶. Известно о подобных письменных просьбах другим писателям и деятелям культуры: М. Горькому, Н. Г. Короленко, Ф. И. Шалапину, М. П. Чеховой⁷.

Случалось, что типографии и бумажные мануфактуры делали скидку или выполняли заказ бесплатно. Так как для одной типографии безвозмездная печать нескольких тысяч экземпляров оказывалась накладной, к проекту привлекалось несколько печатных мастерских с разделением между ними всего количества изготавливаемых к печати листов. Например, выдающийся по своему содержанию и полиграфическому исполнению сборник «Клич. День печати» (Москва, 1915) печатался одновременно в мастерских т-ва А. А. Левенсон, т-ва И. Д. Сытина, т-ва И. Н. Кушнерев, нотные листы – в нотопечатне П. И. Юргенсона. В обращении к читателю сообщалось, что «все участвующие в сборнике писатели, художники и композиторы – дали свои произведения безвозмездно; издательские, книжные, бумажные и типографские фирмы по подписке приняли на себя расходы по напечатанию книги, нот и рисунков; редакции газет и журналов помещают бесплатно объявления, поэтому вся вырученная от продажи сборника «Клич» сумма поступает полностью на помощь жертвам войны»⁸. Подписной лист издания включал имена 27 жертвователей с общей суммой более 9 тысяч рублей.

Нельзя не отметить роль меценатов в деле благотворительного книгоиздания. В 1916 г. в Петрограде выходит «Пряник осиротевшим детям» – сборник стихов и рассказов более 30 авторов, в числе которых были А. А. Ахматова, З. Н. Гиппиус, А. А. Блок, С. А. Есенин, Е. И. Замятин, Н. А. Клюев и многие другие. Издание предназначалось в пользу приюта для детей погибших воинов общества «Детская помощь». Деятельным членом общества еще с 1896 г. являлась Антонина Дмитриевна Талыпина (в замужестве Барановская). На средства мужа Антонины Дмитриевны Виктора Петровича Барановского (он приобрел крупный участок земли в районе станции Удельная) и петербургских коммерсантов С. П. и В. С. Елисеевых (они пожертвовали деньги на возведение 2-этажного здания) в 1912 г. были построены Убежище для бесприютных детей и Приют-ясли⁹. Рассматриваемый сборник собирал пожертвование на нужды именно этих заведений. Инициатором издания и главным меценатом выступала Барановская, ей «почтительно посвя-

тил» свой рассказ «Крест на поляне» редактор сборника Владимир Николаевич Гордин¹⁰.

События, побуждавшие к выпуску благотворительных изданий, весьма разнообразны. Начало XX в. в России не скупилось на бедствия: неурожай в Херсонской и Бессарабской губерниях (1899, 1900 гг.), Еврейский погром в Одессе (октябрь 1905 г.), засуха, неурожай и, как следствие, голод 1905–1907 гг. в Казанской губернии, землетрясение в Семиреченской области 20 декабря 1910 г., Первая мировая война. Годы войны стали апогеем благотворительного книгоиздания: за 1914–1917 гг. было издано, по меньшей мере, 15 сборников, ставивших целью помочь раненым, беженцам, а также сиротам, потерявшим отцов на войне. В это число входят и издания, направлявшие вырученные от продажи тиража средства в соответствующие комитеты, и те сборники, которые призывали читателей вносить пожертвования напрямую.

Сочувствие издателей и составителей благотворительных сборников, находили также бедствия, случившиеся за границей: вторая англо-бурская война 1899–1902 гг., землетрясение в Мессине (Италия) 28 декабря 1908 г., балканский кризис 1912–1913 гг.

Особо отметим так называемые «женские» благотворительные издания. Одним из них стал «Сборник на помощь учащимся женщинам, составленный исключительно из произведений женщин-писательниц, снимков с картин и иллюстраций художниц» (Москва, 1901). Доход от сборника предназначался для устройства общежитий при обществе взаимопомощи учащимся, где «девушки, не имеющие семьи, получали бы сухое и теплое помещение и здоровую пищу»¹¹. «Сборник на помощь учащимся женщинам» – это не только библиографическая редкость, памятник русского феминизма, но и ценный источник биографической информации – каждое произведение предваряет биография писательницы. Второе «женское» издание – «Женский сборник в пользу Ялтинского попечительства о приезжих больных и больных туберкулезом из действующей армии» (Москва, 1915).

Еще одна интересная примета времени – участие в благотворительной деятельности учащихся. В 1914 г. выходит «Сборник в пользу раненных», изданный учениками 5 класса Императорского Петроградского коммерческого училища. В декабре 1914 – январе 1915 г. выходят два выпуска сборника «За Русь: в пользу русских воинов», подготовленного учениками старших классов Петровского училища Петроградского Купеческого общества. В предисловии к первому сборнику сообщается о мотивах издания – «горячее желание участвовать в общем деле помощи нашим героям», а также назначение «прибыли от

продажи» – «поступит на покупку теплой одежды и прочих вещей»¹². Второй выпуск сборника представляет собой тот редкий счастливый случай, когда из предисловия к изданию мы можем почерпнуть массу информации:

- Указана выручка от продажи первого сборника – «превысила самые смелые ожидания издателей. Вместо предполагавшихся 60 рублей от продажи от номинальной стоимости 300 экземпляров сборника, нами было выручено 109 р. 65 к. Достаточно сказать, что в первый же день после выхода его из печати была распродана половина всех экземпляров».

- Сумма расходов на текущее издание – «за вычетом 42 руб. 25 к. на издание настоящего номера».

- Последующее расходование собранных пожертвований – «употребили на приобретение необходимых для наших воинов предметов; последние были разделены на 15 комплектов». Далее подробно описывается наполнение каждого из комплектов. «Упакованные узлами, вещи были сданы нами в комитет имени Пирогова, где он в прочной упаковке, в собственных комитета вагонах и с его уполномоченными были отправлены в действующую армию, под Краков»¹³.

Взаимодействие с городскими благотворительными комитетами – распространенная практика в издательской благотворительной деятельности. Собранные в ходе реализации печатной продукции средства направлялись в соответствующие общественные организации. На страницах благотворительных изданий мы находим упоминания: Петербургского общества «Детская помощь», Общества помощи учащимся в Санкт-Петербурге туркестанцам, Комитета Петроградского ремесленного общества по оказанию помощи раненым воинам и их семьям, Ялтинского попечительства о приезжих больных, Смоленского общества взаимопомощи учащим и учившим, Комитета Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны (Павловский отдел, Воронежская губерния) и прочие. В ряде случаев издания затевались ради сбора средства на нужды конкретных заведений, например, Пятигорского студенческого санатория или Детской библиотеки-читальни в Лесном.

На последнем издании хотелось бы остановиться подробнее. Оно подготовлено в память о князе Григории Григорьевиче Гагарине, дипломате, общественном деятеле, бывшем вице-президенте Российской Академии художеств. Инициатором «Рассказов детей к дедушкиным картинкам» выступил сын Григория Григорьевича – Андрей Григорьевич Гагарин, тоже весьма заметная фигура, первый директор

Политехнического института в Петербурге. В издании опубликованы любительские, выполненные Григорием Григорьевичем еще в юности, а потому малоизвестные, акварели Гагарина-старшего, сопровождающиеся короткими рассказами, сочиненными учениками младших классов 8-классного коммерческого училища в Лесном. Это училище было основано при активном участии Андрея Григорьевича и стало одним из первых учебных заведений, практиковавших совместное обучение мальчиков и девочек. Помимо того, здесь же в Лесном было создано «Лесное общество народных развлечений», в нем председательствовала Мария Дмитриевна Гагарина. Одной из важнейших форм досуга признавалось чтение, поэтому при обществе работали взрослая (платная) и детская (бесплатная) библиотеки. Именно на ее нужды должны были пойти средства от реализации книжки «Рассказы детей к дедушкиным картинкам»¹⁴.

Отметим, что благотворительные сборники выходили не только в Москве и Петербурге, но и в других городах Российской империи: Казани, Киеве, Одессе, Ставрополе, Смоленске, Пскове и др. Иногда составители этих изданий старались особо подчеркнуть региональное наполнение сборника. Например, в предисловии к «первому омскому литературному сборнику» «Жертвам войны» (Омск, 1915), доход которого предназначался на нужды раненых и больных воинов, особо подчеркивалось: «Издавая сборник, редакция надеется, что общество не откажет в поддержке начинания писателей-сибиряков, поместивших в сборнике, <...>, свои произведения – эту лучшую жертву ума и сердца. <...> Благотворительная цель издания не должна затушевывать содержания книги. <...> Путем издания таких сборников сибирский литератор имеет возможность выступить перед судом серьезной критики, и пусть критик подходит к нему не с снисходительной улыбкой, а со всей строгостью и беспристрастностью своего авторитета»¹⁵.

Говоря о российском благотворительном книгоиздании начала XX в., нельзя обойтись без упоминания Николая Дмитриевича Телешова. Меценатская деятельность Телешова выходила далеко за рамки нашей темы. Он около 15 лет состоял председателем кассы взаимопомощи литераторов и ученых. Участники организованного Николаем Дмитриевичем литературного кружка «Среда» в 1904 г. создали комиссию памяти А. П. Чехова, которая была призвана обеспечивать материальную поддержку людям творческих профессий, попавшим в бедственное положение. Старания этой комиссии, в частности, спасли от закрытия Московский художественный театр. Кроме того, супруги Телешовы в частном порядке на свои средства организовывали лечеб-

ницы и школы для рабочих, железнодорожных служащих и крестьян, инициировали создание музея МХАТ. Но для нас важно, что Телешов был инициатором и неутомимым организатором нескольких успешных благотворительных изданий. Личное знакомство с выдающимися писателями того времени позволяло Николаю Дмитриевичу «добывать» литературные произведения самого высокого качества «из первых рук».

Наиболее интересным представляется сборник «Друкарь»¹⁶. Формальным поводом к его изданию послужила годовщина торжественного открытия в Москве осенью 1909 г. памятника первопечатнику Ивану Федорову – «Друкарю книгъ предтѣмъ невиданныхъ». Однако подлинная миссия сборника заключалась в сборе пожертвований на строительство Инвалидного дома для тружеников печатного дела. Бумага и печать были обеспечены специальной комиссией при Вспомогательной кассе типографов в Москве. Председательствовал в ней Андрей Григорьевич Галунов – директор типографии С. П. Яковлева, товарищем председателя состоял Иван Дмитриевич Сытин; в последствии издательство Сытина станет неизменным партнером в подготовке других благотворительных сборников Н. Д. Телешова.

В сборник вошли произведения авторов первой величины: Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, А. С. Серафимовича, В. В. Вересаева, Ф. И. Шляпина, П. А. Нилуса и других. Издание сопровождалось девятнадцатью портретами писателей на отдельных листах.

Не меньшего внимания заслуживают сборники, подготовленные Николаем Дмитриевичем в годы Первой мировой войны. «Клич. День печати» (Москва, 1915) по праву считается выдающимся изданием своего времени. Помимо Телешова, редакторами издания выступили И. А. Бунин и В. В. Вересаев, художественный отдел состоял «под наблюдением» А. Н. Васнецова и В. В. Переплетчикова. «Клич» содержал произведения более 40 писателей и поэтов, а также ноты С. В. Рахманинова, А. К. Глазунова, А. Н. Скрябина и других композиторов, репродукции картин и рисунки И. Е. Репина, В. М. и А. М. Васнецовых, Л. О. Пастернака, М. В. Нестерова и других художников. Обложкой, титульным листом и графикой сборника занимался Георгий Павлович Пашков. Книга была выпущена 10-тысячным тиражом и, по воспоминаниям Телешова, собрала 34 000 рублей чистой прибыли: «Эти деньги влились в общую, довольно значительную сумму, собранную Днем печати и распределенную, согласно постановлению общего собрания московского Дня печати, между национальными организациями, оказывавшими помощь пострадавшему от войны населению: армянскому, польскому,

грузинскому, еврейскому, латышскому, литовскому, татарскому и украинскому – через Пироговское общество, в равной части каждой организации»¹⁷.

В 1916 г. совместно с Николаем Васильевичем Давыдовым – известным юристом, писателем и общественным деятелем, Телешов выпускает литературный сборник «В помощь русским воинам». Идеейным вдохновителем издания выступала Марина Николаевна Гагарина – деятельная участница Московского Городского Комитета помощи русским военнопленным¹⁸. В редакторском предисловии сообщалось, что целью сборника является «оживление и поддержание в обществе заботы о наших пленных воинах за границей и оказание им материальной помощи», «средства на расходы по изданию, на бумагу, печатание и т.п. были даны <...> собранием московских деятелей „Дня печати“»¹⁹. Сборник содержал статьи и рассказы, стихотворения и рисунки. Издание пользовалось успехом, и в мемуарах Телешов вспоминает: «Сколько благодарственных солдатских писем мы получили тогда через международную организацию – Комитет помощи русским военнопленным!»²⁰

Несмотря на многообразие описанных практик, российское благотворительное книгоиздание рассматриваемого периода не было хоть сколько-нибудь упорядочено. Наблюдается разобщенность благотворительных акций, бессистемность деятельности, отсутствие единого координационного центра и проработанного алгоритма действий. По сути, каждая отдельно взятая издательская инициатива «нащупывала» свой путь, учась на собственных ошибках. Издания в пользу немущих выходили до осени 1917 г., однако уже весной 1918 г. Народный комиссариат государственного призрения фактически ликвидировал частные инициативы в области благотворительности.

Примечания

¹ Белецкий И. Г. Наброски в стихах. 1896-1899 / И. Г. Белецкий. Одесса: типо-лит. А. Соколовского, 1900. 128 с.

² Крупп Г. Робкие зори. Псков : электро-типо-лит. Псков. губ. земства, 1914. 115 с.; 2-е изд. 1915.

³ Например, Мария Викторовна Лучицкая, принимавшая участие в издании «Киевский сборник: в помощь пострадавшим от неурожая» (Киев, 1892) вспоминает, как в 1890 г. «И. В. [Иван Васильевич Лучицкий – известный историк, муж Марии Викторовны – Д. Л., Д. А.] написал французским писателям, мне поручили написать скандинавским, немецким и итальянским. Надо сказать, что наиболее охотно и быстро откликнулись скандинавы – каждый, к кому я обращалась, прислал свое произведение – кто повесть, кто оттиск. Немцы тоже отозвались. Наименее отзывчивыми оказались

французы, у них, по их словам, ничего не было готового, а написать что-нибудь новое не было времени. Собралась группа киевских писателей, и через некоторое время сборник был готов». Луцицкая М. В. Мемуары / М. В. Луцицкая. М., 2003. С. 114.

⁴ Цит: лит. сб. / под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. 208 с.; 2-е изд., доп. М.: Рус. о-во для изуч. еврейской жизни, 1916. 250 с.; 3-е изд., доп. Москва, 1916. 260 с.

⁵ Цит. по: Соболев А. Л. Cum Scuto: Вячеслав Иванов – участник сборника «Щит» // *Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева*. М.: Объединенное гуманитарное изд-во (ОГИ), 2011. С. 323–324.

⁶ Цит. по: Переписка с Н. Д. Телешовым / предисл. и публикация А. Н. Дубовикова // *Литературное наследство*. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. Москва, 1973. С. 574–575.

⁷ Там же.

⁸ Клич. День печати: сборник на помощь жертвам войны / под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова; худож. отдел под наблюдением А. Н. Васнецова и В. В. Переплетчикова. М., 1915. С. 5.

⁹ Барышников М. Н. Социальные инициативы семьи Барановских в начале XX века / М. Н. Барышников // *Университетский научный журнал*. 2016. № 20. С. 28–36.

¹⁰ Пряник осиротевшим детям: Сб. в пользу убежища о-ва Детская помощь / ред.-изд. Антонина Дмитриевна Барановская; сб. собран усердием Владимира Николаевича Гордина. Петроград: паровая скоропечатня М. М. Гутзаца, 1916. 157 с.

¹¹ Сборник на помощь учащимся женщинам, составленный исключительно из произведений женщин-писательниц, снимков с картин и иллюстраций художниц. Москва: Типо-литограф. И. Н. Кушнерова и К^о, 1901. 388 с.

¹² За Русь: сборник художественно-литературных и научных статей, издаваемый учениками старших классов Петровского училища Петроградского Купеческого О-ва в пользу русских воинов. Петроград: типо-лит. «Бр. Ревины», 1914. № 1 (декабрь). С. 3.

¹³ За Русь: сборник художественно-литературных и научных статей, издаваемый учениками старших классов Петровского училища Петроградского Купеческого О-ва в пользу русских воинов. Петроград: тип. М. А. Безсонова, 1915. №2 (январь). С. 3.

¹⁴ Рассказы детей к дедушкиным картинкам: Изд. в пользу Дет. б-ки-читальни в Лесном, под ред. Комис. зав. читальней / предисл. Л. Никонов; ил. Г. Г. Гагарина. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, ценз. 1905. 17 с.

¹⁵ Жертвам войны: первый омский литературный сборник, составленный исключительно из произведений писателей-сибиряков / под ред. М. Шавыкиной; загол. обл. худож. В. Эттель. Омск: Издание М. А. Шавыкиной; Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915. С. 5.

¹⁶ Друкарь : лит. сб. / под ред. Н. Д. Телешова. М. : Вспомог. касса типографов, 1910. [8], 270 с.

¹⁷ Телешов Н. Д. Записки писателя / Н. Д. Телешов. М.: Московский рабочий, 1958. С. 60.

¹⁸ «31 октября и 1 ноября [1915 г. – Д. Л., Д. А.], образованный по инициативе и под председательством княгини Марины Николаевны Гагариной Отдел Комитета по сбору пожертвований произвел в Москве однодневный сбор под названием «Москва – русским воинам в плену». Было собрано около 100.000 руб., но, быть может, большое значение имело то, что сопровождавшие сбор публичные собрания, газетные статьи, а также розданные сборщиками в числе 300.000 ленточки, дали новый толчок подъему общественного интереса к делу военнопленных». Московский Городской комитет помощи русским военнопленным и связанные с ним организации // Русский военнопленный : журнал. Москва, 1917. № 2 (июль). С. 2–3.

¹⁹ В помощь пленным русским воинам : литературный сборник / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Д. Телешова. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1916. С. 5.

²⁰ Телешов Н. Д. Указ. соч. С. 35.

О. Н. Ильина

Дарственные надписи на книгах в современных российских исследованиях

Изучение дарственных надписей на книгах рассматривается как междисциплинарное направление современных гуманитарных исследований: дарственные надписи как особый жанр письменного литературного творчества, как явление литературного этикета и повседневности, как паратекст, как источник изучения истории науки и культуры, как эго-документы. Выделяются и характеризуются книговедческие исследования, в которых дарственные надписи изучаются в ряду владельческих экземплярных особенностей.

Ключевые слова: дарственные надписи, инскрипты, книговедение, владельческие особенности, историография.

Olga N. Iliina

Gift inscriptions on books in the modern Russian studies

The study of dedicatory inscriptions on books is considered as an interdisciplinary direction of modern humanitarian research: dedicatory inscriptions as a special genre of written literary creativity, as a phenomenon of literary etiquette and everyday life, as a paratext, as a source of studying the history of science and culture, as ego-documents. Bibliological studies are singled out and characterized, in which dedicatory inscriptions are studied in a number of possessory exemplar features.

Keywords: dedicatory inscriptions, inscriptions, bibliography, possessory features, historiography.

Интерес к дарственным надписям и записям на книгах в библиофильской и научной среде наблюдается в России начиная со второй половины XIX в., о чем можно судить хотя бы по тому, что при описании книг в книготорговых каталогах антиквары-книгопродавцы стали указывать наряду с наличием экслибриса наличие дарственных надписей, что, по их мнению, увеличивало цену книги. В конце XIX в. появились первые исследования о записях и надписях на книгах. В 1896 г. в журнале «Книговедение» появилась статья А. Н. Лебедева «Надписи на старинных книгах»¹. Отметим также, что в первой четверти XX в. дарственные надписи и записи на книгах стали фиксироваться в каталогах личных библиотек, а в некоторых даже воспроизводился их текст.

Впоследствии при создании каталогов личных библиотек фиксировалось наличие дарственных надписей на экземплярах, входивших в ее состав. Однако в советское время, вплоть до 1970-х гг., и публикации самих надписей, и их исследования носили единичный характер.

В 1930–1940-х гг. были учтены и воспроизведены дарственные надписи Н. С. Лескова, И. С. Тургенева и Д. Н. Мамина-Сибиряка. Всего же до начала 1970-х гг. было не более полутора десятков специальных работ по данному вопросу. Точкой отсчета в изучении книжного инскрипта можно считать состоявшееся в начале 1979 г. специальное заседание круглого стола редакции журнала «Вопросы литературы», посвященное теме «Писательский автограф на книге» и появление статьи Л. А. Озерова «Надпись на книге»². В 1988 г. появляется специально посвященное инскриптам издание «Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: аннотированный каталог»³, воссоздающее свод инскриптов пушкинской поры.

Современная ситуация в области изучения дарственных надписей на книгах характеризуется междисциплинарным характером и значительным увеличением потока исследований и публикаций по сравнению с предшествующими периодами. Вместе с тем историографические исследования по данной теме отсутствуют. Активный интерес к дарственным надписям книговедов, библиофилов и представителей других областей гуманитарного знания объясняется, в том числе, вниманием научного сообщества к так называемым вторичным текстам (затекстам), к проблемам литературного быта и культуры повседневности. В связи с этим расширяется источниковая база, все большее значение приобретают источники, отражающие интеллектуальную и духовную жизнь человека, его творческое и профессиональное общение. Публикации дарственных надписей в последние 20 лет систематически учитываются во многих научно-вспомогательных персональных указателях, включаются в научные издания собрания сочинений писателей (Ф. М. Достоевский, С. А. Есенин, А. И. Солженицын и др.). Все это позволяет констатировать не только обострившийся интерес к проблеме книжного инскрипта, но и начало этапа формирования его истории и типологии.

Исследования автографов на книгах все более приобретают междисциплинарный характер, поддерживаются грантами различных фондов, как, например, исследование томских ученых «Книга с автографом как территория межкультурной коммуникации: фронтальное исследование личных библиотек русских классиков XIX – начала XX в.», в результате которого были выявлены и опубликованы автографы писателей и поэтов от В. А. Жуковского до А. А. Блока.

При этом важно подчеркнуть, что изменился качественный и содержательный характер литературы по теме. Можно выделить, в зави-

симости от содержания, две составные части в массиве литературы: публикации автографов и исследования, построенные на их материале; работы, посвященные типологическим, лингвистическим, социокультурным и источникам характеристикам текстов дарственных надписей. Причем воспроизведение и описание инскриптов может быть включено в состав каталогов личных библиотек, сводных и тематических каталогов.

Появились многочисленные специальные каталоги, альбомы, списки, обзоры, включающие корпус дарственных надписей, объединенных по тому или иному признаку: профессия, социальная и профессиональная принадлежность (члены Государственной думы, купечество, экономисты, этнографы, врачи, музыканты, георгиевские кавалеры), регион. Самая многочисленная группа работ посвящена дарственным надписям, объединенным местом их хранения в различных центральных или региональных книгохранилищах. Показательна в этом отношении серия публикаций дарственных надписей в журнале «Новое литературное обозрение»⁴.

Широкое распространение получили каталоги и альбомы, в которых опубликованы и прокомментированы дарственные надписи, хранящиеся в столичных и региональных библиотеках. Серия альбомов дарственных надписей была издана в Российской национальной библиотеке⁵ и в определенной мере послужила примером для последующих подобных изданий других библиотек. Только за последние несколько лет увидели свет несколько десятков альбомов-каталогов, указателей, в которых публиковались дарственные надписи, обнаруженные в фондах столичных и региональных книгохранилищ⁶. Современные каталоги и альбомы инскриптов – неоднородная группа: по-разному при их создании решалась проблема отбора и комментирования, различны они по оформлению, отсутствию или наличию иллюстраций, качеству справочного аппарата. Среди неиллюстрированных изданий выделяется количеством публикуемых надписей каталог, отразивший дарственные надписи из библиотеки Института русской литературы (Пушкинского Дома). Основным источником для их выявления стала картотека автографов, которая многие годы ведется в библиотеке, из нее были отобраны наиболее интересные в исследовательском отношении дарственные надписи на русском языке. Вышло 5 выпусков каталога⁷. Столь обширный свод, включающий 5563 надписи, открывает широкие возможности для изучения не только развития филологической науки, но и отечественной культуры второй половины XIX – XX в. в целом, добавляет новые данные (даты встреч и памятных событий,

неожиданные детали, повод дарения) о характере взаимоотношений в академической и литературной среде, а также позволяет в некоторых случаях уточнить сложившиеся ранее представления о месте и роли тех или иных ученых, писателей, литераторов в истории науки и культуры.

Значительным событием в истории публикации инскриптов стало двухтомное издание «Искусство автографа»⁸, включившее дарственные надписи писателей, поэтов, ученых и художников из частных библиофильских собраний, недоступные ранее большинству исследователей. Представлено около 580 инскриптов 220 лиц. В этом издании воспроизводятся не только тексты дарственных надписей, зачастую интересных графическим исполнением, но и рисунки, записки, письма, что вполне соответствует заглавию этого издания. Видный российский филолог Б. Ф. Егоров, завершая рецензию на это издание, отмечал: «Авторская дарственная надпись на книге <...> занимает „промежуточное место между литературным произведением и бытовым документом, связывает литературу с литературным бытом“»⁹.

Активная публикация дарственных надписей, предоставляя возможность их использования в качестве источника в филологических, исторических и культурологических исследованиях, привела также к опытам их осмысления и осознания их значимости для развития гуманитарного знания. В современной историографии возникла группа исследований, в которых дарственные надписи рассматриваются с точки зрения лингвистики, филологии, социологии, источниковедения, истории науки. Специалисты справедливо выделяют жанр дарственной надписи как особый жанр письменного литературного творчества и речевой жанр¹⁰, как явление литературного этикета и повседневности, как источник изучения истории науки и культуры¹¹, формирования научных школ.

Существуют разные точки зрения на природу инскрипта: от романтически-библиофильского, до социологически-прагматического. Имеет смысл кратко охарактеризовать лишь те исследования, которые в большей степени повлияли на формирование современных представлений об этом культурном явлении и наиболее часто цитируются в настоящее время.

Социологическую трактовку инскрипта предложил видный исследователь чтения и коммуникаций в литературной среде А. И. Рейтблат. Он сформулировал, казалось бы, парадоксальное положение: по его мнению, «...инскрипт обычно пишется не только для того человека, которому дарится книга, но и для других, потенциальных читателей,

которым пожелает показать книгу с инскриптом ее владелец или которым он станет доступен после его смерти. Инскрипты делают публичными существующие отношения, и тем самым закрепляют и подтверждают их»¹². Это положение, высказанное уважаемым исследователем, на наш взгляд, справедливо лишь отчасти и требует дальнейшего осмысления¹³.

Рейтблат присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают, что «...в подавляющем большинстве случаев такие надписи делаются автоматически по заранее разработанному или спонтанно возникающему в памяти шаблону», и лишь как отклонение от нормы «...значимы отступления от шаблона, свидетельствующие о специфическом характере отношений дарящего книгу с тем, кому она предносится»¹⁴. Большинство современных исследователей феномена инскрипта поддерживают точку зрения А. И. Рейтבלата, считая, что дарственная надпись в литературной среде носит этикетный и обязательный характер.

Следует также отметить методологически важную статью А. С. Янушкевича «Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и книгах его библиотеки»¹⁵, которая обобщает классические представления о функциях и значении инскриптов в историко-литературных исследованиях. Автор, профессор Томского государственного университета, один из инициаторов изучения личной библиотеки В. А. Жуковского и ее активный исследователь кратко проследил историю изучения инскриптов, отметил, что «...постепенно надпись обретает жанровый и литературный статус <...>. Через дарственную надпись на книге, принадлежащую писателю, прослеживается история личных и творческих отношений адресата и адресанта, выявляются новые факты писательской биографии и творческой лаборатории»¹⁶. Он сформулировал принципиально важные положения для понимания источниковых функций инскрипта: «Книжный инскрипт многозначен: 1) это факт книжной культуры; 2) феномен бытовой культуры и литературного быта; 3) историко-литературное явление; 4) источник творческой лаборатории, дарственная надпись нередко проявляет „вещественные доказательства невещественных отношений“ входит в сферу социологии творчества и психологии человеческих отношений»¹⁷. На материале дарственных надписей В. А. Жуковского, сохранившихся в различных книжных и музейных собраниях, он проследил, как проявляются эти функции (фиксация творческих взаимоотношений, связь инскрипта с творческой лабораторией писателя, с его эпистолярием), убедительно продемонстрировал историко-литературный и общественный смысл

инскрипта как репрезентанта книжной культуры определенной эпохи и литературного этикета той или иной страны.

В качестве примера еще одного подхода к жанру дарственной надписи приведу исследования Д. В. Марьина, где автографы писателя рассмотрены как объект филологического исследования¹⁸, автор предлагает процедуру анализа текстов надписей: текстологии, композиционного строения и языка, которая может быть использована для описания инскриптов.

Названные выше авторы сосредоточили свое внимание на писательских инскриптах. В наше время все активнее публикуются инскрипты ученых, общественных и государственных деятелей, представителей творческих профессий. Анализ массивов дарственных надписей различных социальных и профессиональных групп определенного периода истории необходим для дальнейшего многоаспектного осмысления этого явления. Несмотря на значительное увеличение общего количества исследований, большинство из них посвящено дарственным надписям конкретных лиц. В связи с этим весьма актуальным остается вопрос об археографии инскриптов, об особенностях их публикации и комментирования. Актуальными направлениями изучения дарственных надписей представляются также вопросы их терминологии, типологии, социологии.

В настоящее время исследователи, обратившие к дарственным надписям, употребляют различные термины: автографы, инскрипты, маргиналии, дарственные и владельческие надписи. Зачастую эти термины употребляются как синонимы. Очевидно, что слова «автограф», «инскрипт»; «надписи» и «записи» так или иначе соотносятся с друг другом. Так, например, показательно такое название: «Автографы поэтов серебряного века: дарственные надписи на книгах». В данном случае в названии уточняется, какая группа автографов представлена в издании.

В настоящее время все чаще для обозначения различных надписей и записей на книгах употребляется термин «инскрипт». Его распространение стало, на наш взгляд, своеобразной реакцией научного книговедческого сообщества на терминологическую неопределенность базовых понятий, относящихся к экземплярным особенностям книги, инскриптами сейчас называют и владельческие, и дарственные, и другие виды надписей и записей на книгах. Но чаще всего под инскриптами понимаются дарственные надписи. «Инскрипты, представляющие собой весьма специфический жанр письменного общения, практически не изучены. А ведь для историка литературы они важны не только как

источник информации о конкретной книге и конкретном авторе (с их помощью можно точнее датировать момент выхода книги, определить круг знакомств ее создателя, иногда – раскрыть псевдоним или установить автора анонимно вышедшей книги и так далее). Неменьший интерес они представляют для изучения литературного этикета, литературной иерархии и форм ее выражения, инскрипта как литературного жанра и так далее», – отмечал А. И. Рейтблат в послесловии к публикации дарственных надписей в журнале «Новое литературное обозрение»¹⁹. Для него дарственные надписи и инскрипты – синонимы. Однако, инскрипт в широком смысле понимается как надпись на любом антикварном предмете, а не только на книге. Можно выделить такие смысловые оттенки этого понятия: авторизация, установление подлинности, фиксация принадлежности предмета тому или иному владельцу. В связи с этим, на наш взгляд, употребление термина «инскрипт» наиболее оправданно для обозначения дарственных и владельческих надписей.

Комплекс терминов и понятий, используемых для обозначения владельческих экземплярных особенностей, требует дальнейшего осмысления, толкования и закрепления в специальных справочных изданиях.

Для осмысления сущностных характеристик и функций инскрипта в его эволюции значимы попытки современных исследователей предложить варианты типологии и классификации дарственных надписей. Во всем массиве дарственных надписей можно по различным формальным и неформальным признакам выделить группы со сходными характеристиками: выделяют официальные, дружественные, благодарственные и памятные дарственные надписи в зависимости от характера отношений между дарителем и адресатом и эмоционально-содержательных характеристик текста дарственной надписи; по форме выделяют стихотворные и прозаические надписи, надписи в форме афоризмов и каламбуров, шуточные, стилизованные и так далее; в зависимости от социальной и профессиональной принадлежности дарителя и адресата; надписи, адресованный отдельному человеку, учреждению, для отзыва или рецензии, неавторские надписи (от учреждения: школьные, официальные, семейные; надписи с минимальным набором элементов (кто, кому дарит, иногда, если повезет исследователю – когда, где, при каких обстоятельствах) иногда даже только кто дарит) и пространные (развернутые), в которых фиксируется повод и время дарения, характер взаимоотношений и могут содержаться самые неожиданные сведения; по месту расположения относительно элементов книги.

В связи с опытами типологии инскрипта представляется важным отметить систематизированные материалы о содержании и форме инскриптов, их источниковых функциях в специальной главе монографии «Феномен затекста»²⁰. Автор этой главы выделил группы инскриптов и привел весьма полный перечень тех сведений, которые могут дать исследователям содержание и форма дарственных надписей, удачно проиллюстрировав их многообразие конкретными примерами.

Все более широкое распространение в кругу современных исследователей получает предложенная А. И. Рейтблатом система рассмотрения инскриптов с позиции изучения социального взаимодействия и иерархии профессиональных отношений внутри различных профессиональных сообществ. Он выделяет инскрипты: на равных, «снизу-вверх» и «сверху-вниз»²¹.

Опыт классификации инскриптов в системе жанров современной русской речи предложен в статье Е. А. Косых²². По мнению автора, инскрипт можно отнести к особому жанру естественной письменной речи. В качестве оснований классификации инскриптов предлагаются различные признаки: количество авторов (адресантов) инскрипта, его эксклюзивность и тиражированность, социальная роль адресанта, семантика текста, мемориальность и др. Представленные в данной статье материалы могут быть интересны книговедам для дальнейшего описания, обсуждения и осмысления этого явления культуры. Особенностью современной исследовательской ситуации в этой области является интерес к дарственной надписи специалистов, далеких от книговедения, о чем свидетельствует и приведенный выше пример.

По-прежнему актуальной исследовательской задачей является создание персональных сводов дарственных надписей: с одной стороны, надписей определенного лица, как его оригинальных текстов, с другой – надписей, адресованных какому-либо лицу. Заслуживает внимания в этой связи один из немногих пример статистического исследования представительного корпуса дарственных надписей, адресованных академику Н. П. Лихачеву на книгах из его библиотеке, хранящейся в библиотеке Санкт-Петербургского института истории²³. Автор исследования, Е. З. Панченко на основе статистических данных убедительно показала, что совокупность инскриптов, адресованных отдельному ученому, является важным источником для изучения его роли в научной жизни своего времени, а также для характеристики развития той или иной области науки: «Книги с автографами в лихачевской библиотеке показывают активный и демократический характер академической жизни 1880-х 1920-х гг., престиж исторической на-

уки и значительное место самого Н. П. Лихачева в научной жизни его времени»²⁴.

Изучение инскрипта тесно связано с другой актуальной для книговедения темой – книга как подарок, о чем свидетельствуют пока немногочисленные работы в этой области²⁵.

Наблюдения над содержанием и характером современной историографии дарственных надписей позволяют сделать некоторые предварительные выводы. В этой области идет активный процесс накопления материала, создания источниковой основы для исследований следующего уровня, когда предметом изучения наряду с отдельными дарственными надписями станут массивы инскриптов того или иного периода, той или иной персоны.

Дарственные надписи на книгах сравнительно недавно стали рассматриваться как полноценный, а не вспомогательный исторический источник, причем в основном в рамках истории литературы. Вместе с тем показателен интерес к инскрипту представителей не только гуманитарного знания, но и ученых других областей науки. Необходимо дальнейшее рассмотрение вопросов терминологии, классификации и типологии дарственных надписей, осмысление их источниковых функций, создание информационной и методологической основы для обобщающих исследований.

Примечания

¹ Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах / А. Н. Лебедев. М., 1896. 34 с. Отдельный оттиск.

² Озеров Л. А. Надпись на книге / Л. А. Озеров // Встречи с книгой. М., 1979. С. 228–243.

³ Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: аннот. каталог / сост. О. В. Аснина и др. М.: Книга, 1988. 271 с.

⁴ Тихоненкова Т. Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки / Т. Тихоненкова // Новое литературное обозрение. 2005. № 1 (71). С. 498–509; Кельнер В. Е., Новикова О. П. Инскрипты литераторов и литературоведов в фондах Российской национальной библиотеки / В. Е. Кельнер, О. П. Новикова // Новое литературное обозрение. 2005. № 4 (74). С. 599–624; Лосиевский И. Я., Хасаханова Ж. А. Инскрипты литераторов и ученых-гуманитариев XIX – начала XX века в фондах Харьковской государственной Научной библиотеки им. В. Г. Короленко / И. Я. Лосиевский, Ж. А. Хасаханова // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 402–420; Рейтблат А. И. Инскрипты писателей в фонде сектора редких книг Российской государственной библиотеки по искусству / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 2007. № 86 (4). – С. 458–487; Донская Н. В. Инскрипты литераторов

и ученых-гуманитариев в фондах Смоленской областной универсальной библиотеки им. А. Т. Твардовского / Н. В. Донская // Новое литературное обозрение. 2008. № 89 (1). С. 396–404; Панченко Е. З. «Знак глубочайшего почтения и сердечной преданности ...» (Автографы на книгах XVIII – первой половины XIX века из библиотеки СПб Института истории РАН / Е. З. Панченко // Новое литературное обозрение. 2010. № 10. С. 450–472; Морева О. В., Шумкова И. А. Инскрипты литераторов и ученых-гуманитариев в фонде Отдела редких книг Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского / О. В. Морева, И. А. Шумкова // Новое литературное обозрение 2017. № 6. С. 374–385.

⁵ Эпоха Государственной думы в автографах Российской национальной библиотеки / сост., коммент. и предисл.: В. Е. Кельнер и О. П. Новикова. СПб.: Российская национальная библиотека, 2007. 78 с.: ил.; Наши автографы: инскрипты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки / сост. В. Е. Кельнер. СПб.: Изд-во РНБ, 2013. 98 с.: ил.; Автографы на книгах, подаренных Российской национальной библиотеке / сост. Н. А. Гринченко, О. Н. Ильина и др. СПб.: Изд-во РНБ, 2016. 89 с.

⁶ См., например: Авторские дарственные инскрипты на изданиях из фондов Российской государственной библиотеки искусств: каталог / Российская государственная библиотека искусств; [составитель: А. И. Рейтблат]. М.: РГБИ, 2020. 365, [2] с.; Экслибрисы и инскрипты на книгах в собрании ГЦМСИР: иллюстрированный каталог / Государственный центральный музей современной истории России; сост. Н. Л. Тутанцева, А. С. Бошко отв. ред.: В. С. Каграманова. М.: ГЦМСИР, 2019. 105, [1] с.: ил., портр., факс., цв. ил.; Дарственные надписи и автографы на книгах библиотеки Московского союза художников: альбом-каталог / авт.-сост. Т. В. Юдина. М.: Минувшее, 2020. 122, [1] с.: ил., факс.; Инскрипты из фондов Библиотеки им. В. Г. Белинского: каталог / Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В. Г. Белинского; авт.-сост.: О. В. Морева, И. А. Шумкова; ред. И. В. Зырянова; авт. предисл.: А. И. Рейтблат; авт. вступ. статьи: О. В. Морева. Вып. 1: «В знак глубочайшего почтения»: дарственные записи на книгах литераторов и ученых-гуманитариев XIX – начала XX века. 2021. 102 с.: портр., факс.; Вып. 2: «Не лыком шитому от шитого не лыком»: дарственные записи ученых естественных и технических наук XIX – начала XX века / ред., авт. предисл. О. В. Морева. 2021. 238 с.: портр., факс.

⁷ Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог / сост. Н. С. Беляев; сост. имен. указ. Г. В. Бахарева, Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб.: Б-ка Рос. акад. наук, 2014–2020. Вып. 1: А – Д. 2014. 171 с.; Вып. 2: Е – К. 2016. 212 с.; Вып. 3: Л – О. 2018. 257, [2] с.; Вып. 4: П – С. 2020. 352 с.; Вып. 5: Т – Я. 2020. 306 с.

⁸ Искусство автографа: инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов [альбом] / сост. М. Сеславинский. – М.: Бослен, 2015. Т. 1: А-И. 2015. 375 с.: ил., портр., факс., цв. ил.; Т. 2: К-Я. 2015. 549 с.: ил., портр., факс., цв. ил.

⁹ Егоров Б. Ф. Надпись на книге / Б. Ф. Егоров // Наше наследие. 2016. № 116. С. 50–57.

¹⁰ См.: Авдони́на Л. П. Книжные инскрипты в едином пространстве информации и культуры / Л. П. Авдони́на // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. IV Междуна́р. симпозиума: в 2 томах / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2020. Т. 2. С. 328–334; Ее же. Книжный инскрипт: речевой жанр или дискурс? / Л. П. Авдони́на // Анализ проблем и поиск решений повышения результативности современных научных исследований: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (29 апр. 2020 г., г. Казань): в 2-х частях. Уфа, 2020. Ч. 1. С. 5–11; Евсе́ева И. В., Морозова А. Д. Автограф автора на книге: текстовые функции / И. В. Евсе́ева, А. Д. Морозова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2017. Т. 8. № 8. С. 25–31; Косых Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. Барнаул, 2022. № 1. С. 53–66.

¹¹ Горшкова Н. Н. Значение дарственных надписей в современных гуманитарных исследованиях / Н. Н. Горшкова // Краеведение в развитии провинциальной культуры России. Киров: Кировская гос. универсальная обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, 2009. С. 187–193; Морева О. В. Инскрипты в истории науки // Книга: Сибирь–Евразия: тр. I Междуна́р. науч. конгр. (Новосибирск, 1–3 сент. 2016 г.). В 3 т. Т. 2 / Гос. публ. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. И. В. Лизунова. Новосибирск, 2016. С. 153–160.

¹² Рейтблат А. И. К социологии инскрипта // Рейтблат А. И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы / А. И. Рейтблат. М., 2014. С. 162.

¹³ Действительно, дарственные надписи на книгах могут подтвердить факт знакомства и существование тех или иных отношений между адресатом и адресантом, но лишь в том случае, если они существовали. Не секрет, что во многих личных библиотеках (не только писателей и литераторов) сохранились экземпляры с дарственными надписями тех лиц, которые не были лично знакомы с их адресатом. Вместе с тем в некоторых случаях имя того или иного дарителя становится известным в профессиональном кругу только благодаря сделанной им дарственной надписи. Такого рода примеры также могут представлять интерес для исследователей с точки зрения мотивов и целей дарения.

¹⁴ Богомолов Н. А. Автографы писателей в букинистических каталогах / Н. А. Богомолов // Новое литературное обозрение. 2010. № 5. С. 373.

¹⁵ Янушкевич А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и книгах его библиотеки / А. С. Янушкевич // Вестник Томского гос. университета. Сер. Филология. 2011. № 1. С. 102–120.

¹⁶ Там же. С. 103.

¹⁷ Там же. С. 103.

¹⁸ Марьин Д. В. Письма, автобиографии и автографы В. М. Шукшина: монография / Д. В. Марьин. Барнаул: Барнаул, 2012. 167 с. Марьин Д. В. Автографы В. М. Шук-

шина как объект филологического исследования / Д. В. Марьин // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 141–146.

¹⁹ Рейтблат А. И. [Послесловие редакции к публикации]: Тихоненкова Т. Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 508.

²⁰ Быков Л. П. Инскрипт как затекст / Л. П. Быков // Феномен затекста / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. Екатеринбург, 2021. С. 17–32. Феномен затекста в монографии предлагается рассматривать как систему (совокупность) культурных явлений, возникающих «за» (в значении «после») текстом.

²¹ Рейтблат А. И. [Послесловие редакции к публикации]: Тихоненкова Т. Инскрипты литераторов в фонде Отдела редких книг Тульской областной библиотеки...

²² Косых Е. А. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации / Е. А. Косых // Филология и человек. 2022. № 1. С. 53–63.

²³ Панченко Е. З. Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: Статистический обзор / Е. З. Панченко // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 260–267;

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ См. например: Панченко Е. З. Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) / Е. З. Панченко // Михайловская пушкиниана. Вып. 63. Сельцо Михайловское, 2014. С. 392–405; Фоменко И. Ю. Книжный подарок как дипломатический жест. По материалам переписки С. Р. Воронцова и Л. И. Голенищева-Кутузова / И. Ю. Фоменко // Музейные библиотеки в современном обществе: книга как подарок. История и истории: XIII научно-практическая конференция, 19-21 апреля 2016 года: тезисы докладов. М.: [б. и.], 2016. С. 78–80.

Е. Н. Шпинарская

Сюжет о книге в рассказе «Волк и Хоббит»

Представлен личный опыт автора в конструировании художественного текста, где книга является главным сюжетообразующим элементом. Рассказ «Волк и Хоббит» участвовал в литературном конкурсе «Реалистическая Проза Русской Тройки-22» на платформе Самиздат М. Мошкова и получил специальный приз в номинации «В защиту детства». Культурологический подход позволяет проанализировать отношение к книге в различных культурно-исторических контекстах и практиках.

Ключевые слова: роман воспитания, книжное воровство, архетипический сюжет о книге, книга в СССР.

Elena N. Shpinarskaia

The plot of the book in the story «The Wolf and the Hobbit»

The author's personal experience in the construction of a literary text is presented, where the book is the main plot-forming element. The story «The Wolf and the Hobbit» participated in the literary contest «Realistic Prose of the Russian Troika-22» on the platform of M. Moshkov's Samizdat and received a special prize in the nomination «In defense of Childhood». The culturological approach makes it possible to analyze the attitude to the book in various cultural and historical contexts and practices.

Keywords: the novel of upbringing, book theft, cultural and historical context, a book in the USSR.

Книга как сюжет литературного произведения широко распространена в разных эпохах. Списки «книг о книгах» встречаются в разных источниках, профессиональных и любительских. Показательна подборка пользователя Tayafenix на портале LiveLib на май-июнь 2011 г. Приводится 142 популярные книги на эту тему¹. Перечень начинается с «Мастера и Маргариты» М. Булгакова и с «451 градусов по Фаренгейту» Р. Брэдбери. Эти два произведения лидируют в подбных списках. В статье «Сюжет о книге как маркер времени: проблемно-тематический анализ» Е. Ч. Богдевич называет сюжет о книге архетипическим, «функционирующим в разнородных национально-культурных пространствах и актуализируемым в различные исторические периоды»². Сама книга тоже может пониматься как архетип – «институционально закрепленный архетип творчества, общения и понимания»³. Книгу в центре сюжета рассказа, повести или романа можно обнаружить во множестве произведений, опубликованных как на бумажных носителях, так и на площадках самиздата в сети Интернет⁴.

Конструирование художественного текста, где книга является главным сюжетообразующим элементом, стало той экспериментальной моделью, которая позволила поставить ряд вопросов, связанных с психологическим, нравственным и социальным формированием молодежи. Это своего рода попытка реконструкции в небольшом объеме (18 стр.) основных принципов романа воспитания, имеющего традиции также и в советской литературе⁵. Цель эксперимента – актуализация системы ценностных ориентиров молодежи и поиск способов построения диалога с молодым поколением.

Рассказ-эксперимент «Волк и Хоббит»⁶ был опубликован под псевдонимом Саганенко Н.Е. на платформе Самиздат при библиотеке М. Мошкова⁷. Он участвовал в конкурсе «Реалистическая проза Русской Тройки-22», где получил специальный приз жюри в номинации «В защиту детства»⁸.

Место действия рассказа – Ленинград, время действия – 1985 г. Выбор связан с тремя основными причинами. Во-первых, устоявшаяся в культурной традиции характеристика СССР как самой читающей страны в мире. Во-вторых, достаточная удаленность (почти 40 лет назад) от сегодняшнего момента, которая позволяет рассказать молодому поколению художественную историю в неизвестном ей в деталях историческом контексте. В-третьих, желание запечатлеть собственные воспоминания и рассказы очевидцев об этом времени.

Название рассказа отсылает к «Степному волку» Г. Гессе, впервые изданному в СССР в 1977 г., причем сразу дважды («Иностранная литература» № 4, 1977; Гессе. Г. Избранное. М.: Художественная литература, 1977), и первой части трилогии «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена, опубликованной впервые на русском языке под названием «Хранители» в 1982 г. (Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. М.: Детская литература, 1982).

Волк и Хоббит – условные имена персонажей рассказа. Волк (Игнат) – молодой человек примерно двадцати лет, увлеченный идеей распространения книг в контексте идеи восстановления полноты информационного пространства. Он собирает вокруг себя единомышленников: девушку Александру, только что окончившую среднюю школу, и подростка Кешу, (Хоббит), приехавшего в Ленинград в поисках продолжения первой части эпоса о Средиземье. Вместе они образуют некую банду, промышленящую кражей книг с целью их дальнейшего распространения – перепечатывания и продажи.

Такой сюжет о книге родился из неоднозначности и неоднородности книжной культуры в СССР. Это отдельный феномен, который вклю-

чает в себя множество явлений, от идей просвещения до полулегального и нелегального самиздата.

В 1986 г. Е. Л. Немировский писал о книгах в Советском Союзе: «В распоряжении читателей 350 тысяч библиотек, суммарный фонд которых более четырех миллиардов книг. Книготорговая сеть страны насчитывает около 60 тысяч магазинов и киосков»⁹. Несмотря на это существовал книжный дефицит и как следствие – книжная спекуляция.

Разнообразие способов существования и распространения книг в СССР позволило выстроить сюжет рассказа «Волк и Хоббит» многопланово, опираясь на исторические реалии, построенные в основном на устных воспоминаниях очевидцев эпохи, обсуждениях с авторами современной сетевой литературы, опубликованных записей самых разных людей в сети Интернет на множестве площадок – от мемуаристов самиздата до материалов экскурсий по точкам советского общепита.

Герои и обстоятельства рассказа вымышлены, поскольку он представляет собой художественную, а не документальную прозу. Однако три основные системообразующие составляющие книжной культуры – культура книги, культура чтения и культура книгораспределения¹⁰ нашли свое отражение в рассказе через проработку доступных для изучения исторически достоверных материалов, например, годы издания в СССР использованных в сюжете рассказа книг. Именно книги стали отправной точкой попытки художественной исторической реконструкции.

Можно сказать, что в основу конструирования рассказа положены те же принципы, что и в исследовательскую практику изучения книжной культуры, принципы, обусловленные многоплановыми процессами, происходящими в обществе, и, в частности, уровнем развития книжного дела рассматриваемого периода.

Культура книги представлена большей частью книгами, wybranыми главными героями рассказа в качестве добычи. Это дорогие издания искусствоведческого характера, в основном альбомы о художниках. Такие издания были роскошью в Советском Союзе и стоили достаточно дорого, чтобы быть привлекательными для кражи с целью продажи и получения прибыли. Кроме них речь идет о дефицитных книгах двух категорий, массовой и элитарной культуры. В качестве образцов выбраны: сборник произведений Г. Гессе и роман Ж. Верна.

Культура чтения опирается на выбор молодежи 1980-х гг., он представлен предпочтениями трех главных героев. Герой Степной волк – юноша по имени Игнат – читает высокоинтеллектуальную прозу. В первую очередь Г. Гессе (базовая характеристика персонажа), а

также Ф. Кафку, Т. Манна. По альбомам репродукций Игнат изучает творчество художников Дж. Поллока, М. Ротко. Александра, девушка, от чьего лица ведется повествование, читает зарубежные бестселлеры, случайно оказавшиеся в ее руках (в качестве примера подобной литературы приводится роман «Долина кукол» Ж. Сюзанн, в то время еще не переведенный на русский язык). Третий персонаж рассказа, Кеша, представляет собой фаната мало известного на тот момент в СССР Дж. Р. Р. Толкиена и его эпопеи «Властелин колец».

В рассказе сделана попытка показать взросление и становление личности через «чтение как глубокий социально-психологический процесс, а культуру чтения – как феномен, определяемый интеллектуальными и моральными качествами личности»¹¹.

Герои рассказа показаны как читающие персонажи, но с очевидными проблемами в поиске культурной идентичности, предостерегающими читателя от ошибок неправильного выбора пути, что перекликается с идеей романа взросления или воспитания. Ценности героев рассказа потеряны, и до времени их возрождения еще далеко. Они нигде не работают и не учатся. Такой выбор (анти)героев рассказа обусловлен «действием от противного» – показать, как безудержные и бесконтрольные поиски самоопределения, отказ от традиционных социальных институтов могут довести до реальных жизненных проблем. Фокальный персонаж, Игнат-Волк, в конце рассказа оказывается в сумасшедшем доме.

В статье С. Н. Иконниковой «„Защитный пояс“ культуры и детства» намечен основной абрис проблем ювенальной культуры, каждая из которых требует осмысления в контексте постоянно меняющихся условий окружающего мира¹². Сюжет о книге, представленный в рассказе «Волк и Хоббит», основанный на воровстве книг, является своеобразной иллюстрацией к следующему высказыванию С. Н. Иконниковой о рассматриваемом в рассказе временном отрезке советской истории: «Особую тревогу вызывала детская безнадзорность, возникновение детских сообществ и банд, занятых воровством, перепродажей, нищенством, хулиганством. Детство в такой ситуации утратило безмятежность, гармонию с окружающим миром, обрело контуры непредсказуемости будущего»¹³. Также близки к содержанию рассказа и высказывания об изменении в сексуальном поведении, безразличию к страданиям окружающих и прочим опасностям новой реальности становящихся рыночных отношений¹⁴. С. Н. Иконникова вспоминает в этой связи фильм Р. Быкова «Чучело», вышедший на экраны в 1984 г., убедительно показывающий наличие и детской жестокости, и новых вызовов меняю-

щейся культурной ситуации. Сложно не согласиться с утверждением, что «отсутствие чувства идентификации на фоне множества мировоззренческих оснований, сценариев поведения и неограниченных свобод порождает заброшенность, неприютность, вызывает негативное отношение к взрослым, занятым своими проблемами»¹⁵.

Молодежная тематика рассказа с архетипическим сюжетом о книге обусловлена тем, что «чтение, являющееся базовой составляющей при формировании личности и ее последующем развитии, играет значительнейшую роль, а его изучение позволяет осуществлять многоаспектный анализ»¹⁶.

Возвращаясь к теме книжной культуры, стоит отметить, что она трансформируется вместе с условиями жизни далеко не в первый раз. В статье С. Н. Лютова «Устойчивость традиций книжности – важный фактор формирования культуры информационного общества» говорится, что «традиционное отношение к книге подвергается различным испытаниям и переоценкам»¹⁷. Когда-то рукописная книга сосуществовала с печатной, печатная с самиздатовской. Сейчас соседствуют бумажные и электронные книги. Каждый раз сочетание нового и старого способа бытования книги работает как маркер смены парадигм. Книга, являющаяся как материальной, так и духовной ценностью, многомерна, ее познание возможно не только в русле междисциплинарного взаимодействия, но и в симбиозе с различными практиками, в частности – писательской практикой, коммуникативной, художественного конструирования.

Центральная проблема рассказа связана с третьей составляющей книжной культуры – книгораспределением. Именно эта проблема решается главными героями рассказа в соответствии с юношеским максимализмом в условиях краха ценностной системы советского строя в момент только что взятого курса под названием «перестройка». Распространение книг через кражу в условиях тотального дефицита товаров объясняется фокальным персонажем целью восстановления полноты информационного пространства¹⁸. Игнат объявляет благородной идеей распространение дефицитной книжной продукции в том виде, в котором может себе придумать подобную идею только что уехавшие в большой город из дома дети, волей случая оказавшиеся предоставленные сами себе. Это воровство. Прикрывая мессианством кражу книг, троица совершает глупые и необдуманные поступки.

Формирование информационной культуры, в более поздней трактовке – культуры знаний, строится на фундаменте культуры чтения. Можно вспомнить, что в СССР существовали, например, издательство

«Книга», «Всесоюзное добровольное общество любителей книги». По понятным причинам эти организации далеки от героев рассказа. Следует отметить, что «процесс индивидуализации как антитеза коллективизму был неоднократно отмечен современными исследователями ценностных ориентаций молодежи»¹⁹. В контексте середины 1980-х гг. этот момент отмечен как в выборе героев для рассказа, так и в аннотации, которая звучит следующим образом – некомсомольская история. Роспуск ВЛКСМ произойдет в 1991 г., через шесть лет от момента действия рассказа, с известной формулировкой «путь постепенного реформирования комсомола исчерпан».

Исследования в сфере ценностей читающей молодежи будут проведены через много лет после времени действия рассказа. Подробно об этом написано в статье Л. А. Авгуль «О чтении учащейся молодежи Беларуси». Социологическое исследование, посвященное сфере ценностей дает следующую картину (в данном случае на примере Беларуси) в порядке убывания: здоровье, семья, любовь, интересная работа, профессия, дружба, самореализация, душевный покой и комфорт; знание, познание мира, образование; дети и материально обеспеченная жизнь²⁰. У героев рассказа примерно за двадцать пять – тридцать лет до проведения исследования (2010–2012 гг., Центр исследований книжной культуры ФГБУ науки НИЦ «Наука» РАН) из этого перечня можно с уверенностью диагностировать только три – любовь, дружба и знание. Серьезное расхождение в системе ценностей героев рассказа и участников социологического опроса связано как с их разным социальным статусом, так и с изменившейся исторической ситуацией. Сопоставление достаточно условно, оно призвано показать в самых общих чертах аксиологическую проблематику в молодежной среде в историческом развитии от середины 1980-х гг. до 2010-х.

Рассказ «Волк и Хоббит» в течение конкурса получил большое количество рецензий и комментариев²¹. Примеры отзывов следующие: «Хочется прочесть длинную и скучную нотацію в адрес нерадивых родителей героини, куда они смотрят и где они вообще? На переднем плане другой герой, о котором рассказывает Александра, но ее собственная судьба внушает даже больше опасений, чем судьба несчастного парня. Да и второй мальчишка – его дальнейший путь тоже под вопросом» (Л. Безбах); «Давние советские времена, когда за книгами гонялись, когда редкие книги доставали с трудом, когда был расцвет подпольного печатного самиздата. Для современной молодежи это почти невероятная история» (Габдулганиева М.); «Первый выход во взрослую жизнь с сопутствующими проблемами и ошибками» (Михеев М. А.);

«Пронзительный ностальгический рассказ об ушедшей юности и первой любви, о стремительно меняющемся мире. Перестройка и пубертат – гремучая смесь, рождающая тексты, подобные представленному в конкурс «РП-22» (Сорока).

Потребность в изучении детства и юности в России выразилась в частности в создании Национальной академии ювенологии, которой в этом году исполняется двадцать пять лет. Это достаточное время для того, чтобы выяснить, что помимо привлечения к проблемам детства и юношества ученых разных специальностей требуется кардинальная смена теоретических догм и стереотипов в том числе и в способах взаимодействия с молодежью. Привычные коммуникационные стратегии и модели исследования не всегда отвечают поставленным задачам. Конструирование сюжета о книге в молодежной среде в конкретных исторических условиях может рассматриваться как вариант методологической установки на стыке культурологии и литературного творчества. В условиях, когда в процессе формирования новой парадигмы «возникают проблемы, неразрешимые в рамках старой парадигмы»²², эксперимент может помочь найти адекватные вызовам современности подходы к изучению становления личности, новые методы обучения и воспитания через творческий процесс, соавторство, стимулировать интерес к изучению отечественной истории, книжной культуре и аксиологической проблематике.

Приложение

Отрывок из рассказа «Волк и Хоббит»

Оказавшись на улице, я стала щуриться на солнце и усиленно сообщать, как мне отвязаться от Леньки надежно и без обид.

Следом за нами из церкви вышел Игнат. Я развернулась и как бы случайно легонько его толкнула. От неожиданности гитарист выронил из рук сумку. Из нее высыпались на асфальт книжки. Одна оказалась в апрельской луже.

– Зараза! – воскликнул Игнат.

Ленька насупил и сделал шаг в его сторону.

– Ленька, уйди, – мне стало неловко, я наклонила и выудила книжку из воды: «Двадцать тысяч лье под водой».

– О! Жюль Верн, – я отряхнула книжку и как смогла вытерла грязные капли платком. – Вроде не сильно промокла...

Повисла неловкая пауза.

Я повернулась к Леньке.

– А ты, что у нас читал в последнее время?

– «Мурзилку» и «Веселые картинки», сразу видно, – ответил за Леньку Игнат. – Гопником в самый раз.

Зря, конечно... Ленька начал краснеть.

– Это кто... Я? Э! Умный? Умный, да?!

– Да не debil, как некоторые.

Ленька замахнулся, но я схватила его за рукав.

– Леньчик, давай – не надо. Успокойся и... шел бы ты домой.

Ленька сплюнул.

– Мыши церковные, черви книжные!

Он стал совсем красный. Развернулся и зашагал прочь. Мне было нисколько не совестно. Даже наоборот – смешно.

– А что у тебя еще кроме Жюль Верна? – обратилась я к Игнату.

– Что еще? Если хочешь, пошли со мной – покажу, что еще и зачем.

Игнат повел меня к книжному магазину. Унылые облупившиеся двухэтажки улицы Советской всегда меня раздражали, а в тот день наоборот – веселили. Так на меня подействовали необычайные, ярко-ярко зеленые глаза Игната, которые я наконец-то разглядела. Загадочные. Такие глаза, может, были у Рахметова... И улыбка, хорошо помню с урока литературы: «легкая улыбка мрачного удовольствия».

Игнат выложил на витрину книги: подмокшего Жюль Верна, что-то Пикуля, «Графиню де Монсоро».

Продавщица брезгливо взяла Жюль Верна.

– А чегой-то он у тебя мокрый?

Игнат покосился на меня.

– Поклонница в лужу уронила. Да вытащила быстро, ничего ей не сделалось, высохнет.

– Ладно. Точно не из библиотеки спер? – недовольно продолжила продавщица.

– Точно! И вообще я такую лабуду не читаю.

– Лабуда! – фыркнула продавщица и достала из-под прилавка книжку в фиолетовой обложке: Герман Гессе «Избранное», – За Монсоро и Верна поменяю. Если «Подругу французского лейтенанта» принесешь, то за нее Фриша отдам. Эта «Подруга» про любовь, что-то очень оригинальное. А у нас ее не будет, со складов все в Ленинград уехало.

– Спасибо, мадам! Или мадмуазель? – Игнат ухмыльнулся и подмигнул продавщице, – Будет – принесу.

Он взял книжку, и мы вышли из магазина.

– Игнат, так ты спер Жюля Верна? – спросила я.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что ты очень странный тип, – я лукаво улыбнулась. – И глаза у тебя немного бешеные.

Игнат захохотал.

– Глаза? А что глаза? Вот нос у меня, точно как у Леннона.

Нос у него был прямой, а вот одно плечо заметно выше другого.

– Ты книги хотела посмотреть?

– А что на них смотреть? Пикуля я и так знаю, а это фиолетовое страшилище, на которое ты обменял шикарные вещи...

– Много ты понимаешь, школьница, – Игнат посмотрел мне прямо в глаза, – это Гессе! «Степной волк»! Для настоящих интеллектуалов, каких у вас в провинции не народилось еще.

– Не такая у нас и провинция, если ты такой интеллектуал, должен знать. До Ленинграда всего час на электричке, и нужную тебе книгу ты у нас нашел.

– У вас. Тут ты права. Прочитаю, а потом в Питере загоню ее задорого. В библиотеке такую не спереть.

– Значит – спер!

– Печати стер грамотно, не подкопается никто, – Игнат как-то нехорошо скривил тонкие губы и посмотрел на меня пристально. – Переживаешь, подруга?

– Нет, – отвечаю я, стряхнув с себя остатки настороженности, – не переживаю. Книжки должны читать те, кому они нужнее.

– Оф корс! Школьница, – Игнат неожиданно положил мне руку на плечо. – Похоже, нам с тобой по пути. Зовут-то тебя – как?

Примечания

¹ Tayafenix. Книги о книгах – 142 книги // LiveLib. URL: <https://www.livelib.ru/selection/2836-knigi-o-knigah/listview/biglist#books> (дата обращения 10.04.2022).

² Богдевич Е. Ч. Сюжет о книге как маркер времени: проблемно-тематический анализ / Е. Ч. Богдевич // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2018. 8. № 3. С. 30.

³ Григорьянц Е. И. Книга в культуре: проблемы функционирования книги и понимания книжного текста: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 17.00.08 / Е. И. Григорьянц. – СПб., 1993. С. 3.

⁴ Есть современные авторы, специализирующиеся на этой теме. В качестве примера можно привести работы А. Шаранина (Имбо Даун): повесть «Железная цепь со строгим ошейником» с подзаголовком – «беседы с участковым Егорушкиным о литературе» (Шаранин А. Железная Цепь Со Строгим Ошейником / А. Шаранин // Железная цепь со строгим ошейником. М.: Издатель Игорь Гамазин, 2010. С. 268–335), рассказ «НЛО (новое литературное обозрение)» (Имбо Даун и Шааранин. НЛО (новое лите-

ратурное обозрение). URL: http://gondolier.ru/153/153imbo_1.html (дата обращения 12.04.2022) и др.

⁵ См. например: Токарева Т. Н. Традиции романа воспитания в советской литературе / Т. Н. Токарева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 93–97.

⁶ Саганенко Н.-Е. Волк и Хоббит [Электронный ресурс] // samlib.ru. URL: http://samlib.ru/editors/s/saganenko_n_e/hobbit_volk.shtml (дата обращения 10.04.2022).

⁷ В данный момент рассказ снят с публикации, поскольку требует существенной доработки. В Приложении представлен небольшой отрывок.

⁸ Номинация: Обзоры, рецензии, отзывы [Электронный ресурс] // URL: http://samlib.ru/cgi-bin/konkurs?DIR=r/russkaja_t_3&AREA=7 (дата обращения 12.04.2022).

⁹ Немировский Е. Л. Мир книги. С древнейших времен до нач. XX в. / Всесоюз. добр. о-во любителей кн. Москва: Книга, 1986. С. 180–181.

¹⁰ О теоретико-методологических основаниях составляющих книжной культуры см.: Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы белорусско-российского научного семинара (Москва, 20 сентября 2017 г.) / сост. Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2017.

¹¹ Мелентьева Ю. П. Культура чтения как интегративный показатель качества чтения / Ю. П. Мелентьева // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы белорусско-российского научного семинара (Москва, 20 сентября 2017 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2017. С. 99.

¹² Иконникова С. Н. «Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству / С. Н. Иконникова // Вестник С-Петербур. гос. ин-та культуры. 2018. № 4 (37). С. 56–59.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Авгуль Л. А. О чтении учащейся молодежи Беларуси / Л. А. Авгуль // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы белорусско-российского научного семинара (Москва, 20 сентября 2017 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2017. С. 25.

¹⁷ Лютов С. Н. Устойчивость традиций книжности – важный фактор формирования культуры информационного общества / С. Н. Лютов // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: материалы белорусско-российского научного семинара (Москва, 20 сентября 2017 г.) / сост.: Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. Минск: Центральная научная библиотека НАН Беларуси; Москва: ФГБУ науки Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2017. С. 83–89.

¹⁸ Первые признаки формирования информационного общества относят к концу 1970-х – началу 1980-х гг. Россия в 1985 г. – время действия рассказа – еще не вступила на этот путь, но идеи такого рода уже носились в воздухе. (Окинавская хартия будет подписана на пятнадцать лет позднее, в июле 2000 г.

¹⁹ Авгуль Л. А. О чтении учащейся молодежи Беларуси. С. 29.

²⁰ Там же. С. 33–34.

²¹ Номинация: Обзоры, рецензии, отзывы [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/cgi-bin/konkurs?DIR=r/russkaja_t_3&AREA=7 (дата обращения 12.04.2022).

²² Григорьянц Е. И. Книга в культуре: проблемы функционирования книги и понимания книжного текста. С. 13.

РАЗДЕЛ 2
БИБЛИОТЕКА. БИБЛИОГРАФИЯ
SECTION 2
LIBRARY. BIBLIOGRAPHY

УДК 002.2(=161.1)"1738/1771":097

О. В. Крупцева

Барон Сергей Николаевич Строганов (1738–1771)
и его неизвестный суперэклибрис

В Томске, в составе книжного собрания графа Г. А. Строганова (1770–1857) выявлены книги его дяди, барона С. Н. Строганова. Выявление проводилось с опорой на оригинальный книжный знак, который не опубликован ни в одном специальном пособии. Всего в Томске зарегистрировано 315 томов (168 названий) книг с эклибрисом барона С. Н. Строганова. В настоящее время заканчивается работа по их описанию.

Ключевые слова: Томск, книги барона Сергея Николаевича Строганова, эклибрисы, личные библиотеки.

Olga V. Krupitseva

The Baron Sergey N. Stroganov and his unknown bookplate

In Tomsk, as a part of the book collection of Count G. A. Stroganov (1770–1857), the books of his uncle, Baron S. N. Stroganov, have been revealed. The identification was carried out based on the original bookplate, which is not published in any special guide. In total, 315 volumes (168 titles) of books with the ex-libris of Baron S. N. Stroganov are registered in Tomsk. Their description is currently being completed.

Keywords: Tomsk, G. A. Stroganov's book collection, the baron Sergey N. Stroganov's books, ex-libris, bookplates, personal libraries.

В Томске хранится книжное собрание Г. А. Строганова, которое вместе с другими книжными пожертвованиями составило первоначальное ядро фонда библиотеки Императорского Сибирского университета. Книги были получены в дар от его сыновей, графа Александра Григорьевича по согласованию с Сергеем Григорьевичем Строгановым. Григорий Александрович Строганов (1770–1857), барон, затем граф (с 26 августа 1826 г.), действительный тайный советник, полномочный представитель императора Александра I в Испании, Швеции, Порте Оттоманской остался в истории как смелый и бескомпромиссный защитник интересов Российского государства.

Ввиду особой ценности книжное собрание Г. А. Строганова с самого начала своего бытования в Томске хранилось как единое целое, без распыления по отделам, в качестве образца дореволюционной аристократической библиотеки. Основной массив этого книжного собрания составляет продукция западноевропейских книгоиздателей, преимущественно XVIII в. и первой половины XIX в. Русских книг – не более двухсот, изданных в первой половине XIX в. По первоначальным сведениям, книжное собрание насчитывало 7523 названия и 22 626 томов и оценивалось в сумму не менее трехсот тысяч рублей¹. В собрании представлены все виды изданий: книги, ноты, гравюры, газеты и журналы, а также небольшое число рукописей.

В исследовательской литературе, не говоря о представлении обывательском, отождествляются как одно целое два разных книжных собрания, а именно: собрание графа А. С. Строганова (1734–1811), знаменитого вельможи екатерининского века, президента Академии художеств, хранящееся в Санкт-Петербурге, и его двоюродного племянника Г. А. Строганова, хранящееся в Томске². Укоренилось также представление о том, что в Томске находится родовая библиотека Строгановых, что не соответствует действительности^{3,4}. Главным аргументом против тезиса о родовой библиотеке следует считать полное отсутствие старопечатных русских книг в составе книжного собрания Г. А. Строганова, которые якобы попали в Томск⁵. Библиотека Г. А. Строганова, поступившая в Томск, практически полностью иностранная, а точнее – франкоязычная, с небольшой долей книг на других европейских языках. Это подтверждается как содержанием владельческих рукописных каталогов, так и знакомством с коллекцией *de visu*.

Тем не менее, отвергая тезис о родовой библиотеке в силу его неубедительности, нужно отметить наличие в Томске книг некоторых родственников Г. А. Строганова. Речь идет о семье С. Н. Строганова, его дяди по отцовской линии. Каждый из членов этой семьи имел свой собственный оригинальный книжный знак. Выявление проводилось на основе этих книжных знаков, как опубликованных, так и неизвестных до настоящего времени, либо имеющих ложную атрибуцию, как в случае с экслибрисом барона Александра Сергеевича, полного тезки своего знаменитого дяди графа А. С. Строганова⁶. В Строгановском книжном собрании они занимают весьма скромное место. В сводном владельческом каталоге барона Александра Сергеевича Строганова (1771–1815), гофмаршала при дворе цесаревича, а затем императора Александра I Павловича, представлено 1378 названий книг трех Строгановых: барона С. Н. Строганова, его второй супруги баронессы На-

талы Михайловны, а также их сына барона Александра Сергеевича. Однако в Томске выявлено чуть более 400 названий, т. е. менее одной трети общего количества этой семейной библиотеки⁷.

Барон Сергей Николаевич Строганов, проживший короткую жизнь, не может встать в ряд со своими знаменитыми сородичами, которым посвящаются развернутые биографии во всех авторитетных справочниках. Второй сын Николая Григорьевича Строганова и его супруги Прасковьи Ивановны Бутурлиной родился в 16 апреля 1738 г., умер 27 августа 1771 г. пополудни в половине пятого часа, жил 33 года, 4 месяца 10 дней, похоронен на Лазаревском кладбище в Санкт-Петербурге⁸. Служил в лейб-гвардии Е. И. В. Конном полку в чине корнета, секунд-ротмистра и ротмистра. По утверждению племянника по материнской линии князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823), барон Сергей Николаевич Строганов скончался во время эпидемии чумы, свирепствовавшей в Москве летом 1771 года⁹.

11 ноября 1761 г. лейб-гвардии Конного полка Е. И. В. корнет Сергей Строганов вступил в брак с фрейлиной императрицы Елизаветы Петровны Прасковьей Григорьевной Бутаковой (23.10.1743 – 1763). Венчание состоялось в придворной церкви в присутствии императрицы Елизаветы Петровны и великого князя Петра Федоровича¹⁰. В первом браке С. Н. Строганов стал отцом двух девочек-близнецов, Прасковьи и Елизаветы, которые умерли вскоре после рождения, как и молодая баронесса Строганова¹¹. В феврале 1766 г. барон Сергей Николаевич сочетался вторым браком с княжной Натальей Михайловной Белосельской (1745–1819). В браке родились двое сыновей: Михаил и Александр. Старший сын Михаил умер во младенчестве. «Крестить изволила Е. И. В. императрица Екатерина Алексеевна с князем Николаем Михайловичем Голицыным, обер-гофмаршалом¹². Барон Александр, потеряв отца в двухмесячном возрасте, воспитывался матерью, которая пережила супруга без малого на пятьдесят лет.

Оформление книг С. Н. Строганова

Если оставить без внимания владельческие клеймы XVII в. в рукописных книгах Строгановых, можно с полным правом говорить о самом раннем книжном знаке представителей этого рода, выявленном на сегодняшний день.

Суперэкслибрис барона С. Н. Строганова остался вне поля зрения коллекционеров, что легко объясняется его характерными особенностями. Существование суперэкслибриса, выполненного методом тиснения по коже, возможно только в неразрывной связи с книгой, его нельзя позаимствовать в качестве предмета для коллекционирования,

не испортил переплет, что наблюдается в случае с печатными экслибрисами других членов семьи Строгановых. Внешне его легко принять за элемент декора, затерявшегося на корешках книг среди тюльпанов, маргариток, васильков, желудей, звездочек, птичек, столь характерных для оформления переплетов первой половины XVIII в. Он не опубликован ни в дореволюционных пособиях (В. А. Верещагиным, У. Иваском и др.), ни современными авторами (С. Г. Ивенским, С. И. Богомоловым), следовательно, неизвестен книговедам.

Суперэклибрис барона С. Н. Строганова представляет собой сочетание двух книжных знаков: вензелевого «BSS» [baron Sergei Stroganoff] и геральдического, в виде герба баронов Строгановых. В отличие от подобных книжных знаков, которые традиционно размещались на крышках переплетов, верхней и нижней, суперэклибрис оттиснут золотом на корешках книг. Вензель из латинских букв «BSS» занимает место ниже титула и номера тома, геральдическая часть экслибриса оттиснута в секции ниже вензеля. Экслибрис проставлялся штампами двух размеров: крупнее для кварты и мельче для изданий в двенадцатую долю листа. Другие форматы представлены единичными экземплярами.

Благодаря книжному знаку в Томске удалось выявить 315 томов (168 названий) книг барона С. Н. Строганова. Все книги оформлены в одном стиле: кожаный цельный переплет, чаще с мраморным окрашиванием под древесный узор, форзацы из мраморной бумаги, красный обрез, золотое тиснение на корешках. Хронологические рамки библиотеки С. Н. Строганова охватывают период с 1658 г. по 1759 г. (последний год представлен всего двумя экземплярами). Широкий временной охват позволяет сделать вывод, что книги либо являются подарком родителей, умерших в 1758 г., либо получены в результате раздела движимого имущества между детьми Николая Григорьевича Строганова. После смерти книгами барона Сергея Николаевича распорядилась супруга баронесса Наталья Михайловна совместно с сыном Александром. Некоторые книги мужа она дополнила своим собственным геральдическим экслибрисом. В 1814 г. был составлен рукописный каталог библиотеки барона А. С. Строганова, в котором нашли отражение как его собственные книги, так и книги родителей.

Нет точных сведений о том, где обучались дети Григория Николаевича Строганова, в том числе и его второй сын Сергей. На основании общей практики, принятой в пост-петровскую эпоху, все дворянские («шляхетские») дети должны были обучаться чтению, письму и арифметике. Согласно указу императрицы Анны Иоановны от 9 февраля

1737 г., молодому дворянскому недорослю в возрасте от семи до двенадцати лет надлежало обучиться чтению и четкому чистому письму на родном языке, с двенадцати до шестнадцати – арифметике и геометрии, а после шестнадцати – географии, фортификации и истории. Успешно прошедших обучение досрочно производили в офицеры и определяли в военную службу¹³. Если принять во внимание франкоязычный состав библиотеки С. Н. Строганова сверх указанных дисциплин, он также в достаточной мере овладел французским языком.

В тематическом отношении библиотека универсальна. География французских изданий (Амстердам, Гаага, Париж, Лондон) говорит о хорошо налаженных каналах поступления в Россию европейской литературы по актуальным вопросам. В языковом отношении библиотека С. Н. Строганова практически целиком состоит из книг на французском языке с небольшой долей языков немецкого и латинского. Больше всего книг специальных: военное дело (20), математика (5), французский язык (5), есть книги по медицине, светской и военной, естествознанию, философии и экономике. Игры и развлечения представлены самоучителем «Большой трик-трак» (Авиньон, 1756). Труды античных авторов (Аристотель, Ксенофонт, Тацит, Валерий Максим, Вегеций) разнообразны по тематике, но все они изданы в переводах на французский язык. Античная мифология раскрывается в тематическом альбоме под заглавием «Храм муз» (Амстердам, 1742), где сюжеты наиболее известных мифов Древней Греции и Рима представлены иллюстрациями в технике резцовой гравюры (гравер Бернар Пикар, 1673–1733) в сопровождении пояснительного текста. Владелец библиотеки был знаком с работами известных европейских писателей, философов, военачальников, таких как Джон Локк (John Lock, 1632–1704), Александр Поуп (Alexandre Pope, 1688–1744), Ричард Стил (Richard Steele, 1672–1729), Христиан Вольф (Chrétien Wolf, 1679–1754), которые также представлены не оригинальными изданиями, но в переводах на французский язык. В библиотеке есть одна из первых иностранных книг о Петре I: «Записки о царствовании Петра Великого, Российского императора, отца нации» (Амстердам, 1740), сочинение Жана Руссе де Мисси (1686–1762), опубликованное под вымышленным именем Iwan Nestesuranoi. Книга пользовалась большим успехом у российских читателей.

Среди произведений художественной литературы стоит отметить два «больших» романа знаменитого французского писателя аббата А. Ф. Прево (Prévost d'Exiles, 1697–1763): «Английский философ, или История господина Кливленда, побочного сына Кромвеля, написанная им самим» (Амстердам и Лейпциг, 1744) и «Настоятель Киллеринский»

(Амстердам, 1741). Нашумевшее сочинение английского писателя-сатирика, экономиста и философа Бернарда Мандевиля (1670–1733) «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» (Лондон, 1740) в XVIII в. было известно в России также во французском переводе. В переводе на русский язык сатира выйдет в свет только в первой четверти XX в.

Военное дело представлено широко и разносторонне. Военный опыт античности нашел свое обобщение в книге римского историка и теоретика Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела» (Амстердам, 1757). Начала фортификации и военные укрепления городов Европы С. Н. Строганов изучал по атласу королевского гравера и картографа Никола де Фера (1646–1720). На первое место среди военной литературы можно поставить книгу знаменитого французского инженера Бернара Фореста де Белидора (1698–1761), разработавшего теорию кривой полета бомб и впервые предложившего особые таблицы стрельбы, которые были опубликованы в книге «Французский бомбардир, или новый способ как цельно бросать бомб» (Амстердам, 1734). Первое издание «Французского бомбардира» вышло в Париже в 1731 г., а на русском языке в переводе Николая Хлопова она будет опубликована только в 1766 г. «Новый курс математический для артиллеристов и инженеров...» (Париж, 1725) того же автора использовалась во всех артиллерийских школах в качестве учебного пособия. На русский язык она будет переведена с немецкого языка и опубликована в 1766–1769 гг.¹⁴

Преобладание в библиотеке книг на французском языке указывает на широкое распространение этого европейского языка в России середины XVIII в. среди образованной части русского общества. Этот тезис подтверждается наличием в библиотеке первоклассных пособий для изучения французского языка: по французской орфографии, грамматике, чтению, а также фундаментального четырехтомного словаря французского языка (Гаага, 1727) Антуана Фюретьера (1619–1688), французского писателя и лексикографа XVII в. Дети барона Григория Николаевича Строганова, родившиеся в конце царствования императрицы Анны Иоанновны, но взрослевшие и получавшие воспитание и образование при императрице Елизавете Петровне, были в авангарде читателей, знакомившихся с французской художественной литературой по оригинальным текстам, задолго до их появления в переводе на русский язык.

Сергей Николаевич Строганов, скончавшийся в раннем возрасте, тем не менее, после оформления своей библиотеки прожил еще более десяти лет. Следовательно УДКно, в Томске находится лишь часть его книжного собрания, поскольку полностью отсутствуют книги 60-х гг. издания, а также нет ни одной книги на русском языке.

Примечания

¹ Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Доложен в торжественном собрании Университета 22 октября 1913 г. / сост. М. Ф. Попов Томск: Типо-литогр. Сибирского т-ва печатного дела, 1913. С. 16.

² Сомов В. А. О библиотеке графа А. С. Строганова / В. А. Сомов // Книга в России. Проблемы источниковедения и историографии: сб. науч. трудов / БАН. СПб., 1991. С. 100–106.

³ Библиотека графа Строганова в Томском университете // Русский библиофил: журнал историко-литературный и библиографический. 1914. № 2, февраль. СПб., 1914. С. 5;

⁴ Филимонов М. Р. Книжная сокровищница Сибири. К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета / М. Р. Филимонов. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Том. университета, 1988. С. 89.

⁵ Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках / А. А. Введенский. М.: Соцгиз, 1962. С. 52.

⁶ Верещагин В. А. Русский книжный знак / В. А. Верещагин. СПб., 1902. С. 3.

⁷ Catalogue des livres de la Bibliothèque de Monsieur le Baron Al. Strogonoff. Рукопись: на франц. языке. S. Pétersbourg, 1814. 44 л.

⁸ Романов Н. М., Вел. Князь. Петербургский некрополь / Н. М. Романов. Т. 4. С–Ф. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 184.

⁹ Долгоруков И. М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни / И. М. Долгоруков. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 26.

¹⁰ Камер-фурьерский церемониальный журнал на 1761 год. СПб., [187?]. С. 145–146.

¹¹ Masow J. A. Geschichte des hohen Geschlechts derer Stroganow, in einem Versuche und Abrisse entworfen und mitgetheilet von Johann August Masow / J. A. Masow. Рукопись: на нем. яз. SPb., 1769. Л. 122.

¹² Дневник Белосельских-Строгановых. // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. XIV. М.: Российский архив, 2005. С. 74. (Новая серия).

¹³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. (1649–1825). – Т. X. 1737–1739. № 7171. СПб., 1830. С. 43–45.

¹⁴ Военная энциклопедия. / под ред. В. Ф. Новицкого. СПб, 1911. Т. 4. С. 448–449; Баренбаум Е. И. Французская переводная книга в России в 18 веке / Е. И. Баренбаум. М.: Наука, 2006. 439 с. С. 331.

Н. А. Гринченко

**«Библиотеке ничего печатное не чуждо».
Участие почетных корреспондентов Императорской
Публичной библиотеки в формировании ее фондов**

Во второй половине XIX в. пополнению фондов Императорской Публичной библиотеки способствовала деятельность ее почетных членов, комиссионеров, корреспондентов. Последние (Г. Н. Геннади, А. П. Голицын, И. Е. Бецкой) назначались из числа библиофилов, библиотекарей, книгопродавцев. Они дарили книги и делали покупки для Библиотеки, устанавливали связи с книготорговцами и коллекционерами, оказывали содействие в приобретении изданий и книжных собраний, занимались распространением изданий Библиотеки.

Ключевые слова: Императорская Публичная библиотека, Российская национальная библиотека, Г. Н. Геннади, А. П. Голицын, И. Е. Бецкой, почетный корреспондент, почетный член, книготорговые каталоги.

Natalia A. Grinchenko

**«Nothing in print is alien to the library».
Participation of honorary correspondents of the Imperial
Public Library in the formation of its collections**

In the second half of the XIX century replenishment of the funds of the Imperial Public Library was facilitated by the activities of its honorary members, commissioners, and correspondents. The latter (G. N. Gennadi, A. P. Golitsyn, I. E. Betskoy) were appointed from among the bibliophiles, librarians, booksellers. They donated books and made purchases for the Library, established contacts with booksellers and collectors, assisted in the acquisition of certain publications and book collections, and distributed the Library's publications.

Keywords: Imperial Public Library, National Library of Russia, G. N. Gennadi, A. P. Golitsyn, I. E. Betskoy, honorary correspondent, honorary member, bookselling catalogues.

Созданный в 1850-е гг. институт почетных членов, почетных корреспондентов и почетных комиссионеров Императорской Публичной библиотеки во многом содействовал пополнению ее фондов¹. Почетные члены утверждались министром Императорского двора (позднее – министром народного просвещения), корреспонденты и комиссионеры назначались директором.

Почетными членами и почетными корреспондентами становились люди различных сфер деятельности и различной сословной принадлежности. Перечни подаренного ими Библиотеке публиковались в

приложениях к ежегодным отчетам. Список почетных членов и корреспондентов напечатан в первом томе биографического справочника «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры»².

Почетными членами становились лица, принесшие в дар особо ценные рукописи и книги³; комиссионерами – российские и европейские книготорговцы, выполнявшие поручения Библиотеки по приобретению для нее старинных и новейших изданий. Почетные корреспонденты назначались из числа известных собирателей, библиотекарей и книгопродавцев. Они дарили книги и делали покупки для Библиотеки, оказывали финансовую поддержку, устанавливали связи с книготорговцами и коллекционерами, оказывали содействие в приобретении тех или иных изданий и книжных собраний, занимались распространением изданий Библиотеки. Видимо, это звание было введено для того, чтобы отметить лиц, передавших Библиотеке более скромные дары, чем почетные члены. Вместе с тем, некоторые корреспонденты осуществляли покупки для Библиотеки на свои средства, но не в таком объеме, как это делали комиссионеры.

Назначение почетных членов происходило до 1918 г., институт почетных корреспондентов прекратил свое существование в 1890-е гг.

Обзор деятельности почетных корреспондентов Библиотеки во второй половине 1850 – начале 1880-х гг. и их вклада в пополнение ее фондов основан на материалах Отдела архивных документов РНБ: письмах книгопродавца Павла Петровича Должикова из Киева, переводчика и литератора Августина Петровича Голицына из Парижа, собирателя Ивана Егоровича Бецкого из Франции и Италии и некоторых других менее известных лиц. О поиске книг для Библиотеки в Италии свидетельствует и письмо Н. Г. Геннади 1857 г., адресованное Корфу⁴.

Лица, ставшие впоследствии почетными корреспондентами Библиотеки, приобретали для нее издания часто за границей, а затраченные ими суммы и за покупку, и за пересылку возвращались. Покупки производились на основании списков дезидерат, предоставленных Библиотекой. С конца 1860-х гг. Библиотека установила контакты со многими петербургскими, московскими и европейскими⁵ книготорговцами. Среди них был и киевский книгопродавец Павел Петрович Должиков, который на протяжении нескольких десятилетий направлял списки своего книготоргового ассортимента в Библиотеку (к началу 1880-х гг. их было свыше 350), предлагал рукописи и старопечатные книги, издания на европейских и восточных языках⁶. Число предложенного им превышало тысячу экземпляров. Сотрудники Библиотеки сверяли списки

с фондами, проводили оценку. Видимо, покупка производилась редко (иногда один раз в год, как в 1879 г.) и на небольшие суммы (в среднем на несколько десятков рублей), так как многое из предложенного уже имелось, а рукописи отвергались на основании отзыва А. Ф. Бычкова «по незначительности и малоинтересности их содержания»⁷. Часто не имея заказов, Должиков просил дирекцию Библиотеки не оставить его «своими требованиями», поскольку запас книг в принадлежавших ему магазине и библиотеке был огромен: он достигал нескольких тысяч экземпляров.

В мае 1883 г. Должиков стал почетным корреспондентом Библиотеки. Тогда, чтобы оправдать это «лестное» для него назначение, он предпринял «поездку по разным городам отечества нашего, в том числе в Москву, Ростов, Ярославль и другие с целью приобретения книг, брошюр и в чаянии найти что-либо редкое в библиографическом отношении, быть может, необходимое Библиотеке»⁸. Им были отправлены в Санкт-Петербург найденные в Ярославле «у тамошней учительницы, занимающейся продажей старинных книг, солдатки вдовы Анны Агаповны Киселевой»⁹ рукописная азбука времен Петра Великого, теологические издания, гравированные рисунки.

Широкомасштабные поиски необходимых Библиотеке изданий развернулись и в Европе, особенно активно – начиная с 1850-х гг., когда в эту работу включились многие библиотекари, библиофилы, книгопродавцы. Разнообразные услуги оказывал Библиотеке А. П. Голицын. Получив от М. А. Корфа списки дезидерат, (относившихся, главным образом, к отделению «Россика»), он разыскивал их во Франции и приобретал для Библиотеки. «Я надеюсь снабдить Вас большим числом Ваших дезидерат, но для этого необходима удача и возможность не упустить ни одну распродажу: я займусь этим моим сердцем и моими глазами»¹⁰, – писал Голицын в марте 1859 г. Корфу, отправив посылку с книгами через главного заграничного комиссионера Библиотеки Иосифа Бера во Франкфурте-на-Майне. «Это третья моя посылка, – продолжал Голицын. – Всего Вы мне должны 50 р., помимо 200 франков: пришлите мне их через банкира или через Тешнера, когда у Вас будет возможность, и затрудняя минимум людей»¹¹. Издания, полученные через Голицына, были Библиотекой оплачены¹²; некоторые книги пешли в дар.

По рекомендации Голицына в парижских периодических изданиях публиковались статьи сотрудников Библиотеки и отклики на них во французской прессе. В феврале 1859 г. он писал: «Я надеюсь также, что „Revue des deux mondes“ не замедлит напечатать несколько строк

о Переписке Lavater»¹³. В марте того же года Голицын отправил в Библиотеку несколько оттисков «великолепной статьи Минцлова „Eine alte Bücherei“»¹⁴. Голицын сообщал также в Санкт-Петербург о том, что профессор персидского языка Сорбонны К. Шеффер¹⁵ в одном из парижских периодических изданий разместил сведения о «великолепном» каталоге восточных рукописей Библиотеки¹⁶. Национальная библиотека в Париже была заинтересована в получении каталога греческих рукописей, составленном Э. Г. Муральтом¹⁷. Парижские ученые, ознакомленные через Голицына с изданиями Библиотеки, предлагали переслать их во Францию с тем, чтобы труды российских исследователей получили в Европе известность, которую они заслуживали.

С середины 1860-х гг. Библиотека обязана значительными поступлениями И. Е. Бецкому, к которому дирекция обратилась по рекомендации М. П. Погодина. В Отделе архивных документов РНБ хранится большая подборка писем Бецкого за 1866–1868 гг.¹⁸, адресованных И. Д. Делянову. В них подробно описаны предпринятые коллекционером действия по поиску, сбору, приобретению и доставке в Россию разнообразной печатной продукции из Франции и Италии.

В апреле 1866 г. Бецкому был послан список дезидерат. В июле этого года он направил в Россию посылку с книгами, брошюрами, издательскими и книготорговыми каталогами – «микроскопические лепты на полки Императорской Публичной Санкт-Петербургской Библиотеки или занимающимся составлением „Desiderata“»¹⁹. Бецкой отчитывался о «приискании сочинений на итальянском языке»: едва ли, кто-либо из книгопродавцев, утверждал Бецкой, имел их в продаже: «разве по случаю или на распродажах частных библиотек»²⁰. Поиски были продолжены в Париже, для этого Бецкой посетил «главные складочные места старопечатных книг, в продаже находящихся»²¹. В сентябре 1866 г. он писал Делянову: «Итак, во-первых „о дезидератах“. Познакомившись поближе с господами промышленниками книжных редкостей, с их приемами, обещаниями, ценами и пр. и пр., я удостоверился в том, что в отношении к дезидератам, присланным ко мне в одном экземпляре во Флоренцию, я быть Вам полезным не могу. И по той ясной причине, что *höchsten Preise zu zahlen* [требование заплатить самую высокую цену (нем.)] для тех господ замашка такого рода, что чуть забежит зверь на их или на соседнее поле, буде он числится в числе дезидератов Императорской Публичной Библиотеки, то в ту же минуту господа закинут на него аркан с ярлычком: в С.-Петербург. Поверьте, что здесь не нужно путеводителей, [торговец] чуть ли не сам найдет к Вам дорогу. Господин Тросс, узнавши фамилию директора,

сейчас запишет оную и при первом попавшемся ему в руки дезидерате уведомит Вас лично, как он делал при предшественнике Вашего Превосходительства. Так было и с книжцею о Лжедимитрии. Тросс знал, что она находится в числе Санкт-Петербургских дезидерат и метил на оную, но она по его уверению досталась Августину Голицыну (здесь и далее выделено в оригинале. – Н. Г.) (на аукционе), и Лабитт приобрел ее по комиссии сего последнего. Вот Вам le canon de la partie [схема сделки (фр.)]. К сему считаю нужным присовокупить, что гг. библиотекари ухитрились поставить такие издания, которых, кажется, нет не только во Флоренции или в Париже, но даже и в целом мире, коммерческом, разумеется»²².

В 1866 г. И. Е. Бецкой был избран почетным корреспондентом Библиотеки «за исполнение разных библиографических поручений Библиотеки по отысканию и приобретению книг и за сообщение любопытных сведений об устройстве библиотек в Италии»²³, в 1869 г. – почетным членом, в 1870 г. – награжден орденом Св. Владимира 4 степени. В течение многих лет он «обогащал отечественное книгохранилище как редкими произведениями старинной печати, так и целыми довольно значительными собраниями сочинений по некоторым отраслям знаний»²⁴. Бецкой принес в дар Библиотеке коллекцию книг, гравюр и фотографических снимков, относящихся к Флоренции и к истории изящных искусств в Италии, известную под названием «Флорентийская елка»²⁵. Помимо этого, в продолжение 19 лет он «с необыкновенным рвением исполнял все поручения Библиотеки по приобретению в Италии нужных ей книг и по собиранию разных библиографических сведений, для чего необходимо было иногда совершать поездки»²⁶.

Придерживаясь мнения, что Библиотеке «ничего печатное не чуждо»²⁷ Бецкой обращал внимание на издания, вышедшие в провинции, а также очень активно занимался поиском издательских и книготорговых каталогов, полагая, что они являются важным источником пополнения фондов. В одном из писем, отправленном летом 1866 г. в Библиотеку вместе с партией издательских и книготорговых каталогов, Бецкой писал: «Может быть, в присланных мною, кажется, интересных каталогах, найдутся сочинения еще неизвестные С[анкт]-П[етербургской] Публ[ичной] Библиотеке и достойные приобретения, в таком случае буду весьма доволен тем, что указал на книгопродавцев и издателей, у которых оные находятся и от которых С[анкт]-П[етербургская] П[убличная] Биб[лиотека], имея их адрес и зная цену книгам, всегда может оные выписать даже и без моего посредства»²⁸.

Для сбора сведений о книгопродавцах Бецкой имел, по его словам, терпение «ходить по книжным лавкам, отбирать каталоги в надежде, что, может быть, такой-то Libraire-Éditeur [книгопродавец-издатель (фр.)] не известен библиофилам с[анкт]-п[етербург]ским, как, может быть, не известен и самим Беллизарам и Исаковым²⁹ и им подобным»³⁰. Преимущественно он обращался «к провинциальным изданиям, кои, хоть мало известны, но тем не менее очень важны, comme couleur locale [как местный колорит (фр.)]»³¹.

1 ноября 1868 г. Бецкой сообщал из Парижа о покупках, сделанных в течение октября: «Сочинения, написанные на греческом, русском, португальском, испанском, немецком, санскритском, турецком, персидском, арабском и латинском языках и изданных в Риожанейро, Лиссабоне, Афинах, Алжире, Клермоне Ферране, Арле, Лионе, Эксе, Ренне, Берлине, Цюрихе, Бадене, Риме и С.-Петрбурге, не говоря уже о сочинениях, писанных на французском языке и изданных в Париже. Почти безошибочно могу утверждать, что большинство сих сочинений вовсе не известны в С.-Петербурге и привезены на продажу в Россию не были тамошними книгопродавцами, не имеющими выгоды в выписывании подобного рода книг. Если оные не в равной степени занимательны по содержанию, то по крайней мере достойны внимания или по редкости их, или по новизне как *pièces de circonstances, contemporaines et tirées à un nombre limité d'exemplaires* [издания по случаю, современные и вышедшие в ограниченном числе экземпляров (фр.)]. Одним словом, они имеют относительный ученый интерес. А сочинения гораздо более ценные и занимающие высшие места в современной науке, я оставил по причине их общей известности, по дороговизне их и потому, что, будучи напечатаны в большом количестве экземпляров, их тотчас же присылают во все столицы европейских и других образованных государств. Я уже имел честь объяснять мое желание знакомить Вас с провинциальными изданиями на том основании, что и в главных провинциальных городах есть и ученые общества, и издания их трудов <...>»³².

Бецкой отбирал те книги, которые «быть в Петербурге ни в Библиотеке, ни у Исакова или Dufour не могут, *les primeurs les plus intéressants pour les gens de sciences* [наиболее интересные новинки для ученых (фр.)] – ограничивал себя, натурально, средствами»³³. Значительную часть из отправленного для Библиотеки в ноябре 1866 г. Бецкой просил «принять в дар от своего корреспондента». «Главную услугу здесь, – продолжал коллекционер, – я считаю в собрании каталогов <...> Я сам лично являлся к каждому книгопродавцу и покупал то, что ему угодно было дать мне, т. е. те каталоги, которые он имел у себя. Часто слу-

чалось, что мне отвечали „eupuisé! – on eu imprimé un nouveau“ [нет в продаже – напечатан новый каталог (фр.)], иногда я покупал при том книг на скромную сумму, иногда отделялся одним поклоном. Одним словом, Вы получаете каталогов числом до 200 (это *Libraires-Éditeurs*, а собственно книгопродавцев в Париже до 800). При сем прилагаю окончание *Catalogus Catalogorum* [каталог каталогов (лат.)] и прошу Ваше Превосходительство не оставить меня рассмотрением сего листа»³⁴.

Вопрос об оплате или получении Библиотекой книг в дар мог вызвать следующие рассуждения Бецкого: «Как теперь ему, Бецкому, требовать денег за весь этот хлам <...> И как ей, Библиотеке, платить, когда она в предыдущем письме благодарила за книги, присланные ей в дар? Что за комиссия создатель, прослыть без денег – богачом. И быть корреспондентом, когда о том и в ум не приходило, дарить, когда Библиотека в Европе слывет богатейшею, писать, когда читать писанное нет времени директору, а другому нет охоты; покупать, когда денег мало, и оставлять здание недостроенным на том только основании, что им вовсе никто не займется, и что приходится любоваться своим собранием каталогов современной книжной производительности и торговли разве только самому себе. О Сервантес!»³⁵.

Бецкой часто сетовал на редкие ответы из Библиотеки, на недостаточное внимание к его деятельности, иногда звучала обида. В отчете за 1867 г. отмечалось, что от Бецкого было получено 50 экз. в дар, на самом деле, по его словам, им было отправлено в С.-Петербург более 200 каталогов. Далее он подробно описал, как осуществлялись их поиск и покупка: «Да известно ли <...>, что 200 каталогов собрать от 200 книгопродавцев в 200 оконечностях Парижа, за Сеной, в захолустье, только, что не в деревне – в Саратове?! – не безделица! <...> Что обыкновенному комиссионеру заплатить бы нужно было à un franc par course [один франк по курсу (фр.)] до 200 франков, чтоб только промаршировать ко всем сим книгопродавцам (*Libraires-éditeurs*); что все сии курсы-проходки я сделал сам <...>; что, говорю, я пешком ходил к каждому из 200 книгопродавцев – кланялся, унижался, деньги тратил, покупал часто такую дрянью дешевую, что в ином случае и в руки не взял бы, лишь бы иметь каталог, – дворнику, его собаке кланялся, лишь бы найти иного *Libraire-éditeur*, на заднем дворе где-то забившегося и спросить: „Votre catalogue, s’il vous plait“ [Ваш каталог, пожалуйста (фр.)], что, наконец, меня прозвали в околотках *Quatier Latin* [Латинский квартал (фр.)] „l’homme aux catalogues“ [человек-каталог (фр.)], что возвращался домой измученным, разоренным, упившимся восторгом приобретенного 211-го каталога. И об этом подвиге, чрезвычайном, неверо-

ятном, почти сверхъестественном для одного человека, обнимавшем все отрасли науки, искусства, промышленности, – в отчете ни слова!³⁶.

Время от времени в письмах Бецкого звучит опасение, как бы его хлопоты не были приняты в С.-Петербурге как «Донкихотство по печатному делу»³⁷, поскольку он обращал свое внимание преимущественно на малоизвестные, возможно, малозначимые издания. По его предположению, отправленные им в Россию издания могли заинтересовать не только Императорскую Публичную библиотеку, но и другие петербургские книгохранилища: «Все, что только было в печи, то на полку мечи, сказал я себе, и желал, по возможности, сообщить Вам живые сведения о том крае на краю Франции, куда забросила меня судьба (в самом плохом состоянии здоровья). Заинтересовали ли Вас <...> moi Types Purenéens [образы Перенеев (фр.)], Цветы, Flore, Грамматики – не знаю! Думаю однако, что Flore могла бы быть полезна для кафедры ботаники в Им[ператорском] С[анкт]-П[етербургском] университете, что Herbarий [гербарий (фр.)], подаренный мне Гастроном и который вчера отправился на пароходе из Дюнкерка в Петербург и вскоре будет доставлен к Вашему Превосходительству на квартиру, может заинтересовать любителей ботанических специальностей, что Грамматики бакского языка, буде не находятся в Библиотеке Им[ператорской] Академии наук, могут там заслужить права гражданства. Если все это мечты, Донкихотство, то прошу меня извинить, что напрасно побеспокоил Вас своими посылками»³⁸.

Книги, поступившие в Библиотеку от почетных корреспондентов, обогатили ее фонды, а ряд изданий (в их числе издательские и книготорговые каталоги, подаренные Бецким) стали во второй половине XIX в. одним из источников ее комплектования. Эти печатные материалы важны для историков российского национального книгохранилища, особенно, когда необходимо уточнить подробности поступления тех или иных изданий. Именно тогда и сбывается пророчество Бецкого, который в 1868 г. писал: «А пройдет 500 лет даже и каталоги Bellagambi³⁹ станут величайшею редкостью. Да что говорить о Bellagambi, даже и реестр отправленных почетным корреспондентом брошюр, писанный его рукой, чрез 500 лет, сделается древностью и будет в почете потомков Вальтера⁴⁰ <...>»⁴¹.

Примечания

¹ См. подробнее: Леликова Н. К. Почетные члены и почетные корреспонденты Императорской Публичной библиотеки / Н. К. Леликова // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь: сб. ст. СПб., 1998. С. 29–40; Гринченко Н. А. Участие книготорговцев-комиссионеров в комплектовании Императорской Публичной библиотеки /

Н. А. Гринченко // Книга: исслед. и материалы. М., 2016. Сб. 3/4 (108/109). С. 74–88; Зверева И. С. «Желая содействовать по мере способов моих ...» / И. С. Зверева // Библиофильды России: альманах. М., 2017. Вып. 13. С. 49–81.

² Почетные члены и почетные корреспонденты Публичной библиотеки (1850–1917) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. С. 628–644. О цели назначения почетных членов Корф писал В. Ф. Одоевскому: «Библиотека не суть прямое ученое сословие и почетные наши члены назначаются не столько для их, сколько для нашей прибыли – предмет, на который надобно, но вместе очень трудно и щекотливо намекнуть» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 380. Д. 297. Л. 72).

³ В 1850 г. М. А. Корф, сообщая А. С. Норову о проведении в Библиотеке аукционов и об участии в их организации и оценке изданий петербургских книгопродавцев – комиссионеров Библиотеки И. Гауэра и Э. В. Гетца (преемника В. Греффа), кратко и емко определил назначение почетных членов Библиотеки и ее самой для отечественной культуры: «Обращаюсь теперь с просьбой за Вашим советом и наставлением, разумеется, беспристрастным, не как покупателя, а как опытного и ученого библиографа, как русского человека, которому дороги отечественные интересы вообще, как почетного нашего члена, которому не чужды маленькие интересы Библиотеки в особенности и, наконец, как призванного в главу нашего просвещения, мощным двигателем которого опять-таки может быть наша Библиотека, особенно если увеличатся материальные ее средства» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 18. Д. 41. Л. 8).

⁴ См.: Участие Г. Н. Геннади в комплектовании коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки / публ., автор вступ. и примеч. Н. А. Гринченко // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. СПб., 2021. Вып. 14. С. 215–224.

⁵ М. А. Корф писал в отчете министру Императорского Двора о совершенной им в октябре 1856 г. поездке за границу, предпринятой с целью ознакомления с европейскими библиотеками и налаживанию контактов с учеными, библиографами, библиофилами, книгопродавцами для пополнения фондов Библиотеки: «Следя везде за ходом современной науки и литературы, я установил и упрочил надежные связи со всеми виднейшими книжными торговлями за границей. Сии отношения принесли Библиотеке положительные выгоды и сверх того обеспечили удобства и для будущего ее обогащения. Обходя иногда от утра до вечера все книжные склады, я успел купить для нее по сравнительно очень дешевым ценам многие тысячи сочинений замечательных редкостью, изяществом или общепольностью» (Отдел архивных документов (ОАД) РНБ. Ф. 1. Оп.1-1849. Д. 23. Л. 89).

⁶ ОАД РНБ. Ф.1. Оп. 1а-1876. Д. 10. Л. 41-42об., Оп. 1а-1877. Д. 6. Л. 43, 47, Оп. 1а-1879. Д. 6. Л. 1-5; Оп. 1а-1880. Д. 6. Л. 6, 43; Оп. 1а-1881. Д. 2. Л. 10-13, 31; Оп. 1а-1882. Д. 4. Л. 11-14; Оп. 1а-1883. Д. 2. Л. 11.

⁷ Там же. Оп.1-1881. Д. 2. Л. 17.

⁸ Там же. Оп. 1а-1883. Д. 2. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 11.

¹⁰ Там же. Оп.1-1858. Д. 4. Л. 125.

¹¹ Там же. 125 об.

¹² Там же. Оп. 1-1862. Д.2. Л. 58; Оп. 1-1863. Д. 38. Л. 34–35.

¹³ Там же. Оп. 1-1858. Д. 4. Л. 118. Речь идет об издании: Johann Kaspar Lafater's Briefe an die Kaiserin Maria Feodorovna, Gemahlin Kaiser Paul I von Russland, über den Zustand der Seele nach dem Tode: Ein Beitrag zur deutschen Literatur aus Russland, der Universität Jena bei Gelegenheit ihres 300jährigen Stiftungsfestes übersandt von der St.Petersburger Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek. SPb., 1858 (перевод на франц. яз. напечатан в Париже в 1868 г.).

¹⁴ Minzlof R. Eine alte Bùcherei / R. Minzlof // SPb. Zeitung. 1858. № 70. 2 Apr. S. 277. То же: [Отд. отт.]. SPb., 1858. То же: [На рус. яз.]: Книжная келья XV века: (Сон наяву) // Библиогр. зап. 1858. № 5. Стб. 141–144. То же: [На фр. яз.]: Description d'une sale de la Bibliothèque Impériale publique de Saint-Pétersbourg // Bulletin de bouquiniste. 1859. № 53. 1 mars. P. 115–117. Упомянут сотрудник Библиотеки Р. И. Минцлов, возглавлявший отделения философии, педагогики, а также инкунабулов, альдов и эльзевиров. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки ... С. 361–363; Гринченко Н. А. Рудольф Минцлов – историк Императорской Публичной библиотеки / Н. А. Гринченко // Федоровские чтения – 2005. М., 2005. С. 636–644.

¹⁵ Шеффер К. (1820-1898) – востоковед, историк, филолог, возглавлял Институт восточных языков и культур Франции.

¹⁶ Речь идет о каталоге, составленном сотрудником Библиотеки Б. А. Дорном, возглавлявшем Восточное отделение: Dorn B. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale publique de St.-Pétersbourg. SPb., 1852. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки ... С. 193–197.

¹⁷ Упоминается каталог, составленный Э. Г. фон Муральтом – сотрудником Отделения богословия: Muralt Ed. von. Catalogus codicum Bibliothecae Imp. Publicae graecorum. (SPb., 1840; переиздания каталога на французском языке относятся к 1846 и 1864 гг.). См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки ... С. 366–368.

¹⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1–1866. Д. 68.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 10 об.

²² Там же. Л. 28. Упомянуто издание: Barrezzo-Barezzi. Relazione della segnalata et come miracolosa conquistadel paterno imperio conseguita dal Demetrio gran Duca di Moscovia, l'anno 1605. Firenze, 1606. Названы парижские книгопродавцы А. Лабитт и Э. Тросс.

²³ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1866 год. СПб., 1867. С. 5.

²⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 58. Л. 8.

²⁵ Сборники, входящие в коллекцию, посвящены М. П. Погодину и И. Д. Делянову. См.: «Флорентийская елка», дар Императорской Публичной библиотеке почетного члена ее И. И. Бецкого // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 1–10 (Прилож. 5-я паг.); То же ... за 1886 год. СПб., 1888. С. 1–32 (Прилож. 3-я паг.); То же ... за 1888 год. СПб., 1891. С. 79–110 (Прилож. 4-я паг.); Хоментовская А. И. «Флорентийская елка» И. Е. Бецкого // Хождение во Флоренцию: Флоренция и флорентийцы в русской культуре: Из века XIX в век XXI. М., 2003. С. 354–367. См. также: Якобсон Я. Х. «Флорентийская елка И. Е. Бецкого (к истории и составу фондов Государственной Публичной библиотеки)» (машинопись. Хранится в Иностранном фонде Отдела фондов и обслуживания РНБ).

²⁶ 25 ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1870. Д. 58. Л. 8.

²⁷ Там же. Оп. 1-1866. Д. 68. Л. 174 об.

²⁸ Названы петербургские книгопродавцы Ф. Беллизар (его преемником стал в 1852 г. С. Дюфур (Dufour)) и Я. А. Исаков.

²⁹ Там же. Л. 11 об. На этом письме, видимо, рукой Делянова записано: «Не сделать ли его корреспондентом нашей библиотеки?».

³⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1866. Д. 68. Л. 34.

³¹ Там же. Л. 34.

³² Там же. Л. 238 об. – 239.

³³ Там же. Л. 99.

³⁴ Там же. Л. 106.

³⁵ Там же. Л. 96.

³⁶ Там же. Л. 248 об. – 249.

³⁷ Там же. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 32.

³⁹ Назван итальянский издатель и книгопродавец В. Беллагамби.

⁴⁰ Ф. А. Вальтер – сотрудник Библиотеки в 1848–1885 гг., возглавлял Отделение полиграфии. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки ... С. 128–129.

⁴¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1-1866. Д. 68. Л. 175.

С. Е. Волоскова

**Книги Коммунистического института журналистики в фонде
фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена**

Библиотека Коммунистического института журналистики им. В. В. Воровского (1930–1941) еще не была изучена, хотя данная тема представляет культурологический интерес. Благодаря книжным штампам иногда удается отследить историю бытования экземпляра и определить, откуда книга попала в фонд института. Это может оказаться ценным в тех случаях, когда владельцами книг были известные деятели культуры и науки.

Ключевые слова: библиотека, фонд, институт журналистики, история библиотек, история книги.

Snezhana. E. Voloskova

**Books of the library of the Communist Institute of Journalism in the
Fund of the Fundamental Library of the Herzen State Pedagogical
University of Russia**

The library of the Communist Institute of Journalism named after V. V. Vorovsky (1930–1941) has not yet been included in the circle of scientific research. The study of this book collection is interesting from a library and cultural point of view. Book stamps sometimes tell about the history of the existence of the book and about where the book came from in the institute's fund. This is important when the owners of books were famous figures of culture and science.

Keywords: library, fund, institute of journalism, library history, books history.

Библиотеки университетов зачастую отражают историю эпохи, хранят свидетельства слияния и распыления различных книжных коллекций. Книжные знаки прежних владельцев иногда сохранялись, позволяя проследить историю бытования книг.

Фонд фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена позволяет отчасти осветить историю библиотеки Коммунистического института журналистики им. В. В. Воровского (КИЖ). С началом Великой Отечественной войны институт был закрыт, а его библиотека передана ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Истории Института журналистики (1930–1941) посвящено не так много исследований¹, а библиотека этого вуза пока, по-видимому, не попала в поле зрения ученых. Вместе с тем изучение книжного фонда вуза, готовившего журналистские кадры страны, представляет интерес, как с библиотечковедческой, так и с культурологической точки зрения.

Историки считают, что «именно вузовские библиотеки первыми приняли на себя просветительскую функцию, подчиненную государственной идеологии»². В этой связи отбор книг в библиотеку идеологического вуза интересен вдвойне.

История этого собрания затрагивает деятельность Государственного книжного фонда, занимавшегося «в период между двумя мировыми войнами отчуждением и перераспределением личных, частных, коллективных, общественных и учрежденческих библиотек и архивов»³. Отсутствие продуманных планов распределения книжных богатств, сложности революционного времени пагубно сказались на сохранности книг: «насилованное и хаотичное администрирование в библиотечной и архивной сферах привело к тому, что многие библиотеки и архивы оказались разорены и рассеяны»⁴.

Для истории культуры важной задачей является «изучение состава и истории хотя бы наиболее значительных книжных и архивных собраний, рассеянных и погибших в результате деятельности ГКФ и связанных с ним организаций»⁵. Причастность ГКФ к формированию библиотеки КИЖа подтверждается наличием на некоторых книгах штампа ГКФ или Резервного фонда Публичной библиотеки.

Как известно, в 1936 г. «ГКФ стал структурным подразделением РНБ; сначала он был „самостоятельной единицей“, с января 1937 г. – „филиалом“ и „резервным фондом“, с марта 1940 г. – „обменным фондом“, регулярным „подотделом“ Отдела комплектования»⁶.

Фонд фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена позволяет ответить на некоторые вопросы о библиотеке КИЖа. Перевезенная во время блокады в пединститут библиотека КИЖа была разобрана и слита с основным фондом далеко не сразу, а каталоги и инвентари этой библиотеки не сохранились. Основная часть книг внесена в инвентари пединститута в 1950-е гг., однако некоторые экземпляры – позднее: в 1963 г., и даже в 1985 г. В инвентарях источник поступления не указывался, поэтому все книги со штампом библиотеки КИЖа являются *in visu* при проверке фонда, книговыдаче или организации выставок, а в электронном каталоге, доступном пользователям, отмечается принадлежность книги к библиотеке КИЖа.

В настоящий момент из перевезенного сотысячного фонда журналистского вуза выявлено около двухсот книг. На книгах библиотеки КИЖа встречается четыре вида штампов учреждения (три прямоугольных и один треугольный), а также круглый штамп проверки фонда с надписью: «Проверено КИЖ», причем, на некоторых изданиях встречается только штамп проверки.

В библиотеке КИЖа было немало редких книг. Так, «Индекс омниум» Августина Аврелия, вышедший в Париже в 1532 г., теперь является самой старой книгой фундаментальной библиотеки Герценовского университета. Издание, хранящееся во многих зарубежных библиотеках и музеях (Рим, Турин, Болонья, Венеция, Тоскана, Верона, Мюнхен и др.), отсутствует в крупнейших национальных книгохранилищах (РГБ, РНБ, ВГБИЛ). Сохранившиеся владельческие надписи на книге, к сожалению, неразборчивы, а ее первоначальный владелец не установлен.

Ценным изданием является исторический журнал В. А. Семевого «Русская старина» (Санкт-Петербург, 1871. Том III.) из библиотеки Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, приобретенный после смерти владельца императором Николаем II. На форзаце наклеены экслибрисы дипломата и императора, на корешке вытиснен суперэклибрис А. Б. Лобанова-Ростовского, на форзаце и с. 114 есть владельческие записи на русском и английском языках, относящиеся к портрету Петра I (приложение на фронтисписе к этому тому журнала «Русская старина»). Штампов книготорговли или иных учреждений на этом журнале нет, поэтому пока неизвестно, как именно он поступил в фонд КИЖа.

К редкостям можно отнести два издания трудов А. И. Герцена, увидевших свет в 1870 г., вскоре после смерти писателя. Это анонимно изданный в Москве сборник статей А. И. Герцена «Раздумье» и «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена. Издание детей покойного», вышедший в Женеве. Последний был включен в список запрещенных книг и потому в России был достаточно редок⁷. Сборник «Раздумье» был подготовлен при жизни писателя в 1869 г., издатель А. В. Скалон планировал выпустить его с указанием инициала автора «И.» (Искандер). Когда же «по распоряжению Главного управления по делам печати, издание сборника было запрещено», книга вышла анонимно через подставную издательницу – Е. А. Троян – уже после смерти А. И. Герцена в августе 1870 года⁸.

Некоторые книги из библиотеки КИЖа ранее находились в собраниях библиофилов или известных частных лиц.

На форзаце книги «Песни, собранные П. В. Киреевским» (Москва, 1870) наклеен экслибрис: «Левкий Жевержеев». Известно, что коллекция Левкия Ивановича Жевержеева (1881–1942), фабриканта, мецената, искусствоведа, частично распродавалась владельцем еще до 1917 года, а «в апреле 1918 года была продана книжному магазину А. С. Суворина»⁹. Как указывают исследователи, «периодически то в одном, то в другом книгохранилище обнаруживаются отдельные экземпляры книг из его собрания. Их владельческая принадлежность опре-

деляется благодаря наличию экслибрисов, характерных переплетов и форзацев»¹⁰. В имеющемся издании есть также штамп переплетной Д. А. Матвеева на обороте нахзаца и владельческая подпись «Н. К. Леман» на оригинальной мягкой обложке. Н. К. Леман – это, вероятно, Николай Константинович Леман (1869–1910) – штатный преподаватель реального училища Я. Г. Гуревича.

На титульном листе книги А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время» (Санкт-Петербург, 1882) есть владельческий штамп: «Иван Михайлович Остроглазов». И. М. Остроглазов (1838–1892) – юрист, председатель Тульского окружного суда, библиограф и библиофил. В его библиотеке, «основанной в 1865, был замечательный подбор книжных редкостей. После смерти владельца, собрание редкостей, описанное в „Русском Архиве“ купили московские собиратели Рогожины, остальные книги были распроданы»¹¹. На книге есть также неразборчивая владельческая подпись и штамп «Проверено» в старой орфографии.

Путь некоторых книг в библиотеку Института журналистики можно проследить по экслибрисам и штампам. На форзаце конволюта из IV и V частей «Продолжения трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» (Санкт-Петербург, 1766–1767) наклеен экслибрис: «Библиотека князя Воронцова. Санкт-Петербургский дом». Помимо экслибриса Семена Михайловича Воронцова (1823–1882), в книге трижды встречается штамп «Государственный Институт Опытной Агрономии Н. К. З. Библиотека». Вероятно, в библиотеку журналистского института книга поступила именно из этого учреждения, ликвидированного накануне возникновения КИЖа.

Государственный институт опытной агрономии (1922–1929) занимался исследованиями в области сельского хозяйства, и закономерно, что эта книга поступила в его библиотеку, но пока не совсем ясно каким образом. Известно, что Воронцовская «Петербургская б-ка, около 10 000 т., в 1897 была продана наследниками букинисту В. И. Клочкову»¹², однако ярлыков книготорговли Клочкова на книге нет.

На форзаце мартовского номера журнала «Современник» (Санкт-Петербург, 1860) наклеен экслибрис П. И. Крашенинникова. Петр Иванович Крашенинников (1820–1864) – «книгопродавец, служил у А. Ф. Смирдина приказчиком, у которого приобрел библиотеку и при которой открыл книжный магазин»¹³. Известно, что магазин Крашенинникова был продан его вдовой в 1866 г.

В библиотеку КИЖа, вероятно, издание попало через фонд Ленинградской центральной библиотеки (ныне: Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского). На обороте титула журнала есть прямоугольный штамп проверки фонда: «ЛЦБ 1934 г. Проверено». На обороте шмуцтитула есть еще один прямоугольный штамп: «Проверено 1936 г.», в то время как штамп проверки КИЖа круглый и включает аббревиатуру института.

«Регламент благочестивейшего государя Петра Великого о управлении Адмиралтейства и Верфи» ([Санкт-Петербург], 1778) ранее находился в библиотеке морского министра России, адмирала Алексея Алексеевича Бирилева (1844–1915), о чем свидетельствует золоченое тиснение «А. А. Бирилев» на книжном корешке; кроме того, на форзаце есть штамп «ЛСПО 5 р».

Ленинградский союз потребительских обществ (1924–1935) помимо работы по развитию форм советской торговли, курированию торгово-розничной сети, вел культурно-просветительскую работу. Видимо, в ведении этого Союза находились и некоторые книжные магазины.

Штамп иного вида этой же организации есть на книге «Летопись Нестора, со включением поучения Владимира Мономаха» (Санкт-Петербург, 1893). Кроме того, на ней есть штамп ГКФ с надписью «Выпущено. Резервный фонд Гос. Публ. Биб-ки», штампы учебных заведений: «Библиотека Ларинской гимназии» и «215 Советская Единая Трудовая Школа. Р. С. Ф. С. Р.». Последовательные этапы бытования этого экземпляра неизвестны.

Штамп собственно ГКФ можно найти на некрологе «Михаил Иванович Семевский, редактор-издатель исторического издания „Русская старина“ 1870-1892 гг.» (Санкт-Петербург, 1892). На этом издании есть и штамп библиотеки Государственного техникума печати (1925–1930) – предшественника КИЖа. Владельческих знаков на книге нет.

Знаменитый альманах «Полярная звезда» (Санкт-Петербург, 1822), очевидно, ранее находился в частной коллекции, так как на форзаце остался след от сорванного экслибриса, а на нахзац наклеен ярлык книжного магазина Главсевморпути.

Главное управление Северного морского пути (1932–1953) – комплексная территориально-промышленная организация, занимавшаяся освоением Арктики¹⁴. В 1934 г. было создано политическое управление ГУСМП, а «в 1935 г. на местах были образованы территориальные управления»¹⁵, в том числе Ленинградское. Ленинградский политотдел «Севморпути» занимался помимо прочего делами издательства и, воз-

можно, ведал реализацией бывших частных библиотек через книжный магазин при издательстве.

В остальных книгах из библиотеки Института журналистики, приобретенных через эту торговую сеть, встречаются не ярлыки, а штампы: «Книжн. Маг. Изд-ва Г. У. С. М. П. кв[итанция] ц[ена]».

Отметим среди них некоторые экземпляры из распыленных книжных коллекций. На форзаце «Записок Н. В. Басаргина» (Петроград, 1917) наклеен экслибрис Лидии Ивановны Аверьяновой (1905–1942) – поэта, переводчика, члена Всероссийского союза поэтов. Она была заметным участником литературной жизни 20-х гг. XX в.: «Разносторонне одаренная, обладавшая яркой запоминавшейся внешностью и живым и приветливым нравом, молодая поэтесса и переводчица легко и стремительно вошла в литературный мир Петрограда – Ленинграда»¹⁶. Исследователи полагают, что она была репрессирована¹⁷. Когда и почему ее книги стали распродаваться через издательство Главсевморпути неизвестно.

На книгах из Института журналистики встретился также книготорговый штамп «Академкниги», например, на издании «Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером с 1763 по 1778 год» (Санкт-Петербург, 1802).

С 1930 г. в системе Академии наук СССР существовал сектор распространения книг, а «в 1938 г. на основе сектора было создано самостоятельное учреждение – Контора по распространению изданий АН СССР „Академкнига“, подчиненная издательству „Наука“»¹⁸. Эта книготорговая сеть реализовывала не только издания «Академкниги», но и букинистическую литературу, востребованную у специалистов.

Штамп свидетельствует, что в библиотеку КИЖ она попала не ранее 1938 г., но ничего не говорит о том, как она попала в продажу. Эта книга когда-то была вручена воспитаннику Университетского Благородного пансиона «Василью Федосееву за отличное дарование, прилежность и успехи», о чем свидетельствуют суперэкслибрисы и дарственная надпись на форзаце от имени ректора Московского университета Петра Страхова¹⁹.

Важно отметить, что библиотека Герценовского пединститута не всегда была последним этапом в истории бытования книги. Для восстановления библиотек вузов, пострадавших во время Великой Отечественной войны, в 1943 г. при Наркомпросе РСФСР был создан Государственный фонд литературы, который «к концу войны составил почти 10 млн. книг»²⁰.

Фундаментальная библиотека ЛГПИ им. А. И. Герцена также выделяла книги для этого фонда, которые впоследствии попали в Новго-

родский государственный учительский институт (ныне НовГУ им. Ярослава Мудрого), и среди них оказались издания со штампами ЛГПИ им. А. И. Герцена и КИЖ им. В. В. Воровского²¹.

Коллекция Коммунистического института журналистики им. В. В. Воровского включала редкие и ценные издания, она была спасена во время блокады Ленинграда, но не сохранила свою целостность. Сведения об ее книгах отражены в электронном каталоге фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена. Таким образом, изучение истории фонда фундаментальной библиотеки этого университета выявляет его культурологический потенциал и научную значимость.

Примечания

¹ Фатеева И. А. Институт журналистики в Ленинграде: от техникума к ВУЗу, от ГИЖа к КИЖу / И. А. Фатеева // Вестник ВГУ. Серия: Филология и журналистика. 2017. № 4. С. 111–136.; Фатеева И. А. Журналистское образование в России: теория, история, современная практика: дис. ... докт. филол. наук. / И. А. Фатеева. Екатеринбург, 2008.

² Подрезов К. А., Иванова Ю. В. Историческая роль библиотеки университета как культурно-просветительского центра / К. А. Подрезов, Ю. В. Иванова // Научн. и техн. биб-ки. 2018. № 5. С. 75.

³ Голлербах Е. А. «В борьбе за это»: Государственный книжный фонд на архивном фронте между двумя мировыми войнами / Е. А. Голлербах // Материалы научно-практической конференции Архивы в истории. История в архивах 25–26 сентября 2012 года / Архивный комитет Санкт-Петербурга. СПб., 2012. С. 13.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания: Книги. А–М. (№1–1158) / ред. кол.: И. В. Морозова, О. Д. Голубева и др., науч. ред. Б. С. Итенберг; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. 2-е доп. и перераб. изд. М.: ГБЛ, 1981. С.77, № 402.

⁸ Скалон А. В. – Герцену. Публикация Н. П. Анциферова А. В. Скалон // Литературное наследство. 1955. Т. 62. С. 571.

⁹ Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков: (Ex-libris) / У. Г. Иваск. М., 1918. Вып. I. С. 15.

¹⁰ Ильина О. Н. Левкий Иванович Жевержеев (1881–1942) и его «Опись моего собрания» / О. Н. Ильина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. Т. 201. Книжное дело: вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Традиции и инновации в книжном деле XVII Смирдинские чтения / Под общей редакцией И. А. Шомраковой. С. 159.

¹¹ Богомолов С. И. Российский книжный знак. 1700-1918 / С. И. Богомолов; науч. ред. Н. И. Бабурина; ред. отд. геральдических книжных знаков Н. М. Спиченко; ред.-корр. Б. И. Рабинович. 2-е изд., испр. и доп. М.: Минувшее, 2010. С. 605.

¹² Там же. С. 176.

¹³ Там же. С. 408.

¹⁴ Филин П. А. Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой / П. А. Филин // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее / Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2019. М.: Паулсен, 2020. С. 237.

¹⁵ Там же, с. 248.

¹⁶ Аверьянова-Дидерихс Л. И. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 г. Публикация М. М. Павловой / Л. И. Аверьянова-Дидерихс // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 549.

¹⁷ «Опрокинутый шеврон»: Неизданная книга стихов Лидии Аверьяновой / вступ. ст. и публ. М. М. Павловой // Русская литература: Историко-литературный журнал, 2008. № 1. С. 236–237.

¹⁸ Васильев В. И. Становление и развитие издательского Комплекса РАН. К 270-летию академического книгоиздания / В. И. Васильев // Вестник Российской Академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 352.

¹⁹ Подробнее о книге можно узнать из статьи: Волоскова С. Е. Книги – награды за учебу в учебных заведениях России XIX – начала XX века в России: по материалам фондов фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена / С. Е. Волоскова // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: сб. науч. трудов. Вып. 19. СПб.: Рос. нац. библ., 2018. С. 291–298.

²⁰ Мазурицкий А. М. Вклад Государственного фонда литературы в восстановление библиотечной системы страны / А. М. Мазурицкий // Научные и технические библиотеки. 2007. № 3. С. 3; Книга. Культура. Образование. Инновации: сб. докладов Пятого Международного профессионального форума «Крым-2019» (г. Судак, 8-16 июня 2019 г.) / М-во науки и высшего образования РФ, Гос. публ. науч.-технич. библ. России. М.: ГПНТБ России, 2020. 221 с.

²¹ Рукавичникова В. В. О печатях и штампах на книгах из фонда редкой книги НБ НОВГУ / В. В. Рукавичникова // Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам. Сборник статей / отв. ред. Н. В. Салоников. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2018. С. 321.

С. В. Забродина

Фонды персоналий военно-морских деятелей России в как инструмент военно-патриотического воспитания кадетов

Освещен опыт разработки и применения инновационных подходов и технологий в сфере военно-патриотической подготовки обучающихся кадетских корпусов и училищ с обращением к фондам персоналий военно-морских деятелей. Внедрение программы развития проектной деятельности по патриотическому воспитанию как результат исследования фонда специальных библиотек.

Ключевые слова: военно-морские деятели, персоналии, военно-патриотическое воспитание, кадеты, библиотечный фонд.

Svetlana V. Zabrodina

Library personal collections of naval figures as the instrument of military-patriotic education of students of cadet corps

The article describes the experience of developing and applying innovative approaches and technologies in the field of military-patriotic education of students of cadet corps in the context of usage library personal collections of naval figures. The author highlights the implementation of the development program of project activities for patriotic education on the bases of special libraries research collections.

Keywords: naval figures, personalities, military-patriotic education, cadets, library collection.

Военно-патриотическая подготовка обучающихся кадетских корпусов и училищ требует разработки и применения инновационных подходов и технологий, соответствующих современным социальным и образовательным реалиям. Главной целью военно-патриотического воспитания является формирование активной, образованной и творческой личности, которая чтит победы и достижения своих предков, готова нести ответственность в равной мере за судьбу своей Родины и за будущее своего народа¹.

В связи с этим организация в кадетских корпусах и училищах проектной деятельности по военно-патриотическому воспитанию на основе изучения и использования материалов фонда персоналий военно-морских деятелей, которыми обладают научные библиотеки, способствует личностному развитию обучающихся, формированию мировоззрения и жизненных идеалов, обогащает познавательный потенциал. Возраст учащихся в кадетских корпусах – 11–17 лет – позволяет наиболее эффективно содействовать зарождению любви к своей стране, ее природе, своему народу.

Фонд персоналий военно-морских деятелей научных библиотек как ключевой ресурс военно-патриотического воспитания изучается во множественности аспектов: типо-видовой, языковой, хронологический состав и структура фондов, библиографические и информационные источники комплектования, поиск критериев проведения первичного и вторичного отбора документов, а также в контексте организации фонда военных библиотек и выявления возможностей обеспечения открытого доступа и др.

С этой точки зрения фонды Центральной военно-морской библиотеки, содержащие научную, официально-документальную, научно-популярную, учебную, справочную, производственную литературу по военно-морскому делу представляют собой ключевой ресурс для совершенствования образовательного и воспитательного процессов в кадетских корпусах и училищах².

Формирование библиотечного фонда научных библиотек по военно-морскому делу исторически тесно связано с документами и книжными коллекциями личных, домашних, семейных библиотек. Подобного рода коллекции появились задолго до общественных публичных библиотек и содержат мощный информационный потенциал по целому ряду направлений военного и военно-морского дела. В этих библиотеках находят отражение разнообразные личные познавательные интересы, художественные и эстетические вкусы владельцев, их пристрастия к определенным областям науки, техники, культуры и искусства³.

В настоящее время Центральная военно-морская библиотека является информационным, консультационным, методическим и библиографическим и центром библиотек Военно-морского Флота Российской Федерации.

Научные труды и биографии военно-морских деятелей, прославивших Россию, а также их личные собрания в составе книг, брошюр, документов личного происхождения (писем, дневников, записок и др.) помогают понять особенности их личностного и профессионального становления как граждан и патриотов страны. В современных условиях, также как и в предыдущие десятилетия, в пополнение фонда библиотеки вносят вклад выдающиеся деятели различных сфер науки и производства, ученые, писатели. Очень часто они дарят книги с личными автографами, обогащая ее не только новыми поступлениями, но и увеличивая ее социокультурное значение.

Нами было проведено исследование по определению и обоснованию приоритетной роли фонда персоналий военно-морских деятелей

Центральной военно-морской библиотеки как составной части фонда ЦВМБ в реализации основных направлений военно-патриотического воспитания учащихся кадетских корпусов и училищ.

В ходе исследования нами были использованы методы анализа документов, в том числе нормативно-правовых документов федерального уровня, а также уставные и учредительные документы Центральной военно-морской библиотеки, стратегический и тактический планы развития фонда ЦВМБ, отчеты о деятельности Центральной военно-морской библиотеки за 2013–2020 гг.

Метод анкетирования обучающихся использовался для выявления возможностей применения фонда персоналий военно-морских деятелей для организации проектной деятельности по военно-патриотическому воспитанию кадетов. Анализ результатов проведенного исследования проводился на основе применения статистических методов.

Проведенное исследование позволило разработать и внедрить в Санкт-Петербургском Пансионе воспитанниц среднесрочную «Программу развития проектной деятельности по военно-патриотическому воспитанию кадетов на основе фонда персоналий Центральной военно-морской библиотеки на период 2020–2022 гг.». Пояснительная записка к «Программе...» содержит характеристику возможных рисков ее внедрения и рекомендации по их потенциально возможной нейтрализации⁴. «Программа...» утверждена руководством библиотеки и успешно реализуется.

Одной из важнейших позиций, отраженной в «Программе...», является создание мемориального музея в здании Центральной военно-морской библиотеки, посвященного выдающемуся российскому мореплавателю, одному из руководителей ЦВМБ (1823–1827), адмиралу И. Ф. Крузенштерну.

Наряду с этим в программе предусмотрено проведение следующих проектов:

- «Юнги Крузенштерна» (посвящен выдающимся морякам, впервые проявившим себя в кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна);
- «Имя Крузенштерна на карте мира» (изучение географических и топографических названий, носящих имя прославленного адмирала);
- «И. Ф. Крузенштерн на берегах Невы» (разработка и проведение экскурсии по местам, связанным с именем адмирала в Санкт-Петербурге).

Среди основных мероприятий разработанной программы следует назвать следующие:

- лекции о жизни и деятельности адмирала И. Ф. Крузенштерна и о его последователях (3 лекции-подкаста);
- конкурс эссе, посвященный 250-летию юбилею со дня рождения И. Ф. Крузенштерна;
- конкурс чтцов (отрывки из дневников первого российского кругосветного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна);
- онлайн-встречи с представителями династии Крузенштернов;
- лучшие эссеисты и чтцы выступают со своими эссе и чтением в рамках;
- научной конференции «VI Крузенштернские чтения 2022 г.».

Первичной задачей является сбор документов, принадлежащих Крузенштерну, и изданных в России и зарубежных странах публикаций, посвященных его жизни и деятельности. В этой связи планируется издание буклета с указанием важных исторических дат и значительных событий его жизни и деятельности в документах фонда.

С целью совершенствования работы по формированию фонда документов, являющихся основой музея Крузенштерна, необходимо поддерживать координацию и кооперацию с военными библиотеками и музеями, а также с библиотеками военно-морских учебных заведений; размещать на сайтах организаций-партнеров информацию обо всех этапах проведения работы по созданию музейного фонда и отражать ее на страницах профессиональной печати, организовывать на систематической основе один раз в год «Круглый стол военных библиотек».

В контексте изучения документов Крузенштерна и публикаций о нем, хранящихся в ЦВМБ, сотрудникам библиотеки при проведении исследований необходимо использовать системный, структурно-функциональный, информационный, педагогический и другие подходы и уделять особое внимание тщательной экспертизе каждого документа. Одновременно необходимо более активно популяризировать наследие Крузенштерна среди молодого поколения, обучающегося в кадетских корпусах и училищах, в том числе в Санкт-Петербургском Пансионе воспитанниц. В этой связи при подготовке материалов к урокам истории и внеурочной деятельности по военно-патриотическому воспитанию кадетам предоставляется возможность посещать не только библиотеку своего учебного заведения, но также участвовать в выездных мероприятиях по ознакомлению с фондами Центральной военно-морской библиотеки, библиотеки Морского корпуса Петра Великого, содержащих документы о великих полководцах различных исторических этапов.

Военно-патриотическое воспитание в идее любви и преданности Родине было и остается основным элементом системы подготовки обу-

чающихся в кадетских корпусах и училищах. Патриотическое сознание является важнейшей ценностью и включает в себя социальные, духовные, нравственные, культурно-исторические составляющие. Фонды ЦВМБ как фундаментальной научной библиотеки играют значимую роль в изучении жизни и карьеры военно-морских деятелей, которые внесли большой вклад в становление и развитие военно-морского дела нашей страны.

Примечания

¹ Мутьев В. А. «...Но гражданином быть обязан»: воспитание патриотов / В. А. Мутьев, Д. А. Кутяшова // Мир библиографии. 2015. № 3. С. 31–34.

² Основы Концепции и Государственного стандарта кадетского образования в России / Сайт московского содружества суворовцев, нахимовцев и кадет. URL: http://kadet.ru/doc/PISMO_RKB.html/ (дата обращения 11.10.2022).

³ Типовое положение о президентских кадетских, суворовских военных, нахимовских военно-морских, военно-музыкальном училищах и кадетских (морских кадетских) корпусах, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации // Сайт «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/documents/2012/06/27/kadeti-dok.html> (дата обращения 11.10.2022).

⁴ Там же (дата обращения 11.10.2022).

Е. В. Ивановская

**Книжное собрание литовского языковеда и филолога
К. К. Буги в Научной библиотеке
Томского государственного университета**

В 2008 г. в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета были обнаружены документы из книжного собрания К. Буги. В течение нескольких лет шли поиски книг из личной библиотеки ученого, на основе которой К. Буга, начиная с 1902 г., проводил свои исследования в области изучения литовского языка. Данная работа является обобщающим исследованием найденного и изученного материала

Ключевые слова: личная библиотека, К. Буга, Научная библиотека Томского государственного университета

Ekaterina V. Ivanovskaya

**The book collection of Lithuanian linguist and philologist K. Buga
in the research library of Tomsk state university**

In 2008, the documents from the book collection of K. Buga were discovered in the fund of the Research library of Tomsk state university. For several years there was a search for books from the scientist's personal library, on the basis of which Kasimir Buga, starting from 1902, conducted his research in the field of studying the Lithuanian language. This work represents the generalising research summary of the discovered and investigated material.

Keywords: personal library, K. Buga, Research library of Tomsk state university.

В последнее время изучение личных библиотек привлекает к себе большое внимание исследователей различных направлений. Они являются историческими документами того времени, когда жил и работал их владелец, становятся ценнейшими источниками для изучения их личности и круга общения, духовных и профессиональных интересов. Значимость личной библиотеки возрастает, если ее собиратель оставил заметный след в истории, поскольку она содержит в себе уникальный материал, характеризующий владельца. Сам выбор тех или иных книг, наличие автографов и владельческих записей и т. п. дают возможность охарактеризовать собирателя еще и с точки зрения его научных интересов.

Интересным примером является личная библиотека языковеда, крупнейшего специалиста по балтийским, славянским и другим индоевропейским языкам, одного из основоположников литовского и

балтийского языкознания¹, Казимира Буги (1879–1924), хранящаяся в библиотеках России и Литвы. Личность ученого уже неоднократно являлась объектом специального исследования, а вот его книжному собранию уделялось мало внимания.

К. Буга родился в семье литовского крестьянина. В 1892 г. был отправлен к родственникам в Петербург, где до 1897 г. обучался в прогимназии² по окончании которой поступил в Петербургскую духовную католическую семинарию. Казимир не захотел связывать свою жизнь с духовным поприщем, поэтому через год покинул семинарию. За этот шаг его родители и родственники лишили юношу материальной помощи. Некоторое время К. Буга работал домашним учителем, а в 1899 г. поступил на службу в Главную физическую обсерваторию. В свободное время он принимал участие в культурно-общественной жизни петербургских литовцев, писал статьи для литовских газет. В этот период у него появляется интерес к литовскому языкознанию, и он самостоятельно изучал литературу о литовском, латышском и других родственных языках, «начинает собирать материалы по диалектологии, фольклору и истории родного языка, публикует статьи по вопросам языкознания»³. Весной 1902 г. К. Буга знакомится с профессором Казимиром Явнисом (1849–1908) и становится его частым гостем⁴. Профессор Петербургского университета Э. Вольтера узнав об этом, предложил академиком Ф. Ф. Фортунату и А. А. Шахматову назначить К. Бугу личным секретарем К. Явниса, оплачиваемым из средств Российской Академии наук⁵. Его задачей было записать научные знания Явниса, в особенности помочь подготовить к печати грамматику и описания говоров. Оба академика согласились с этой идеей. В 1903 г. Казимир Буга становится личным секретарем профессора Казимира Явниса, что сыграло основополагающую роль в его жизни как лингвиста. В 1905 г., в возрасте 26 лет К. Буга поступает в Петербургский университет на славяно-русское отделение. Первый год обучения Казимир больше работал у профессора Явниса, чем учился, так как хотел помочь ему закончить работу по балтийскому вокализму. В студенческие годы К. Буга опубликовал ряд лингвистических работ, которые актуальны и по сей день. По заказу Академии наук он подготовил к печати грамматику литовского языка профессора К. Явниса. Все эти исследования, а также углубленное изучение литовских диалектов отнимали у К. Буги много времени. Поэтому он только в 1912 г. окончил обучение в университете и остался работать на кафедре у профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. В 1916 г. К. Буга переезжает в Пермь, где работает приват-доцентом Пермского университета, а весной 1918 г. избирается на должность

экстраординарного профессора. Все свое свободное время он тратит на чтение лингвистической литературы и на сбор данных, касающихся литовского языка и его истории. Считается, что именно в Перми Казимир Буга собрал картотеку для этимологического словаря литовского языка. В данный момент она оцифрована литовскими коллегами и с ней можно познакомиться⁶.

В июне 1919 г. Пермский университет и весь его педагогический состав в количестве 285 человек был эвакуирован в Томск⁷. Здесь Казимир Буга работал в Императорском Томском университете в должности экстраординарного профессора на кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка при историко-филологическом факультете⁸. В начале февраля 1920 г. из Перми пришла телеграмма о том, что Пермский университет приглашал своих профессоров и преподавателей, находящихся в Томске, вернуться к месту службы⁹. Однако Казимир не поехал в Пермь, а вернулся на родину. В документах Пермского университета значится, что К. Буга выехал на родину на основании телеграммы Чичерина¹⁰. Переехав в Литву, Буга продолжает работу над большим академическим словарем литовского языка, а с 1922 г. становится профессором только открывшегося Каунасского университета. В 1924 г. появился первый выпуск его словаря. К сожалению, он не успел закончить свой труд, так как работа без отдыха и в неблагоприятных условиях, в которых он жил в 1920-е гг., подорвали его здоровье и в декабре 1924 г. К. Буга скончался.

Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ) – одна из старейших вузовских библиотек Сибири и Дальнего Востока, основанная в 1880 г. и открытая вместе с университетом в 1888 г. Первоначальный ее фонд сформировался на базе многочисленных частных библиотек, которые покупались или жертвовались для первого университета Сибири. В настоящее время в фонде хранится свыше 3 миллионов 700 тысяч единиц различного типа и вида документов.

В разные годы в библиотеку поступали личные библиотеки ученых, писателей, общественных деятелей России. Как и во многих государственных библиотеках, при формировании фонда библиотеки Томского университета не ставилась задача сохранения целостности каждого частного книжного собрания. Критерием для записи в фонд являлась, прежде всего, хорошая сохранность экземпляра, поэтому отбирался экземпляр лучшей сохранности, а остальные передавались в резервно-дублетный фонд. Из этого фонда книги распределялись по кафедральным библиотекам университета, а также передавались в другие сибирские библиотеки. И хотя большая часть кафедральных

библиотек впоследствии была возвращена в основной фонд библиотеки¹¹, потери все же были неизбежны.

Кроме крупных личных библиотек, в Научную библиотеку Томского университета поступали и небольшие частные книжные собрания. Одним из таких поступлений можно считать попавшие в 1920 г. в фонд НБ ТГУ книги К. Буги.

Формирование личной библиотеки Казимира Буги началось в 90-е гг. XIX в., когда он начал собирать материалы по балтистике, диалектологии, фольклору, истории литовского языка, языкознанию, а также литературу по литовскому, латышскому и древнепрусскому языкам¹². Более активное пополнение ее началось в начале XX в., когда К. Буга был секретарем профессора К. Явниса, а затем студентом Петербургского университета и преподавателем Пермского университета. В результате он собрал большую и очень ценную лингвистическую библиотеку.

Часть книг из этого книжного собрания содержит многочисленные пометы простым карандашом на полях и в тексте, имеются записи на отдельных листочках бумаги и рукописные вставки, сделанные на листах, вшитых в блок переплета. Отличительной особенностью книг из коллекции Казимира Буги является наличие штампея на форзаце или титульном листе «K. Buga», либо в нижней части корешка книги оттиски букв «K.B.» или «K.Б.». Особую группу составляют книги из библиотеки профессора Явниса, которые влились в личную библиотеку Казимира. На корешках этих книг стоит оттиск «Kun.K.», что означает «Kunigas Kazimieras Jaunius» – «Священник Казимир Явнис». Основная часть книг издана на литовском языке и только несколько книг на русском.

Какое количество книг было в данной библиотеке, сказать сложно, так как, во-первых, она оказалась рассредоточенной по разным книгохранилищам России и Литвы, а во-вторых, не сохранилось ни каталога, ни каких-либо других данных о составе данной библиотеки.

В 1919 г. К. Буга в составе группы преподавателей Пермского университета прибыл в эвакуацию в Томск, где он работал в Императорском Томском университете. Казимир Буга вынужден был оставить большую часть своей лингвистической библиотеки в Перми¹³. С собой в Томск он вез достаточно большой багаж в 15 пудов, куда входила его картотека и вторая половина книг из его книжного собрания¹⁴. В 1920 г. он возвратился в Литву, но из-за различных обстоятельств вынужден был оставить и вторую часть своей личной библиотеки в Томске. С собой он захватил только наиболее редкие книги, ценные рукописи и всю картотеку словаря, которую формировал всю жизнь и особенно

ценил. Хотя, как потом писала его супруга в своих воспоминаниях, о «брошенных» книгах в Томске и Перми он очень сожалел¹⁵.

В конце 1950-х гг. Зигмасом Зинкявичюсом (в то время молодым кандидатом филологических наук, впоследствии – известнейшим литовским языковедом, профессором Вильнюсского университета, академиком) была начата работа по переизданию трудов К. Буги. Тщательно собирая сведения о возможных местах хранения его материалов, Зинкявичюс обращался и в библиотеку Томского университета, однако получил ответ, что ни печатных работ, ни рукописей Буги в библиотеке не сохранилось. Уже после выхода в свет трехтомника «Избранных работ» К. Буги в бумагах классика латышского языкознания Яниса Эндзелина (1873–1961) нашлось письмо сотрудницы библиотеки Томского университета Сильвии Кюзе, которая в 1955 г. сообщала о найденных ею листках с рукописными заметками Буги, а также нескольких книгах с маргиналиями его характерным мелким каллиграфическим почерком. В 1956 г. Кюзе было разрешено вернуться из ссылки на родину в Латвию, ее работа по разысканию материалов Буги в Томске, таким образом, прервалась. Однако выявленные рукописные заметки она привезла с собой и в 1971 г. передала Зинкявичюсу, теперь они хранятся в рукописном фонде К. Буги в библиотеке Вильнюсского университета. В свою очередь, в фонде З. Зинкявичюса находится составленный Кюзе список принадлежавших Буге книг, которые она сумела идентифицировать в фондах библиотеки Томского университета¹⁶.

Поиски материалов и книг из личной библиотеки К. Буги возобновились в 2008 г. по инициативе доцента СПбГУ А. В. Андропова, приехавшего в Томск составе этнолингвистической экспедиции к латгальцам Сибири. Тогда им были выявлены первые четыре книги Буги, положившие начало поискам. Так началась работа по изучению библиотеки Казимира Буги, к которой, помимо А. В. Андропова, подключились автор настоящей статьи и коллеги из Вильнюсского университета.

Для того чтобы понять, как происходил поиск книг К. Буги в НБ ТГУ, необходимо, с одной стороны, учитывать систему комплектования библиотечного фонда, с другой – рассказать, каким способом велась эта работа. В процессе восстановления библиотеки применялись различные методы поиска книг: были тщательно изучены каталоги НБ ТГУ на основании списка книг по балтистике и лингвистике, составленного литовским лингвистом Миндаугасом Шинкунасом. Исследование было проведено также на основе архивного фонда НБ ТГУ, где был найден список книг из кабинета К. Маркса, которые поступили в основной фонд университетской библиотеки. Выявленные таким образом книги

разыскивались в основном фонде библиотеки на определение принадлежности к библиотеке К. Буги. Благодаря этим поискам было обнаружено около 10 книг, удалось понять отличительные признаки библиотеки, проследить, как эти документы вливались в основной фонд библиотеки Томского университета, определить диапазон инвентарных номеров, который нужно было просмотреть.

Таким образом, был выявлен путь книг из личной библиотеки К. Буги в стенах Томского университета. Первоначально книги Казимира Буги попали в состав Кабинета славянской филологии при историко-филологическом факультете. В связи с тем, что не сохранились документы о передаче им своих книг в этот кабинет, нельзя сказать точно, сколько книг он оставил здесь. Нет даже сведений, какое количество книг было в самом кабинете славянской филологии. После закрытия историко-филологического факультета в 1921 г. фонд данного кабинета вошел в состав библиотеки факультета общественных наук. В 1922 г., после закрытия факультета общественных наук, ее библиотека с июня 1922 г. по 15 февраля 1924 г. находилась в ведении кабинета Карла Маркса при Томском Рабфаке. В феврале 1924 г. часть фонда из этой библиотеки, которая не использовалась на Рабфаке, «была передана в Главную библиотеку университета»¹⁷.

После обнаружения первых книг из библиотеки литовского лингвиста и определения его отличительных особенностей начался процесс просмотра старой части фонда НБ ТГУ *de visu*. После долгих розысков было обнаружено 45 книг из этого книжного собрания.

В 2009 г. была предпринята попытка поиска книг К. Буги в Перми. Были просмотрены каталоги Пермского государственного университета. Но библиотеки Казимира Буги там не оказалось. Дело в том, что фонд библиотеки Пермского университета перемещался в 1920-е гг. по разным учреждениям, и только часть его осела в библиотеке Пермского педагогического университета. В результате просмотра каталогов библиотеки этого вуза удалось обнаружить 5 книг из книжного собрания Буги. На этом поиски, к сожалению, и остановились.

Книжное собрание К. Буги сформировалось в начале XX в. как рабочая библиотека ученого, преподавателя, удовлетворяющая профессиональные запросы своего владельца. Дальнейшее изучение этого книжного собрания, составление каталога книг К. Буги, изучение помет и записей, сделанных его рукой, даст возможность выявить круг интеллектуальных интересов ученого, понять, как он работал над своим главным трудом жизни – фундаментальным словарем-тезаурусом литовского языка.

Примечания

- ¹ Зинкявичус З. К. Буга (1879-1924) / З. Зинкявичус // Вопросы грамматики: сб. ст. / отв. ред. Л. В. Сахарный. Пермь, 1972. С. 214.
- ² Там же. С. 214.
- ³ Там же. С. 215.
- ⁴ Sabaliauskas. Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija: iki 1940 metų. Vilnius, 1979. P. 183.
- ⁵ Zinkevičius Z., Kabelka J. Kazimieras Būga // K. Būga. Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. P. 20–21.
- ⁶ Kazimiero Būgos etimologinio žodyno kartoteka // URL: ekalba.lt/BugosEtimologinioZodynoKartoteka/K0368 (дата обращения 31.03.2022).
- ⁷ Архив Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ). Оп. 1. Д. 6. Л. 41.
- ⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 780. Л. 155.
- ⁹ ГАТО. Ф. р. 815. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.
- ¹⁰ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р180. Оп. 1. Д. 225. Л. 324об.
- ¹¹ Колосова Г. И. Некоторые итоги восстановления и изучения личных книжных собраний, хранящихся в фонде Научной библиотеки Томского университета / Г. И. Колосова // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 7.
- ¹² Зинкявичус З. К. Буга (1879-1924) С. 215.
- ¹³ Там же. С. 219.
- ¹⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р180. Оп. 1. Д. 225. Л. 355.
- ¹⁵ Vairas K. Ponia Būgienė apie didžiojo kalbininko gyvenimą / K. Vairas // Trimitas. 1934. № 48 (lapkričio 29 d.). P. 952.
- ¹⁶ Zinkevičius Z., Nauji K. Būgos rankraščiai / Z. Zinkevičius, K. Nauji // Kalbotyra. XXIV(1). 1972. P. 120–121; Zinkevičius Z. Silvijos Kiuzės laiškas Janiui Endzelynui / Z. Zinkevičius // Litanistica. 1991. Nr. 4. P. 103–104.
- ¹⁷ Архив НБ ТГУ. Оп. 1. Д. 8. Л. 110.

О. В. Селиванова

Показательная библиотека по детскому чтению и Институт детского чтения: два центра изучения детской литературы

После 1917 г. в России возникли два центра по научному изучению детской литературы: Показательная библиотека по детскому чтению в Петрограде и Институт детского чтения в Москве. Детские книги собирались из разоренных особняков, расформированных учебных заведений и общественных библиотек и стали базой для научной, учебной и педагогической деятельности обоих учреждений.

Ключевые слова: детская литература, детское чтение, Показательная библиотека по детскому чтению, Педагогический институт дошкольного образования, О. И. Капица, Институт детского чтения, А. К. Покровская.

Olga V. Selivanova

Children's Reading Demonstration Library and Children's Reading Institute: two centers for the study of children's literature

After 1917, two centers for the scientific study of children's literature appeared in Russia: Demonstration Library for Children's Reading in Petrograd and the Institute for Children's Reading in Moscow. Children's books were collected from ruined mansions, disbanded educational institutions and public libraries and became the basis for the scientific, educational and pedagogical activities of both institutions.

Keywords: children's literature, children's reading, Demonstration Library for Children's Reading, Pedagogical Institute of Preschool Education, O. I. Kapitsa, Children's Reading Institute, A. K. Pokrovskaya.

После 1917 г. в связи со сменой идеологической парадигмы с высокими трибун начали заявлять о новой литературе для детей¹. Однако, как убедительно доказала С. Г. Маслинская, это был последовательный процесс развития и самой детской литературы, и ее критики, обновился лишь персональный состав авторов и участников дискуссий². Обновлению подверглась и институциональная сторона: если до Октябрьского переворота продвижением и оценкой книг для детей занимались в основном общественные организации, например, в Петербурге действовали Фребелевское общество, Общество содействия дошкольному воспитанию, Подвижной музей учебных пособий и др., то после Октября изучением детской литературы занялись государственные учреждения. В 1919 г. при Петроградском педагогическом институте дошкольного образования открылась Показательная библиотека по детскому чтению, а в 1920 г. в Москве при Наркомпросе было создано государ-

ственное научно-исследовательское учреждение – Институт детского чтения³.

Оба этих учреждения ставили перед собой в чем-то схожие задачи. В первую очередь необходимо было спасти библиотеки из разоренных особняков и расформированных школ, гимназий, различных училищ. Так, в Москве в первый год деятельности Института детского чтения удалось собрать 10 000 детских книг на русском и иностранных языках⁴. В основу Показательной библиотеки в Петрограде легли собрания журнала «Что и как читать детям», Подвижного музея учебных пособий и Петроградского Учительского союза, закрытого в 1918 г., всего около 11 000 томов⁵.

Сформированные библиотеки детских книг стали базой для научной, учебной и педагогической деятельности обоих учреждений. С целью координации деятельности по изучению детской литературы в мае 1921 г. была проведена первая в России конференция по детскому чтению. В результате конференции были составлены исследовательские планы, однако, как замечает Н. В. Чехов⁶, «организовать объединенную работу этих двух учреждений не удалось, но все время происходит взаимное осведомление о ходе работ»⁷.

Институт детского чтения, который возглавляла А. К. Покровская⁸, обратился к истокам, взявшись за изучение русской детской литературы XVIII – середины XIX вв., а также за разработку теоретических вопросов. Значимым результатом исследований сотрудников института явилось то, что они обосновали само понятие «детская литература» и обозначили особое положение детской литературы в общем литературном процессе. В ходе работы был собран уникальный библиографический материал: словарь авторов и список детских книг. К сожалению, Институт детского чтения в качестве самостоятельного учреждения просуществовал недолго. В 1923 г. по решению Наркомпроса он был объединен с несколькими другими исследовательскими центрами и стал отделом детского чтения в Научно-исследовательском институте методов внешкольной работы⁹.

Опыт создания Показательной библиотеки по детскому чтению – пример уникальный в своем роде. Ее формированию способствовала смена социального устройства в России. Организатором и идейным вдохновителем Показательной библиотеки выступила О. И. Капица¹⁰. Хотя мысль о создании совершенно особой библиотеки детской литературы была сформулирована еще в 1913 г.¹¹, но О. И. Капице не удалось найти ту государственную или общественную структуру, которая обладала бы финансовыми и административными ресурсами для осу-

ществления столь грандиозного проекта. Такую возможность предоставила после 1917 г. новая система народного просвещения, заинтересованная в массовой подготовке педагогических кадров, в том числе и для дошкольных учреждений.

Первоначально Показательная библиотека была выделена из фондов библиотеки Педагогического института дошкольного образования, который с 1918 г. по 1925 г. был единственным в стране специализированным вузом по подготовке дошкольных работников и научным центром по разработке теории и практики дошкольного воспитания. После слияния педагогических вузов в единый Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена в 1925 г. фонды Показательной библиотеки пополнили фонды фундаментальной библиотеки объединенного института.

Показательная библиотека как структурное подразделение педагогического вуза стала экспериментальной площадкой для разработки учебного курса детской литературы. Курс лекций охватывал вопросы, связанные с культурой детского чтения, с психологией возрастных читательских запросов, с изучением иллюстрации детских книг, со спецификой детской литературы разных народов. Разрабатывались методические рекомендации по подготовке специалистов дошкольного, школьного и внешкольного образования и работников детских библиотек. На практических занятиях студенты учились составлять библиографические списки и указатели детских книг, проводили опыты творческого характера (доклады, рецензии, экскурсии).

Всего в Показательной библиотеке было трое сотрудников – О. И. Капица, Е. П. Привалова¹² и Е. И. Кальвайц¹³ – все они совмещали работу в библиотеке с преподавательской и воспитательной деятельностью.

По воспоминаниям преподавателя кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена, автора учебных пособий по истории дошкольной педагогики Елизаветы Анатольевны Гребенщиковой, «Показательная библиотека детской литературы обслуживала кафедру детской литературы и лиц, интересующихся этими вопросами, отвечала на запросы педагогов, подбирала литературу по темам, создала комиссию по рецензированию новых книг для постоянной выставки по курсу детской литературы»¹⁴. Сотрудники Показательной библиотеки принимали также активное участие в книжной выставке Пушкинского дома (Института русской литературы РАН) в 1921–1922 гг., где организовали детский отдел, а в 1924–1925 гг. оформили уголок детской книги к «вечеру смычки» с работницами фабрики им. С. Халтурина.

Обучающим моментом должны были стать встречи с интересными людьми, которые делились бы со студентами своими воспоминаниями о детстве. Это направление учебной деятельности приняло совершенно неожиданный оборот. На базе Показательной библиотеки был организован кружок детской литературы, участниками которого стали преподаватели, аспиранты и студенты. В 1922 г. в поисках новых произведений для постановки в ТюЗе в Показательную библиотеку обратился С. Я. Маршак. Вскоре кружок превратился в настоящую творческую мастерскую, в студию детских писателей, названную С. Я. Маршаком «колыбелью нашей детской литературы»¹⁵.

Помимо О. И. Капицы и С. Я. Маршака, членами кружка состояли Е. П. Привалова, В. В. Бианки, В. Н. Бианки, Е. Я. Данько, Е. Н. Верейская, Н. Л. Дилакторская, в качестве гостей кружок посещали К. И. Чуковский, Б. С. Житков, Е. Л. Шварц, М. Толмачева, на обсуждение кружка выносили свои научные работы Л. Г. Оршанский, Ю. И. Фаусек и др. Заседания кружка (закрытые и открытые) проходили еженедельно, в них, например, за 1924–1925 учебный год принимало участие 149 человек, было прочитано и подвергнуто критике 13 рукописей разных авторов¹⁶. Кружок имел свой печатный орган – заботами его членов были организованы детские журналы «Воробей» (1923–1924) и «Новый Робинзон» (1924–1925). В 1934 г. кружок детских писателей при Показательной библиотеке по детскому чтению вошел во вновь созданный Союз советских писателей на правах детской секции Ленинградского отделения ССП¹⁷.

В 1923–1924 учебном году при Показательной библиотеке была открыта детская читальня. Ею заведовала Е. П. Привалова. Читальню ежедневно посещало до 19 детей из ближайшего окружения института. Помимо самостоятельного чтения, проводилось чтение вслух и рассказывание. С одной стороны, занятия с детьми в читальне позволяли расширить исследовательские разработки по методике руководства детским чтением и наблюдение за психологией ребенка-читателя. С другой – читальня давала возможность студентам провести в детской аудитории ряд занятий, связанных с курсом детской литературы. Своими самыми любимыми авторами дети отмечали С. Я. Маршака, В. В. Бианки и К. И. Чуковского¹⁸.

Первоначальный фонд, отмеченный штампами «Показательная библиотека по детскому чтению Института дошкольного образования» и «Показательная библиотека детской литературы дошкольного отделения института Герцена», свидетельствует о воплощении в жизнь программного принципа формирования особой библиотеки, предна-

значенной для научного изучения детской литературы и имеющей только одно ограничение для комплектования – тематику детства. В Показательной библиотеке был представлен весь спектр литературы для детей: книги для разных возрастных групп, книги из дорогих иллюстрированных серий и дешевые издания для народа, книги из различных частных собраний, в том числе из библиотеки Мраморного дворца, книги на русском и европейских языках, книги про гимназистов и книги о пионерах и т. д. В дополнение к собранию книг, рассчитанных на детскую читательскую аудиторию, фонды Показательной библиотеки содержали литературу справочного характера: книги и статьи, посвященные вопросам теории детского чтения, библиографические указатели всех типов, каталоги издательских фирм, различные сведения о существующих детских библиотеках и прочее.

Сохранились немногочисленные, а потому очень значимые свидетельства взаимодействия двух учреждений, занимающихся вопросами детской литературы и детского чтения. О. И. Капица была избрана действительным членом Института детского чтения, поддерживала дружеские отношения и вела постоянную переписку с А. К. Покровской. Их объединяли не только общие профессиональные интересы, но и переживания о преподавании учебного курса детской литературы, в частности, О. И. Капица писала в письме от 28.02.1924: «<...> теперь очень заботит вопрос о положении дет[ской] литер[атуры] в программах педаг[огических] инст[итутов], не хотелось бы оставлять работы, не поставивши этот вопрос во всей широте»¹⁹.

В середине 1920-х гг. Е. П. Привалова участвовала в исследовательских проектах по изучению детской литературы совместно с московскими коллегами из отдела детского чтения Института методов внешней работы. Например, на одном из семинаров отдела ею был зачитан доклад об истории складывания литературной традиции вокруг романа Д. Дефо «Приключения Робинзона Крузо» в Англии, Франции, Германии и России и о создании целого цикла произведений, который получил обобщающее наименование «робинзонада»²⁰. Еще одним знаком сотрудничества Показательной библиотеки и Института детского чтения является письмо от П. А. Рубцовой²¹, сохранившееся в архиве Показательной библиотеки. Текст письма следующий:

«Москва. 19.X.24.

Глубокоуважаемая Екатерина Петровна! Обращаюсь к Вам с большой просьбой от рецензентской комиссии Института. Для обзора литературы о животных нам хотелось бы побольше впечатлений от разных библиотечных мест. Некоторые провинциальные библиотеки

посылают нам материалы, я надеюсь, что и Ваша библиотека не откажет нам в сотрудничестве. Посылаю Вам список книг и форму учетной карточки. И просьба впечатления о каждой книжке писать на отдельном листке. Если вы согласны в подобных работах принять участие, я пришлю Вам очередные списки. Недавно просматривала рукопись Вашей библиографической работы, надеюсь, что Брокгауз ее скоро издаст. Желаю Вам всего хорошего. П. Рубцова.

Материал нам очень хотелось бы получить в течение октября. Роза Владимировна шлет Вам привет.

ПР. Если вам удобнее заполнять печатные листки, напишите, пожалуйста, я Вам вышлю необходимое количество бланков».

К сожалению, нам не известно, каков был результат этого сотрудничества, нам не известно даже, откликнулась ли Е. П. Привалова на эту просьбу, поскольку в архиве Показательной библиотеки не обнаружилось ни одного списка книг о животных, ни одного заполненного или пустого бланка. Возможно, собранные материалы были частично использованы для проведения социолого-статистического исследования П. А. Рубцовой, отраженного в статье «Что влияет на детские книжные запросы», опубликованной во втором номере журнала «Книга детям» за 1930 г.²²

В заключение хотелось бы отметить, что в тяжелых послереволюционных и послевоенных обстоятельствах люди не потеряли веру в значимость своего дела. Несмотря на голод, неустроенность, отсутствие элементарных бытовых условий, небольшая группа энтузиастов смогла создать нечто новое и перспективное – Показательную библиотеку по детскому чтению в Петрограде и Институт детского чтения в Москве.

Примечания

¹ См. напр. Кормчий Л. Забытое оружие: о детской книге / Л. Кормчий // Правда. 1918. № 28. С. 3.

² Маслинская С. Г. «Наследство и наследственность»: эволюция критики русской детской литературы 1910–1920-х гг. / С. Г. Маслинская // *Revue des études slaves. Volume LXXXVIII 1–2: 1917 en Russie. La philologie à l'épreuve de la Révolution*. Paris, 2017. P. 237–255. URL: <https://journals.openedition.org/res/821> (дата обращения 20.04.2022).

³ Подробно о деятельности Института детского чтения и причинах его закрытия см.: Арзамасцева И. Н. Подвижники детской литературы / И. Н. Арзамасцева // *Детские чтения*. Т. 1, № 001. СПб.; Екатеринбург, 2012. С. 12–42.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Путилова Е. О. Показательная библиотека как центр книжной культуры / Е. О. Путилова // *Вестник Герценовского университета*. 2005. № 5. С. 34.

⁶ Чехов Николай Владимирович (1865–1947) – русский и советский ученый и педагог, деятель образования и историк педагогики. Автор работ по истории и организации народного образования, школоведения, методики преподавания русского языка, автор первого учебника по истории и теории русской детской литературы.

⁷ Материалы по истории русской детской литературы. Вып. 1. М., 1927. С. 10.

⁸ Покровская Анна Константиновна (1878–1972) – русский и советский библиотечный деятель, детский писатель, историк книги и преподаватель. Инициатор создания массовых бесплатных детских читален, организатор курсов библиотекарей для детских библиотек, директор Института детского чтения.

⁹ Арзамасцева И. Н. Подвижники детской литературы. С. 24.

¹⁰ Капица Ольга Иеронимовна (1866–1937) – специалист в области детской литературы и фольклора, профессор Педагогического института дошкольного образования, профессор кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена.

¹¹ Капица О. И. Показательная библиотека детских книг / О. И. Капица // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал, издаваемый при участии Отдела детского чтения Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе М.О.Р.Т.З., издательством при детской библиотеке М. В. Бередниковой. 1913. Год III. № 1 (сентябрь). С. 7.

¹² Привалова Екатерина Петровна (1891–1977) – библиограф, литературовед, специалист по русской, европейской и советской детской литературе, ассистент и доцент кафедры дошкольной педагогики Педагогического института дошкольного образования, организатор и заведующая кафедрой детской литературы в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской.

¹³ Кальвайц Елизавета Иринарховна (?–1948) – заведующая Показательной библиотекой по детскому чтению.

¹⁴ Гребенщикова Е. А. 40 лет деятельности кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена // Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена, фонд ИДО. С. 110–112. Гребенщикова Елизавета Анатольевна – преподаватель кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена, автор учебных пособий по истории дошкольной педагогики.

¹⁵ Привалова Е. П. У истоков / Е. П. Привалова // «Я думал, чувствовал, я жил»: воспоминания о С. Я. Маршаке. М., 1988. С. 207–212.

¹⁶ Гребенщикова Е. А. 40 лет деятельности кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена. С. 111.

¹⁷ ХХХ: Сборник, посвященный тридцатилетию деятельности ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1948. С. 237.

¹⁸ Гребенщикова Е. А. 40 лет деятельности кафедры дошкольной педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена. С. 111–112.

¹⁹ Частично письма О. И. Капицы к А. К. Покровской опубликованы в: Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов / И. Н. Арзамасцева. М., 2003. С. 84–85.

²⁰ Сенькина А. Привалова Екатерина Петровна: [биографическая справка] / А. Сенькина // Детские чтения. 2012. Т. 2. № 2. С. 41.

²² Рубцова Павла Алексеевна (1892–1930) – математик по образованию, создатель одной из лучших на Украине Николаевской центральной детской библиотеки, пионер научной методологии и социологии детского чтения, штатный сотрудник Института детского чтения с 1922 г., руководитель комиссии по рекомендательной библиографии и пополнению детских библиотек.

²³ Рубцова П. А. Что влияет на детские книжные запросы / П. А. Рубцова // Книга детям: двухмесячный журнал, посвященный вопросам детского и юношеского чтения. 1930. № 2–3. С. 17–29.

Т. О. Серебрянникова, М. В. Стегаева, С. И. Шукшин
Цифровая коллекция «Книжные памятники»
в составе электронного фонда Президентской библиотеки
имени Б. Н. Ельцина

Рассматриваются проблемы сохранения, учета и использования книжных памятников как объектов культурного наследия. Охарактеризованы основополагающие документы, регламентирующие деятельность в отношении книжных памятников. Представлен опыт Президентской библиотеки по формированию цифровой коллекции «Книжные памятники Президентской библиотеки».

Ключевые слова: книжные памятники, культурное наследие, цифровые коллекции, Президентская библиотека.

Tatjana O. Serebrjannikova, Maria V. Stegaeva, Sergey I. Shukshin
Digital collection «Book Monuments» as a part of the electronic fund
of the Boris Yeltsin Presidential Library

The problems of preservation, accounting and use of book monuments as objects of cultural heritage are considered. The fundamental documents regulating the activities in relation to book monuments are recharacterized. The experience of the Presidential Library in the formation of the digital collection «Book Monuments of the Presidential Library» is presented.

Key words: book monuments, cultural heritage, digital collections, Boris Yeltsin Presidential Library.

В современных условиях все большее значение приобретает необходимость сохранения рукописных книг, печатных изданий и иных документов, обладающих высокой духовной и материальной ценностью и имеющих большую научную, культурную и историческую значимость. Вопрос о сохранении ценных книг как памятников культуры и истории обсуждался с середины 1980-х гг. В это же время получает распространение термин «книжные памятники», к которым относятся книги и коллекции книг, обладающие качествами ценного историко-культурного объекта. В конце 1990-х гг. было разработано Положение о книжных памятниках Российской Федерации и другие основополагающие документы, регламентирующие деятельность в отношении книжных сокровищ¹.

В 2000 г. была принята Национальная программа сохранения библиотечных фондов России, в рамках которой реализуется специальная подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации». Целью подпрограммы является разработка и реализация единой поли-

тики по отношению к книжным памятникам, обеспечение их учета, сохранности и рационального использования, государственной охраны и юридической защиты наряду с другими видами памятников истории и культуры.

За период реализации подпрограммы «Книжные памятники Российской Федерации» (2001–2010) были заложены основы для выявления, идентификации и учета наиболее ценной части библиотечного фонда страны. В июне 2009 г. был принят Федеральный закон № 119 «О внесении изменений в Федеральный закон „О библиотечном деле“», который ввел в юридический оборот понятие «книжный памятник» и позволил подготовить различные подзаконные акты, регулирующие работу с данным видом культурного наследия на государственном уровне².

С 1 января 2019 г. началась реализация национального проекта «Культура», разработанного в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», в рамках которого планируется поэтапно (по 8 000 ежегодно) оцифровать 48 000 книжных памятников (федеральный проект «Цифровая культура»)³.

Для учета и регистрации книжных памятников ведется Реестр книжных памятников (<https://knram.rusneb.ru/>), который в настоящее время является частью федеральной государственной информационной системы «Национальная электронная библиотека»⁴.

Осуществление масштабной работы по подпрограмме «Книжные памятники» потребовало привлечения к участию всех учреждений и организаций (библиотек, музеев, архивов, научных и учебных заведений), владеющих книжными богатствами. Федеральным центром по работе с книжными памятниками (в том числе, ведение Реестра книжных памятников) является Российская государственная библиотека, осуществляющая свою деятельность совместно с Российской национальной библиотекой, федеральными отраслевыми и ведомственными библиотеками, центральными библиотеками субъектов РФ. Таким образом, библиотеки в тесном взаимодействии с федеральным центром способствуют выявлению, идентификации и описанию книжных памятников, являясь проводниками государственной политики сохранения культурного наследия.

Президентская библиотека, являющаяся одной из трех национальных библиотек Российской Федерации и интегрирующая в цифровой форме культурное наследие страны, также активно ведет работу по выявлению, изучению, обеспечению сохранности и организации доступа книжных памятников в цифровой среде.

Одним из направлений деятельности Президентской библиотеки в этой области является формирование цифровой коллекции «Книжные памятники Президентской библиотеки» (<https://www.prlib.ru/collections/1307365>).

В коллекцию входят избранные книжные памятники из собрания редких книг XVI–XX вв., переданного в дар Президентской библиотеке в мае 2009 г. Большая часть данного собрания уникальна, многие документы обладают признаками книжных памятников, выявленных на основе хронологических критериев. В настоящее время в составе коллекции выявлено 170 экземпляров изданий, среди которых: иностранные (западноевропейские) издания до 1700 г., издания кирилловского шрифта XVIII в., отечественные издания гражданского шрифта XVIII в., отечественные издания гражданского шрифта 1800–1830 гг.

Наибольшую ценность представляют входящие в состав коллекции старопечатные издания, среди которых можно выделить одно из лучших иллюстрированных изданий XVII в. – Библию в переводе Мартина Лютера, изданную в 1672 г. в Люнебурге (Германия); образцы кирилловской печати (например, «Патерик», напечатанный в типографии Киево-Печерской лавры в середине XVIII в.); книги Петровского времени (например, четвертое издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1721 г.)⁵.

В коллекции представлены экземпляры из книжного собрания императрицы Марии Федоровны, второй супруги Павла I; коронационные альбомы, посвященные торжествам в честь вступления на престол Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II.

Среди лучших образцов художественного оформления и иллюстрирования в коллекции представлены уникальные экземпляры переплетного мастерства, при изготовлении которых использовались самые разнообразные материалы: кожа, бархат, шелк, металл. Например, это переплеты, выполненные лучшими мастерами переплетного искусства, такими как А. А. Шнель, Н. П. Хитров, З. М. Тарасов, О. Ф. Кирхнер и др.

В числе раритетов коллекции – первые или прижизненные издания русских классиков, а также экземпляры изданий, принадлежавшие к ранее существовавшим книжным собраниям известных учреждений и организаций, выдающихся общественных и государственных деятелей, деятелей науки и культуры.

На первом этапе формирования коллекции «Книжные памятники Президентской библиотеки» были оцифрованы наиболее ценные эк-

земляры – иностранные издания XVI–XVII вв. и отечественные издания гражданского шрифта XVIII в. – 1830 г. Информационные ресурсы коллекции размещены в соответствующих тематических разделах:

- Иностранные (западноевропейские) издания до 1700 г.;
- Отечественные издания гражданского шрифта XVIII в.;
- Отечественные издания гражданского шрифта 1801–1830 гг.

Среди иностранных изданий XVI–XVII вв. представлены в основном воспоминания иностранцев о России, в частности – книга «Записки о делах Московитских» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*. Basileae, [1551]) на латинском языке, написанная в 1549 г. бароном Сигизмундом фон Герберштейном, дипломатом Священной Римской империи, и обогатившая европейскую литературу первым подробным описанием Московского государства, а также издание «Путешествия и странствия послов, отправленных Фридрихом, Герцогом Голштинским, к Великому Герцогу Мусковии и Королю Персидскому, начатые в годы 1633 и оконченные в год 1639» (*The Voyages and travells of the ambassadors ...*. 2d ed. London, 1669), содержащее полную историю Мусковии, Тартарии, Персии и прочих сопредельных стран, и иллюстрированное разными точными картами и рисунками.

В этом же разделе содержится упоминавшееся выше издание перевода Библии на немецкий язык Мартином Лютером (*Biblia, Das ist: Die gantze Heilige Schrifft Alten und Newen Testaments, Deutsch, D. Martin Luther. Lüneburg, [1672]*). В книгу входят 155 больших гравюр, исполненных по рисункам немецкого художника Маттиаса Шейтса граверами: Мельхиором Куселем, Георгом Андреасом Вольфгангом Старшим, Иоахимом фон Зандрартом, Корнелиусом Виссхером и другими. Экземпляр Президентской библиотеки имеет уникальный по красоте и сохранности переплет, обе крышки и корешок которого выполнены из позолоченного металла с очень тщательной, до мельчайших деталей, чеканной проработкой с изображением различных библейских сцен.

В раздел «Отечественные издания гражданского шрифта XVIII в.» включены описания коронаций (например, коронационный альбом Елизаветы Петровны – «Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейша, державнейша великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года». Санкт-Петербург, 1744), описания путешествий («Записка путешествия генерала фелдмаршала российских войск, ... графа Бориса Петровича Ше-

реметева ... в европейския государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Малтийский остров». Москва, 1773), различные переводы, в частности – книга французского гуманиста, иезуита и масона Франсуа-Антуана Помея «Храм всеобщаго баснословия» (Москва, 1785), которая считается одним из лучших мифологических словарей своего времени и была переведена на русский язык известным переводчиком и литератором Иваном Ивановичем Виноградовым; шесть томов издания «Записки, надлежащая до истории, наук, художеств, нравов, обычаев, и проч. китайцев, сочиненная проповедниками веры христианской в Пекине» (Москва, 1786–1788); «Полной французской и российской лексикон», представляющий собой перевод на русский язык известного Словаря Французской академии (Dictionnaire de l'Académie Française. 4-me éd. Т. 1–2. Paris, 1762).

Отечественные издания гражданского шрифта 1801–1830 гг. представлены научными историческими трудами, среди которых можно отметить «Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова» (Ч. 1–6. Санкт-Петербург, 1803–1804), сочинение французского священника и историка, члена Французской академии Клода Франсуа Ксавье Милло «Всеобщая древняя и новая история от начала мира до настоящего времени» с присовокуплением Атласа древней географии (Ч. 1–12. Москва, 1819–1820); художественными произведениями (например, редкое издание «Дух великаго Суворова, или Анекдоты подлинныя о князе италийском графе Александре Васильевиче Суворове Рымникском» (Санкт-Петербург, 1808), запрещенное по приказу Александра I; «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским» (Ч. 1–6. Москва, 1810–1815); экземпляр редкого издания пушкинской эпохи – сборник цитат и отрывков из произведений Н. М. Карамзина, составленный русским писателем и переводчиком Николаем Дмитриевичем Иванчиным-Писаревым «Дух Карамзина, или Избранныя мысли и чувствования сего писателя» (Ч. 1–2. Москва, 1827), а также церковной литературой («Полный христианский месяцеслов всех святых», изданный в Синодальной типографии (Москва, 1818) и принадлежавший известному русскому хирургу и анатому XIX в. Илье Васильевичу Буяльскому, который на страницах книги делал пометки, в том числе об исторических событиях своего времени: о покушении на Александра II, о самом крупном наводнении в Санкт-Петербурге 1824 г.

Материалы в разделах коллекции представлены в хронологии выхода документов в свет. Пользователь имеет возможность просмотреть

описание ресурса и, непосредственно, цифровую копию самого книжного памятника⁶. Высокое качество сканирования позволяет в мельчайших деталях рассмотреть уникальные особенности документов, отраженные в книговедческой характеристике экземпляра (например, владельческие знаки, пометы, надписи, подписи, автографы, штампы, элементы оформления, материал, переплет, сохранность и др.).

С 2020 г. книжные памятники, выявленные в составе фонда Президентской библиотеки, регистрируются в Реестре книжных памятников. С этой целью в библиотеке создан экспертный совет по книжным памятникам для проведения экспертизы документов на предмет их соответствия критериям отнесения к книжным памятникам и присвоения им статуса книжного памятника.

Цифровая коллекция размещена на интернет-портале Президентской библиотеки в разделе тематических коллекций. В настоящее время в нее включены 56 книжных памятников и пополнение коллекции будет продолжаться.

Таким образом, цифровая коллекция «Книжные памятники Президентской библиотеки» позволит обеспечить сохранность книжных памятников как особо ценной части национального библиотечного фонда и предоставить доступ к уникальному культурному наследию России.

Примечания

¹ О формировании государственной политики в области сохранения библиотечных фондов как части культурного наследия и информационного ресурса страны: Приказ М-ва культуры Рос. Федерации от 22.06.1998 № 341 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901719606?marker=7DC0K7> (дата обращения: 15.01.2022); Проблемы сохранения книжных памятников Российской Федерации // Российская государственная библиотека: офиц. сайт. [2011]. URL: <https://olden.rsl.ru/ru/s6/s406/s4064732> (дата обращения: 18.01.2022); Жабко Ш. С. К проблеме учета книжных памятников на национальных языках / Ш. С. Жабко // Книжные памятники в цифровой среде: сб. науч. тр. (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронная библиотека»; вып. 10). С. 73–80.

² Итоги реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации, 2001–2010 гг. / С. А. Добрусина, А. Ю. Самарин, И. П. Тикунова [и др.]. [2011]. URL: <http://nlr.ru/news/20110401/itogi.pdf> (дата обращения: 18.01.2022); Федеральный закон от 22.12.2020 № 463–ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О библиотечном деле“ в части совершенствования порядка государственного учета книжных памятников» // Официальный интернет-портал правовой информации. [2020]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220093> (дата обращения: 18.01.2022).

³ Самойленко Н. Ю. Книжные памятники в Национальном проекте «Культура» // Российская национальная библиотека: сайт. [2019]. URL: http://nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA2032/NA15016.pdf (дата обращения: 18.01.2022).

⁴ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 30.12.2020 № 1780 «Об утверждении Положения о реестре книжных памятников» // Официальный интернет-портал правовой информации. [2020]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101250028?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 18.01.2022); НЭБ. Книжные памятники: [сайт] // Национальная электронная библиотека: [портал]. [2020–]. URL: <https://kp.rusneb.ru/> (дата обращения: 21.01.2022).

⁵ Нужина Н. А. Коллекция редких книг Президентской библиотеки / Н. А. Нужина // Книжные памятники в цифровой среде: сб. науч. тр. (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронная библиотека»; вып. 10). С. 149–170.

⁶ Серебрянникова Т. О., Стегаева М. В. Коллекции Президентской библиотеки как форма организации информационных ресурсов / Т. О. Серебрянникова, М. В. Стегаева // Сахаровские чтения–2017: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2017. С. 126–128.

А. В. Засыпкин

Фонд редкой книги в культурно-просветительской деятельности библиотеки

Раскрывается взаимодействие содержания, оформления редкой книги и культурно-просветительской деятельности на примере работы ЦГБ им. А. И. Герцена г. Твери. Автор характеризует и анализирует возможности использования данного взаимодействия в проектной и клубной деятельности библиотеки, экспонировании в Музее книги и т. д.

Ключевые слова: редкая книга, фонд редкой книги, культурно-просветительская деятельность, музей книги.

Aleksei V. Zasyplin

Rare Book Fund in the cultural and educational activities of the library

Reveals the interaction of the content, design of a rare book and cultural and enlightenment activities on the example of the work of the A. I. Herzen Central City Library in Tver. The author characterizes and analyzes the possibilities of using this interaction in the project and club activities of the library, exhibiting books in the Museum, etc.

Key words: rare book, rare book found, cultural and enlightenment activities, museum of a book.

Основа любой библиотеки – книжный фонд, при этом ни одна современная библиотека не мыслима без культурно-просветительской деятельности. Культурно-просветительская деятельность конкретной библиотеки непосредственно связана с книгами, которые хранятся в фонде этой библиотеки. Особый интерес вызывает участие в этом взаимодействии редких книг. Как правило, фонд редкой книги, который есть практически в каждой публичной библиотеке, ударно вовлечен в культурное просвещение читателей, ведь он обогащает культурно-просветительскую деятельность особыми документами в качестве наглядного материала и информативной базы.

Существует множество трактовок понятия «редкая книга», однако четкого определения до сих пор нет, что затрудняет работу библиотечарей. Анализируя опыт деятельности библиотек страны и специальную литературу, можно заметить, что понятие «редкая книга» часто тождественно понятию «книжный памятник», в большинстве случаев эти определения используются исследователями как синонимы. В 2003 г. Т. В. Зайцева в своей кандидатской диссертации «Региональные фонды редких книг: организация и функционирование»

рассматривает редкие книги как документы безотносительно их места хранения, а термин «книжные памятники» – как охраняемые законодательством документы¹. Разработанный РГБ национальный стандарт фиксирует критерии выявления книжных памятников, используя терминосистему по ГОСТ 7.1, ГОСТ 7.11, ГОСТ 7.0.20, ГОСТ 7.60². Определение «редкая книга» в них отсутствует, поэтому является ли книжный памятник и редкая книга синонимами – вопрос открытый.

Основные выводы нашей статьи основаны на опыте работы ЦГБ им. А. И. Герцена города Твери, в которой выделен фонд редкой книги, на данный момент насчитывающий более 6000 изданий. В нем книга определяется как «редкая» на основании установленных ученым советом библиотеки критериев, по которым сотрудники Отдела редкого фонда ее выявляют, обрабатывают и сохраняют.

Выделено три основных принципа отбора, самый распространенный – хронологический. Книги, выделенные по хронологическому принципу, должны быть изданы не позднее 1945 г. Они в свою очередь тоже разделены: дореволюционные издания (до 1917 г.), довоенные (1918–1941 гг.), книги военного времени (1941–1945 гг.).

По видовому принципу книги объединены в коллекции: «Краеведение», «Детское чтение», «С автографом на память», «Самиздат», а также «Владельческие» – коллекции людей, которые внесли вклад в науку, культуру, а их личные библиотеки представляют культурную ценность.

Следующий принцип – форматный, если книга попала в фонд по этому принципу, значит, она или очень большая, или очень маленькая, кроме того, оформление ее может быть настолько оригинальным или прекрасно исполненным, что она тоже становится редкой. Издания, отобранные по форматному принципу, попадают в коллекции «Полиграфическое оформление» или «Миниатюрные издания»³.

В Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки входит понятие «культурно-просветительская деятельность библиотеки» – это деятельность, направленная на повышение уровня образования, культуры пользователя услуг библиотеки, его интеллектуальное, духовное развитие и социализацию⁴. Культурно-просветительская деятельность библиотеки разнообразна по форме, содержанию и зависит от направления библиотеки, ее типа, вида, особенностей региона и т. д. Как правило, она непосредственно связана с книгой, которая хранится в фонде этой библиотеки.

Редких книг в библиотеках значительно меньше, чем тех изданий, которые составляют основную часть фонда, однако именно они наиболее часто используются при проведении мероприятий, в кото-

рых фигурируют исторические темы. Например, в ЦГБ им. А. И. Герцена г. Твери часы памяти, уроки мужества, посвященные Великой Отечественной войне с привлечением книги, изданной в военные годы, уже являются вовлечением редкой книги в культурно-просветительскую деятельность библиотеки, в данном случае по хронологическому принципу. Следовательно, если просветительское мероприятие исторической направленности раскрывает события начала XX в. и более ранние, а в нем используется книга или ее содержание из описываемой эпохи, то это – редкая книга в культурно-просветительской деятельности. Правда, нужно иметь в виду, что некоторые книги из редкого фонда затруднительно эксплуатировать в мероприятии непосредственно, по причине их неудовлетворительного состояния в силу возраста издания или (например, книги военного времени) низкого качества бумаги. Проблема решается путем сканирования ветхих изданий.

Необязательно ограничиваться возрастом книги и исторической тематикой, чтобы наблюдать рассматриваемое нами взаимодействие. Презентация издания современного автора – пример культурно-просветительской деятельности с привлечением редкой книги. Ведь, как правило, автор подписывает свое творение в дар библиотеке или библиотекарю, и такая книга становится частью коллекции редкого фонда «С автографом на память».

Приводя примеры использования редкой книги в культурно-просветительской деятельности, не стоит забывать, что одна из самых распространенных форм данной деятельности в библиотеке – экспонирование. Редкую книгу на выставках часто используют библиотекари. В крупных библиотеках миссия экспонирования возложена на музеи книги, отражающие историю книжного дела. В качестве структурных подразделений они функционируют в таких библиотеках, как: РГБ, ГПНТБ СО РАН, Курганская ОУНБ им. А. К. Югова, Зональная НБ Воронежского государственного университета, ЦГБ г. Невинномыска (Ставропольский край) и т. д.

Однако есть библиотеки, в которых музеи книги не выделены в структурные подразделения. Например, Музей книги Нижегородской ОУНБ им. В. И. Ленина открыт в 2007 г. при Отделе редких книг и рукописей⁵. Музей книги ЦГБ им. А. И. Герцена г. Твери открыт в 2013 г. при Отделе организации и использовании фондов, а в 2019 г. вошел в состав Отдела редкого фонда (Музей книги)⁶. В таком статусе он находится и сегодня и отражает не только историю книжного дела, но и историю литературы, живописи, театра, кино, военную историю и т. д.

Музей книги в библиотеке является связующим звеном между редкой книгой и культурно-просветительской деятельностью.

С июня 2019 по январь 2021 гг. в МБС г. Твери, а также на площадках социальных партнеров, проходила реализация социально-культурного проекта по военно-историческому просвещению с использованием редкой книги «История русских битв»⁷. Проведен цикл мероприятий, включающий познавательные часы, уроки мужества, часы памяти, кинолектории, цикл экскурсий по книжным выставкам в Музее книги, на основе которых выпущены тематические рекламные материалы.

С 2021 г. стартовали сразу 2 социально-культурных проекта, в которые изначально заложено взаимодействие редкой книги и культурно-просветительской деятельности.

«Буря и натиск» – проект по культурно-историческому просвещению, освещающий литературные произведения идейно-художественного направления «романтизм», представленные в изданиях редкого фонда. Его реализация проходит посредством лекций и экскурсий в Музее книги, компилятивных фильмов, библиографических обзоров и статей на сайте МБС и социальных сетях⁸.

«Отражение минувших лет» – проект, в полной мере раскрывающий для читателей сокровища книжных коллекций фонда редкой книги. Для реализации проекта в Музее книги проводятся экскурсии по книжным выставкам, название которых начинается всегда одинаково: «Коллекции редкого фонда: библиотека г. И. Кизеля», «Коллекции редкого фонда: библиотека А. В. Гончаровой» или «Коллекции редкого фонда: с автографом на память» и т. д.⁹ На основе содержания экскурсий библиотека издает информационные буклеты¹⁰.

Одна из задач проекта – съемка видеоэкскурсии по каждой выставке, размещение ее на сайте МБС г. Твери и в социальных сетях. Такую форму библиотекари освоили во время пандемии – с марта 2020 г. культурно-просветительская деятельность библиотеки переместилась преимущественно в виртуальное пространство. В данном случае видеоэкскурсия включает кадры с экскурсоводом и экспозицией, которые сменяют визуальная информация по созданию и содержанию книг (портрет автора, иллюстрации и т. д.), сканы самих изданий. Видеоряд сопровождает голос библиотекаря.

Помимо видеоэкскурсии библиотекари ОРФ во время пандемии освоили и другие виртуальные формы культурно-просветительской деятельности. Большой популярностью среди читателей, о чем свидетельствует статистика в социальных сетях, пользуются компилятивные

фильмы – переработанные и адаптированные мероприятия под видеоформат. Они подразумевают компиляции из: фотографий, сканов репродукций, обложек книг – составляется в «Microsoft PowerPoint», в «Canva» или в любом другом приложении для оформления презентаций. После этого при помощи программы для записи экрана, например, «Bandicam», эта «смесь» превращается в видео. Далее добавляются эпизоды, снятые библиотекарями, на заданную тему, а также отрывки из документальных и художественных фильмов. Компиляцию сопровождает анимация, в рамках возможностей того или иного видеоредактора, в нашем случае – от компании «Movavi», и звуковой фон: музыка, имитация естественных и искусственных звуков, устное повествование библиотекарей, заранее записанное и обработанное в аудиоредакторе, сотрудники ОРФ применяют «WavePad». В компилятивных фильмах часто при написании сценария используется содержание редких книг, а для визуализации – их сканы.

Кроме того, виртуальную адаптацию получили обзоры информационных буклетов по книжным выставкам; созданы видеоэкскурсии в Музее книги в рамках проекта «История русских битв»¹¹; поставленные библиотекарями спектакли, в которых фигурирует редкая книга, адаптированы под видеоформат: «Веселый Пушкин» поставлен по одноименному сборнику забавных историй и стихотворений тверского драматурга В. Н. Бабковского, который хранится в редком фонде в коллекции «С автографом на память», или «Жених и папенька» – по рассказу А. П. Чехова, напечатанному в дореволюционном издании¹²; в практику вошла такая форма как видеовстреча или «культпрос»¹³, который подразумевает беседу со специалистом, имеющим напечатанные публикации в области науки или культуры, их автографы – гарантия того, что издание попадет в фонд редкой книги.

Начиная с лета 2020 г., ОРФ на постоянной основе публикует библиографические обзоры по изданиям из редкого фонда. Помимо библиографического описания они включают сканы обложек, титульных листов, самых интересных и ярких, на взгляд библиотекарей, страниц. Была представлена старейшая книга фонда «Жития святых: Четьи-Минеи» (предположительно, 1782 г. и.); «Записки революционера» Петра Алексеевича Кропоткина (1906 г. и.) и т. д. В рамках работы по оцифровке редких изданий, ведущейся с 2020 г., создана и представлена на сайте библиотеки электронная версия очерка, изданного в 1942 г. за авторством Ю. Нейман «Калининцы», повествующего о молодых ребятах, борющихся с врагом в оккупированном г. Калинин¹⁴.

Культурно-просветительская деятельность Музея книги активно вовлечена в клубную жизнь библиотеки. В Музее или на других площадках библиотеки проводятся лекции, посвященные изданиям из редкого фонда, круглые столы и презентации, в рамках которых библиотека пополняется редкими книгами, на заседаниях Тверского клуба краеведов, Библейско-богословского лектория «Михайловские Чтения», литературно-поэтического объединения «Роса», киноклуба «Начало» и т. д.

Книжные подарки социальных партнеров библиотеки также попадают в редкий фонд, а из него – в музей. В качестве примера можно привести книгу «Имена героев на карте России», которую в мае 2021 г. Управление Росреестра по Тверской области передало в дар фонду библиотеки. В издание вошла информация о более чем 30 географических объектах РФ, названных в честь героев. В Тверской области всего 3 экземпляра, и об одном из них библиотекари ОРФ будут рассказывать в Музее, осуществляя тем самым культурно-просветительскую деятельность посредством редкой книги.

Музей книги регулярно посещают люди с ограниченными возможностями здоровья. На постоянной основе проводятся специальные экскурсии для людей с особыми психофизическими отклонениями – участников клуба «Родничок»; для участников Тверского регионального отделения ОООИ ВОГ сотрудниками Отдела редкого фонда проводятся виртуальные экскурсии и познавательные часы, адаптированные библиотекарями-сурдопереводчиками для людей с ограниченными возможностями слуха¹⁵.

Сегодня едва ли возможно представить культурно-просветительскую деятельность библиотеки без вовлечения в нее фонда редкой книги. Библиотека не существует вне контекста истории города, государства, планеты, и благодаря редкой книге любое событие прошлого, воплощенное в мероприятии, оживает. Оживает мероприятие, если в нем использовано издание с автографом – появляется эффект присутствия автора. Издания, прекрасно полиграфически исполненные, обогащают мероприятия эстетически.

Наибольшее взаимодействие культурно-просветительской деятельности и редкой книги наблюдается в библиотеках, в наличии которых присутствует Музей книги – их связующее звено и «изюминка». ЦГБ им. А. И. Герцена г. Твери не собирается останавливаться на достигнутом – фонд редкой книги постоянно пополняется, редкие книги обрабатываются и оцифровываются, а сотрудники Отдела редкого фонда (Музей книги) продолжают разрабатывать мероприятия и проекты.

Примечания

¹ Зайцева Т. В. Региональные фонды редких книг: организация и функционирование: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» / Т. В. Зайцева. СПб., 2003. 20 с.

² Национальный стандарт Российской Федерации // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200175699> (дата обращения: 22.04.2022).

³ Отдел редкого фонда (Музей книги) // Муниципальная библиотечная система города Твери. URL: <https://www.mbstver.ru/biblioteki/czentralnaya-gorodskaya-bibliotekaim/otdel-redkogo-fonda-muzej-knigi/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420364098> (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ Туралина Н. А. Особенности формирования и использования фонда редких книг в современной библиотеке / Н. А. Туралина, Я. В. Новицкая, Ж. Б. Грачева; Белгородский государственный институт искусств и культуры // Вестник науки и творчества. Белгород, [2020]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-ispolzovaniya-fonda-redkih-knig-v-sovremennoy-biblioteke/viewer> (дата обращения: 22.03.2022).

⁶ Отдел редкого фонда (Музей книги)...

⁷ Перова А. Тверь: Исторические встречи / А. Перова // Служу закону. 2019. № 10. С. 14.

⁸ Засыпкин А. В. Дистанционный доступ к контенту музеев, архивов, библиотек: приоритеты, достижения, ограничения на примере работы ОРФ (Музей книги) ЦГБ им. А. И. Герцена г. Твери / А. В. Засыпкин // Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции «Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций». Санкт-Петербург: ЦГПБ им. В. В. Маяковского. 2021. С. 173.

⁹ Отражение минувших лет // Библиотека имени А. И. Герцена ВКонтакте. 2021. URL: https://vk.com/video/playlist/-35066524_52860512 (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁰ Засыпкин А. В. Дистанционный доступ к контенту музеев... С. 174.

¹¹ История русских битв // Муниципальная библиотечная система города Твери: официальный сайт. 2020. URL: <https://www.mbstver.ru/glavnaya/chitatelyu/istoriya-russkih-bitv/> (дата обращения: 25.04.2022).

¹² Засыпкин А. В. Дистанционный доступ к контенту музеев... С. 172.

¹³ Культпрос // Библиотека имени А. И. Герцена ВКонтакте. 2021. URL: https://vk.com/video/playlist/-35066524_52860513?section=playlist_52860513 (дата обращения: 26.04.2022).

¹⁴ Электронная библиотека МАУ МБС // Муниципальная библиотечная система города Твери: официальный сайт. 2020. URL: <https://www.mbstver.ru/glavnaya/elektronnaya-biblioteka/> (дата обращения: 10.04.2022).

¹⁵ Сергеева Н. Книги как свидетели прошлого / Н. Сергеева // В едином строю. 2021. № 1. С. 15.

Н. В. Пономарева

**Указатели содержания сериальных изданий:
уроки библиографирования**

Указатели содержания сериальных изданий раскрывают информацию, рассеянную в журналах, сборниках научных конференций и научных статей. Данная информация может носить актуальный историко-библиографический, научно-исследовательский, книговедческий характер. Особенности библиографирования сериальных изданий рассматриваются на примере трех указателей содержания: «Библиография», 1992–2008 гг., «Информационный бюллетень РБА», №№ 1–50 и «Труды БАН и ФБОН», 1948–1961 гг.

Ключевые слова: указатели содержания сериальных изданий, библиографирование содержания изданий, Библиотека Российской академии наук.

Nina V. Ponomareva

Serial Content Indexes: bibliography lessons

Indexes of the content of serial publications reveal information scattered in journals, collections of scientific conferences and scientific articles. It can be relevant, like annual indexes of the content of journals, or be of a historical-bibliographic, scientific-research, bibliological nature. Features of bibliography of serial publications are considered on the example of three content indexes: «Bibliography», 1992–2008, «Information Bulletin of the RBA», Nos. 1-50 and «Proceedings of the BAN and FBON», 1948–1961.

Key words: indexes of the content of serial publications, bibliography of the content of publications, Library of the Russian Academy of Sciences.

Указатели содержания периодических и продолжающихся изданий (в современной терминологии – сериальных изданий) известны еще с XVIII в.¹ Однако попытки найти определение этого понятия (в стандартах, учебниках, справочниках библиографа), его место в видовой классификации библиографических пособий (в учебниках О. П. Коршунова, И. Г. Моргенштерна, видовых классификациях Г. Н. Швецово-Водки и Ю. Чепите) не увенчались успехом. Об этом писал еще в 1988 г. Эдуард Лазаревич Призмент: <...> «дефиниции этого типа указателей не удается обнаружить ни в зарубежных, ни в отечественных специальных терминологических и толковых словарях. Этого термина нет ни в „Словаре книговедческих терминов“ Е. И. Шамурина, ни в „Словаре издательских терминов“ 1983 года, ни в энциклопедическом словаре „Книговедение“, ни в „Словарном указателе по книговедению“ А. В. Мезьер. Не упоминает его и Л. Б. Хавкина в единственной отечественной

работе, касающейся проблем составления указателей к журналам (см. Составление указателей к содержанию книг и периодических изданий. М.: Л., 1931)»². Этот перечень можно продолжить целым рядом учебников, справочников, словарей и стандартов, вышедших после 1988 г., в которых данная дефиниция продолжает отсутствовать.

То же самое можно сказать и о методике составления указателей содержания. После упомянутой работы Л. Б. Хавкиной методика их составления не рассматривали ни в ставшей классической работе М. А. Брискмана и М. П. Бронштейн³, ни в одном из выпусков «Справочника библиографа». Таким образом, составители указателей содержания сериальных (периодических и продолжающихся) изданий в своей работе ориентируются на предыдущие доступные им работы, что совершенно не способствует оптимальным решениям составителей в процессе подготовки указателей содержания сериальных изданий. Учитывая, что указатели содержания сериальных изданий остаются востребованными пользователями и продолжают создаваться как библиографами, так и специалистами других областей деятельности, одной из важных теоретических задач становится решение терминологических задач и определение места указателей содержания в видовой классификации библиографических пособий. С методической точки зрения, наущно необходимо изучение и обобщение опыта подготовки указателей содержания сериальных изданий и создание методических материалов по составлению такого рода библиографических пособий.

Сектор библиотековедения, как составная часть Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения БАН, участвовал в подготовке ряда указателей, в том числе указателей содержания сериальных изданий. Среди них: «Библиография»: указ. содержания журнала, 1992–2008 гг., «Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР»: указатель содержания, 1948–1963 гг. (Труды БАН и ФБОН)⁴ и готовящийся к изданию указатель содержания «Информационного бюллетеня РБА» (№№ 1–50). Некоторыми соображениями, возникшими в ход этой работы, и хотелось бы поделиться.

В статье Н. К. Леликовой (см. 1) в качестве одной из проблем библиографирования материалов из сериальных изданий указывается наличие в журналах и сборниках кратких сообщений, часто озаглавленных «Хроника», «Курьер» и др., в которых представлены актуальные события, не получившие полноценного освещения на страницах этих изданий. В нашем случае, такие материалы имелись в журнале

«Библиография» и сборнике «Труды БАН и ФБОН». Принятое решение отражать эти материалы оказалось весьма целесообразным. Это несколько увеличило объем указателя, но в поле зрения библиографов и специалистов оказалась ценная информация, позволяющая полнее представить жизнь библиотечно-библиографического сообщества в определенный хронологический период. В журнале «Библиография» эта информация раскрывается в виде сообщений о прошедших в различных регионах страны конференциях, семинарах, чтениях, выставках; о подготовке новых учебных и учебно-методических материалов, введении новых курсов в системе высшего и среднего библиотечного образования; о выходе в свет новых научных, библиографических, справочных, методических изданий; о создании при библиотеках и вузах центров правовой информации и информационно-культурных центров («Русская эмиграция» при СПбГУКИ); о проведении конференций РБА и совещаний директоров научных, специализированных и др. библиотек. Эти материалы представлены в журнале под рубрикой «Курьер». В «Трудах БАН и ФБОН» такая информация представлена под рубрикой «Хроника» и расположена в конце каждого сборника. По объему она занимает от 2 до 11 страниц. Если в первом сборнике информация собирается под наименованием библиотек, то в последующих выпусках «Трудов» она располагается вне зависимости от библиотеки по степени ее значимости. Здесь также представлена информация о подготовке и выходе в свет новых библиографических пособий, о совещаниях и конференциях сотрудников и директоров академических библиотек и даже их читателей. Особенно ценными являются материалы, связанные с реорганизациями библиотек, открытием новых отделов и секторов (прежде всего, в ФБОН), что позволяет проследить формирование современной структуры двух крупных научных библиотек. Большое внимание в «Хронике» уделяется международным контактам: посещениям БАН и ФБОН зарубежными специалистами и поездкам представителей данных библиотек в библиотеки других стран мира.

Сочтя эти материалы ценными для исследователей библиотечно-библиографической деятельности, составители приняли решение отразить их в указателях содержания соответствующих изданий. Для каждого материала из «Хроники» или «Курьера» были сформулированы заглавия, заключенные в квадратные скобки (в соответствии с требованиями действовавшего тогда ГОСТ 7.1–2003). Получившиеся полноценные библиографические записи были размещены в соответствующих делениях структуры указателя содержания журнала и сборника после отражения основного материала деления под рубрикой

соответственно «Курьер» или «Хроника». В рубрике «Курьер» они расположены в хронологическом порядке, в «Трудах БАН и ФБОН» – под рубрикой «Хроника» в алфавитном.

При подготовке указателей содержания сериальных изданий возникает еще одна проблема, о которой следует упомянуть. Как правило, указатели содержания составляются в виде библиографических указателей с систематической группировкой записей, а для поиска материалов определенного автора снабжаются вспомогательными именными указателями. В именных указателях не раскрываются инициалы и не указываются сведения об авторах: место работы, должность, ученые степени и звания и др. Если речь идет об указателях содержания современных сериальных изданий, большой необходимости в этих сведениях не возникает, так как имеются справочники типа «Кто есть кто», в том числе и в библиотечно-информационной сфере, а обратившись к публикации можно найти эти сведения либо сразу после указания автора статьи (например, в журнале «Библиотекословесие»), либо в рубрике «Наши авторы» (в журнале «Библиография»). Сборники научных трудов и материалы конференций сопровождаются «Сведениями об авторах». Однако, составители указателя содержания «Трудов БАН и ФБОН» столкнулись с более сложной ситуацией. Желая представить состав сотрудников каждой из библиотек, публиковавших свои материалы в сборниках «Трудов БАН и ФБОН», составители обнаружили, что сведения об авторах «Трудов» в сборниках отсутствуют. Выявить сотрудников БАН, благодаря наличию «Биографического словаря сотрудников Библиотеки Российской академии наук»⁵, изданному благодаря бывшему тогда директором (ныне – научный руководитель БАН) В. П. Леонову, оказалось совсем несложно. Главные проблемы ожидали в части составления списка «Сотрудники Фундаментальной библиотеки Академии наук СССР». В связи с отсутствием полного имени и отчества в сборниках «Трудов», идентификация сотрудников ФБОН оказалась сильно затруднена. Существовал ряд имен, таких как К. Р. Симон, или Г. Г. Кричевский, которые в поиске сведений о них не нуждались. Часть сведений о сотрудниках ФБОН удалось найти через Интернет или в результате изучения сборников воспоминаний, изданных к юбилеям ИНИОН. Некоторые сведения о сотрудниках ФБОН были выявлены, благодаря их публикациям в издаваемых журналах (таких, как «Библиография»). Даже непосредственное обращение к нынешним сотрудникам ИНИОН положительных результатов не принесло. В современной ситуации архивы ИНИОН практически не функционируют. Таким образом, осталось несколько лиц, сведения о которых так и не

были найдены. В ходе работы над списками сотрудников БАН и ФБОН выявился ряд имен, не имеющих отношение к заявленным организациям. Они представлены в третьем списке сотрудников других организаций, сведения о которых также выявлялись различными способами. Например, сведения о А. М. Соркине составителям предоставил А. В. Соколов, которому в предисловии выражена благодарность. Было принято методическое решение указать напротив фамилий лиц, сведения о которых обнаружить не удалось, пометку «сведения отсутствуют».

Существенную помощь в уточнении сведений об авторах публикаций могут оказать составители и редакторы журналов и сборников. Так, при составлении указателя содержания журнала «Библиография», часть псевдонимов и криптонимов была раскрыта благодаря участию в подготовке этого указателя ответственного секретаря журнала Г. Г. Алексеевой. Такую же роль в уточнении сведений об авторах публикаций в «Информационном бюллетене РБА» сыграла его редактор М. А. Шапарнева.

Ситуация с выявлением сведений об авторах «Трудов БАН и ФБОН» обращает нас вновь к вопросу библиотечной биографики. Людям, профессионально занимающимся поиском информации, недостойно не иметь сведений о своих коллегах, прошлых и настоящих. Идеальным вариантом было бы как минимум крупным научным библиотекам иметь биографические словари своих сотрудников, по примеру БАН. Чтобы последующим составителям библиографических пособий и исследователям в библиотечно-информационной сфере не приходилось тратить титанические усилия в поиске сведений о своих коллегах – библиотекарях и библиографах.

Примечания

¹ Леликова Н. К. Указатели содержания русских журналов и продолжающихся изданий: проблемы выявления и библиографирования / Н. К. Леликова // Проблемы библиографирования содержания периодических и продолжающихся изданий России XVIII–XX века: сб. статей: к 100-летию со дня рождения Владимира Эммануиловича Богграда / Рос. нац. б-ка, С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2017. С. 55–64.

² Бирюкова М. Э., Призмент Э. Л. Указатели содержания журналов / М. Э. Бирюкова, Э. Л. Призмент // Совет. Библиогр. 1988. № 4. С. 15.

³ Брискман М. А., Бронштейн М. П. Основы методики составления библиографических указателей: учеб. пособие по общему курсу библиографии / М-во культуры РСФСР, Ленингр. Гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Изд. 2-е. Л., 1974. 87 с.

⁴ «Библиография»: указ. содержания журнала, 1992–2008 гг. / Рос. кн. палата, Библиотека Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка; [сост.: О. А. Булдина [и др.]; редкол.: Р. А. Айги-

стов (пред.) [и др.]; отв. ред. Н. К. Леликова, Н. В. Пономарева; авт. вступ. ст. В. П. Леонов, Н. К. Леликова]. М.: Бук Чэмбэр Интернэшнл, 2010. 447 с.; Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР: указатель содержания, 1948–1963 / Б-ка Рос. акад. наук; сост.: М. Г. Бокан, А. С. Вешкурцева, Т. Б. Маркова, Н. В. Пономарева (отв. сост.); отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб., 2022. 60 с.

⁵ Великая Россия: рос. биогр. энцикл. / под ред. А. И. Мелуа. СПб.: Гуманистика, 2009– . Т. 13. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 1. А – Пере / гл. ред. и сост. В. П. Леонов. 2014. 568 с.; Т. 14. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 2. Перк – Я / гл. ред. и сост. В. П. Леонов. 2014. С. 569–1142.

Г. В. Варганова, В. А. Лягина

Книжные клубы Австралии: традиции и инновации

Книжные клубы Австралии, являющиеся значимым объектом культурного ландшафта страны, впервые рассматриваются в библиотечно-информационном контексте. Определены истоки возникновения книжных клубов, их цель, основные направления деятельности. Охарактеризовано влияние информационно-коммуникационных технологий и пандемии COVID-19 на увеличение числа книжных клубов и их участников. Типизация книжных клубов как сложных многопризнаковых объектов разработана авторами на основе многокритериального подхода.

Ключевые слова: книжные клубы, Австралия, цель книжных клубов, деятельность книжных клубов, типы книжных клубов, многокритериальный подход.

Galina V. Varganova, Viktoria A. Liagina

Book clubs in Australia: traditions and innovations

Book clubs in Australia, one of the most complicated cultural landscape objects, are regarded in the context of library and information science for the first time. The origin of book clubs, their goals, and main directions of activity are determined. The influence of information and communication technologies and pandemic COVID-19 upon book clubs and their members are characterized. The original classification of book clubs as complicated objects is worked out by the authors on the basis of multi-criteria approach.

Keywords: book clubs, Australia, book clubs goal, book clubs activity, book clubs classification, multi-criteria approach.

Австралия относится к числу стран, в культурном ландшафте которых значимое место занимают книжные клубы. Для австралийцев книга является инструментом самоидентификации, связывающей каждого отдельного читателя с обществом в целом, фактором формирования современной культуры Австралии, основанной на сохранении и укреплении традиционных ценностей. Большая часть населения любит проводить свободное время за чтением книги, девять из десяти жителей читают для интереса и удовольствия¹.

Одной из значимых для австралийского общества форм организации читательской деятельности являются книжные клубы. Причины вступления и участия в их работе многообразны: укрепление чувства самоуважения за счет принадлежности к социальной группе, которая любит литературу и чтение; познание истории и культуры Австралии, жизни и деятельности известных лиц, прославивших страну; возможность чтения и обсуждения современной и классической литературы;

знакомство с жанрами, которые не находились ранее в фокусе внимания; получение новых знаний из разных областей, изложенных доступным для понимания художественным языком; вовлеченность в сущность социальных, религиозных, морально-нравственных, политических проблем в международном и национальном масштабах, укрепление коммуникативных связей и дружбы между людьми, ведущее к повышению качества жизни и др.².

В условиях пандемии Австралия наряду со многими странами мира ввела ограничения, связанные с попытками сдерживания распространения коронавирусной инфекции, что привело к возникновению политических, экономических, социальных проблем. Произошедшие изменения в привычном образе жизни, связанные с финансовой нестабильностью, проблемами трудоустройства, переходом на работу в удаленном формате, привели к профессиональному выгоранию и снижению продуктивности. Особенно острыми стали психологические проблемы: повысился уровень стресса, вызванный упадком сил и обеспокоенностью состоянием здоровья своих родных и близких; стали в большей степени, чем ранее, проявляться тревога, раздражительность, отчаяние. Вынужденная социальная изоляция предопределила снижение коммуникативных связей: многие были лишены общения с родственниками, друзьями, коллегами, многие остались в одиночестве³.

Согласно опубликованным результатам исследования, проведенного Научным советом Австралии и Университетом Макуайри, направленного на изучение роли и места книги и чтения в жизни современного австралийского общества в условиях активного внедрения информационных технологий и пандемии, австралийцы проводят около пяти часов в неделю за чтением и прочитывают три книги в месяц. Это больше, чем они читали пять лет назад⁴. Столь высокие показатели связывают с огромной распространенностью книжных клубов, их укорененностью в социальной жизни как одной из первичных форм самоорганизации населения.

В период пандемии книжные клубы продолжили свою работу. Организовывались новые клубы разных типов, а в ранее действовавших резко возросли показатели числа прочитанных книг, количества участников и посещаемость. Книжные клубы в условиях пандемии стали островками стабильности, члены которых занимались привычной, приносящей удовольствие деятельностью: читали, обсуждали книги, встречались в дистанционном формате с писателями, поэтами, журналистами, блогерами и др. Внимание многих книжных клубов

было направлено в значительно большей степени, чем в предшествующие годы, на обсуждение социальных вопросов, на поиск поведенческих моделей в условиях пандемии, на меры противостояния распространению коронавирусной инфекции, которые позволяли сформировать более бережное отношение к себе. В результате внесения в сферу внимания клубов проблематики, касающейся COVID-19, участники приобрели новый опыт совместных действий по оказанию психологической помощи и поддержки друг друга в сложной социальной ситуации⁵.

Самым первым и на протяжении всего периода своего существования самым крупным книжным клубом Австралии является «Книжный клуб Центра образования взрослого населения» («Centre for adult education Book Club»), созданный в 1947 г. для доставки книг и рекомендательных списков литературы солдатам и офицерам, участвовавшим во Второй мировой войне и проживающим в Мельбурне и других административно-территориальных единицах штата Виктории⁶.

В первый год работы в его состав вошли 42 книжных клуба, сегодня их общее число превышает 500. Руководители и специалисты данного клуба заложили основы их работы: доставка книг к населению; подготовка обзоров литературы (тематических, вновь поступивших изданий), разработка «Руководства по организации книжного клуба», формирование комплектов книг для выбора книжными клубами, их постоянное обновление и отражение в электронном каталоге «Dialogue». При этом каждая книга предварительно оценивается группой приглашенных экспертов (исследователи, профессора университетов, педагоги школ и др.) с точки зрения наличия художественных, эстетических, научных и прочих достоинств, и только после этого приобретается и включается в каталог. «Книжный клуб Центра образования взрослого населения» издает бюллетень, в котором отражены все входящие в его состав книжные клубы и читательские группы, а также самые важные события, которые проводятся по инициативе книжных клубов в библиотеках, писательских организациях, университетах, бизнес-компаниях страны и др. Следует отметить, что членство в «Книжном клубе Центра образования взрослого населения» предполагает оплату вступительного взноса, который покрывает расходы его сотрудников на указанные выше виды деятельности.

Другими примерами книжных клубов, имеющих длительную и успешную историю обслуживания населения книгой, являются «Объединенный книжный клуб г. Албани и Юга» (Западная Австралия) и «Книжный клуб литературы постмодерна г. Перта» (Западная Австра-

лия), существующие более 60 лет и пользующиеся авторитетом и популярностью у населения.

Типизация книжных клубов не является проблемой, находящейся в фокусе внимания научного сообщества Австралии. Проведенный нами анализ статей из австралийских журналов, отраженных в базе данных EBSCO, а также официальных сайтов публичных библиотек Австралии, отчетов Австралийской библиотечно-информационной ассоциации, позволяет провести типизацию книжных клубов на основе многокритериального подхода. Данный подход позволяет типизировать сложные многопризнаковые объекты на основе выделения небольшого числа критериев.

В этой связи нами выделены три группы основных критериев, которые были положены в основу типизации: организационные аспекты создания и функционирования книжных клубов; содержательные особенности книг, которые планируются к прочтению в книжных клубах; каналы взаимодействия участников книжных клубов между собой и с приглашенными для обсуждения книг лицами.

Первая группа критериев отражает организационные аспекты создания и работы книжных клубов.

Организаторами книжных клубов являются физические и юридические лица. Организатором книжного клуба может быть любой житель Австралии, достигший совершеннолетия – 18 лет. Организаторами книжных клубов являются также библиотеки (Moreton Bay Region libraries имеет десять филиалов и 200 книжных клубов, Central West Libraries – семь филиалов и в каждом организован книжный клуб), музеи (Murray Art Museum Albury имеет клуб «Radical Book Club»), книжные магазины («Matilda bookshop» имеет три книжных клуба, «Avid Reader» – более десяти книжных клубов, «Beachside bookshop» – один книжный клуб), книжные издательства (издательство художественной литературы и «Fremantle Press», издательство детской и школьной литературы «Scholastic» имеют по четыре книжных клуба и др.), редакции газет «Guardian Australia». «Daily Mirror», «The Age» и др. также организовали книжные клубы.

Географическая локация книжных клубов: штат, территория, город и др.

Возраст членов книжного клубов. Книжные клубы создаются для любителей чтения самого разного возраста. Чаще всего, они подразделяются на детские и подростковые книжные клубы; книжные клубы для взрослых с учетом дифференциации, принятой в возрастной психологии.

Гендерный состав участников книжных клубов. Членами большей части австралийских книжных клубов являются женщины («The Australian women's book club»), есть клубы, в состав которых входят только мужчины («Для мальчиков и мужчин»), есть также смешанные в гендерном отношении клубы.

Профессиональная принадлежность участников. Нами были выявлены клубы, в состав которых входят только педагоги системы среднего образования, студенты университетов одного профиля, прозаики, поэты, литературные критики, представители шоу-бизнеса, блогеры, радио и телеведущие программ, посвященных культуре и искусству Австралии.

Вторая группа критериев касается особенностей книг, которые выбираются и планируются к прочтению участниками книжных клубов:

Тематика книг: природа, путешествия, любовь и дружба, здоровый образ жизни, кулинария и др.

Жанр литературы. Наиболее часто в книжных клубах читают художественную, мемуарную, документальную литературу, научно-популярную, включая литературу по психологии и развитию личности.

Хронологические этапы развития литературы: романтизм, реализм, модернизм, постмодернизм.

Художественные произведения, являющиеся каноном классической или каноном современной литературы.

Третья группа критериев определяет каналы взаимодействия участников книжных клубов между собой и с приглашенными для обсуждения книг лицами.

Материальная основа предлагаемых к прочтению и обсуждаемых в книжных клубах документов: традиционные и электронные.

Использование информационно-коммуникационных технологий: как обеспечивающих, так и не обеспечивающих наличие обратной связи.

Проведенный нами анализ показывает, что наиболее популярными типами книжных клубов у населения Австралии являются традиционные, электронные клубы, а также клубы, организуемые медийными лицами, в том числе зарубежными, к которым приковано особое внимание австралийского сообщества.

Традиционные книжные клубы создаются библиотеками, школами, университетами, книгоиздательскими и книгораспространительскими организациями, редакциями газет для встреч участников и обсуждения книг через заранее оговоренные промежутки времени (как правило, один раз в месяц). Такие клубы немногочисленны по числу участников,

но очень активны в плане обсуждения книг, чему во многом способствует доброжелательная атмосфера, чувство искренней привязанности членов клуба друг к другу, которые часто являются друзьями и единомышленниками.

Алгоритмы работы традиционных клубов несколько различаются. В ряде клубов все члены читают одну и ту же книгу, готовы к длительному глубокому анализу художественного произведения. В других клубах все участники читают разные книги, входящие в один полученный на год комплект литературы, а во время встреч делятся своими мыслями о поднятых в них проблемах, мотивируя коллег к чтению. Есть клубы, члены которых, встречаясь, обмениваются книгами из своих личных и семейных собраний, отмечают их сильные и слабые стороны. В таких клубах, как правило, дискуссии не проводятся, их заменяют краткие сообщения о вызвавших интерес произведениях.

Онлайн-книжные клубы получили большое распространение в связи с активным развитием информационно-коммуникационных технологий, а также пандемией COVID-19 и ее деструктивными последствиями. Жизнь книжных клубов переместилась в виртуальное пространство: использовались сервис групповых чатов «Google Hangouts», платформы видеосвязи «Zoom», «Webex Cisco Meeting», «WhereBy Meetings», социальная сеть «Instagram», сервис обмена мгновенными сообщениями «WhatsApp», «Telegram» и др. Дистанционный формат способствовал увеличению количества книжных клубов и возрастанию числа их членов. В электронных клубах делятся своими замечаниями по поводу прочитанных книг во время дискуссий, модераторами в которых могут быть писатели, библиотечные специалисты, литературные критики.

Важным отличием данных клубов является их открытость для населения, возможность участия в обсуждении книг не только членов, входящих в их состав, но и любого жителя, интересующегося литературой. На заседаниях клуба прослушивают аудиозаписи радиопередач с анализом художественного произведения, сделанного литературоведом, а также тематический подкаст автора произведения, записанный специально для членов данного клуба. Доступ к платным программам, обеспечивающим дистанционную коммуникацию, членами клуба оплачивается по очереди.

Особое внимание жителей Австралии приковано к электронным клубам, которые организуют и развивают известные и популярные среди населения медийные лица – представители австралийской и американской киноиндустрии, шоу-бизнеса, ведущие радио и ТВ пере-

дач, снижавшие популярность блогеры и др. В фокусе предпочтений австралийцев – книжные клубы американских актрис и продюсеров Риз Уизерспун, Сары Джессики Паркер, актрис и фотомоделей Эммы Робертс и Эммы Уотсон, звезды реалити-шоу Ким Кардашьян, телеведущей, модели и писательницы Кристин Тайген, телеведущей, актрисы, продюсера и общественного деятеля Опры Уинфри и др.

Австралийцы оставляют много постов в электронном книжном клубе американской актрисы и продюсера Риз Уизерспун, подписчики которой в социальных сетях «Facebook» и «Instagram» (Facebook и Instagram – запрещенные в России соцсети, принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) исчисляются миллионами. В начале каждого месяца на сайте клуба размещается информация об авторе и названии книги для чтения, главной героиней которой почти всегда является женщина. Данные сведения непременно сопровождаются обращением актрисы к фолловерам и списком вопросов для обсуждения в книжных клубах. Размещаются также тематические списки книг «Лучшие книги для мужчин», «Лучшие книги Аляски», «Лучшие книги для чтения зимой» и др. Подписчики делятся своими впечатлениями о прочитанных книгах в «Instagram» (Facebook и Instagram – запрещенные в России соцсети, принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) – профиле актрисы.

Сайт «Amazon.com», являющийся самой масштабной площадкой розничной торговли книгами, активно использует популярность Риз Уизерспун, постоянно возрастающее количество ее подписчиков, и рекламирует книжную продукцию в ее книжном клубе, что ведет к увеличению объемов продаж. Получение медийными лицами оплаты за размещение рекламы книгоиздательской продукции позволяет австралийским исследователям подчеркивать, что книжные клубы медийных лиц не о книгах, а о монетизации популярности. Тем не менее, нельзя отрицать, что многие подписчики получают информацию о книгах, прочитывают их и оставляют письменные отзывы в «Instagram» (Facebook и Instagram – запрещенные в России соцсети, принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ) медийных лиц.

Публичным библиотекам Австралии принадлежит значимая роль в организации и поддержке деятельности книжных клубов. Во многих штатах страны их организация на базе библиотек, а также информационная и методическая поддержка клубов, функционирующих в зоне их обслуживания, относится к основному виду деятельности.

Функции публичных библиотек в данном направлении достаточно широки:

- доставка книг к организаторам книжных клубов с использованием транспорта/курьера;
- формирование комплекта книг для прочтения в книжных клубах (по тематике, жанрам, хронологическому периоду написания произведения и др.);
- обновление комплектов в соответствии с ежегодным мониторингом информационных потребностей и предпочтений членов клубов;
- разработка «Руководства об организации книжного клуба» для жителей, стремящихся организовать свой клуб;
- размещение на сайте библиотеки обзоров новых поступлений книг (традиционных, электронных), их передача в электронном формате в обслуживаемые клубы;
- подготовка вопросов и сценария для проведения дискуссии по выбранной членами клубов книге и передача их организатору клуба;
- информирование и предоставление организаторам и членам клубов доступа к электронным ресурсам и аудиокнигам, осуществляемые на бесплатной основе при наличии читательских билетов библиотеки.

Большую помощь библиотекам в обслуживании книжных клубов оказывают электронные информационные ресурсы. Особой популярностью у любителей чтения пользуются «Online Book Club» – национальный ресурс, обеспечивающий доступ к книгам, вышедшим в различные хронологические периоды на территории Австралии, «Everything About Books» – ресурс, включающий более тысячи книг, статей, аналитических и художественных рецензий, посвященных произведениям австралийской и мировой литературы. Ресурс «Borrow books» предоставляет доступ к художественным электронным и аудиозаписям. «OverDrive» содержит электронные, аудиокнижки, журналы, периодические издания, главным образом, электронные журналы. Приложение «Libbi» делает доступ к ресурсу оперативным и комфортным.

«Капору» дает возможность получения доступа к художественным и документальным фильмам, в том числе экранизациям классической и современной литературы.

Электронные ресурсы «Busy things» и «Story Box Library» содержат издания, предназначенные для детей дошкольного, начального и среднего и школьного возраста.

Наряду с этим важнейшей задачей библиотек является мотивирование членов клубов к подготовке письменных отзывов о прочитанных книгах и размещении их в электронном ресурсе «GoodReads», по-

зволяющем читателям письменно поделиться своим мнением о книге в виртуальном публичном пространстве.

Таким образом, книжные клубы являются частью жизни населения Австралии, которые вбирают в свою орбиту все большее количество жителей, приобщая их к книге и чтению. В 2021 г. был организован Австралийский симпозиум «Все о книжных клубах», в ходе которого с докладами выступили представители книжных клубов, книгоиздательских, книгораспространительских организаций и литературно-творческих объединений. В докладах было отмечено, что в условиях пандемии многие общественные структуры прекратили свою работу, а книжные клубы не только выжили, но и привлекли в свои ряды жителей, которые ранее не входили в их состав.

При этом подчеркивалось, что книжные клубы являются не изученным и недооцененным феноменом культуры, который игнорируются научным сообществом на локальном и национальном уровнях. В этой связи прозвучали рекомендации о необходимости проведения научных исследований, посвященных глубокому изучению истории создания и современному состоянию книжных клубов Австралии.

Примечания

¹ Menios C. Can the humble book club change the world? URL: <https://www.impact.acu.edu.au/community/can-the-humble-book-club-change-the-world> (дата обращения 17.03.2022).

² Cherry-Paul S., Johansen D. Breathing new life into book clubs: a practical guide for teachers / S. Cherry-Paul, D. Johansen. Portsmouth NH, Heinemann Publishing. 165 p.; Veros V. Metatextual conversations: the exclusion/inclusion of genre fiction in public libraries and social media book groups / V. Veros // Journal of the Australian Library and Information Association, 2019. Vol. 68. Ls. 3. P. 254–267.

³ Garner J., Hider Ph., Jamali H. Steady Ships' in the COVID-19 crisis: Australian public library responses to the pandemic / J. Garner, Ph. Hider, H. Jamali // Journal of the Australian Library and Information Association. 2021. Vol. 70. Ls. 2. P. 102–124.

⁴ Why book clubs are all the rage right now? URL: <https://www.news.com.au/lifestyle/relationships/family-friends/why-book-clubs-are-all-the-rage-right-now/> (дата обращения 17.03.2022).

⁵ Smith J. Information in crisis: analysing the future roles of public libraries during and post-COVID-19 / J. Smith // Journal of the Australian Library and Information Association. 2020. Vol.69. Ls.4. P. 422–429.

⁶ Centre for adult education Book Club. URL: <https://www.cae.edu.au/book-groups>. (дата обращения 17.03.2022).

РАЗДЕЛ 3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЧТЕНИЯ

SECTION 3. SOCIOLOGY OF LITERATURE AND READING

УДК 82-051:028

Т. Б. Маркова

Роль книги в творчестве писателя

Книга оказывает влияние на профессиональную деятельность человека. Она стимулирует его к созданию собственных сочинений, реализации творческих проектов. Источниками изучения круга чтения писателей являются литературоведческие работы, мемуарная литература, личные архивы. На творчество писателей повлияли книги, прочитанные в детстве, домашняя библиотека, исторические события, учитель-наставник.

Ключевые слова: книга, библиотека, литература, творчество, писатель, чтение.

T. B. Markova

The role of the book in the writer's work

The book has an impact on a person's professional activity. It encourages him to create his own compositions, implement creative projects. The sources of studying the circle of writers' reading are literary works, memoir literature, personal archives. The creativity of the writers was influenced by books read in childhood, a home library, historical events, a teacher-mentor.

Keywords: book, library, literature, creativity, writer, reading.

В последние десятилетия возрос интерес к изучению новых взаимосвязей в коммуникационной системе «автор – текст – издатель – читатель», влияния информационных технологий на чтение книг, а также к социологическим исследованиям чтения молодежи и детей. Как продукт материальной культуры книга отражает культурные веяния и тенденции развития общества. С книги начинается восприятие окружающего мира, обучение грамоте и чтению. В процессе книжного общения формируется круг чтения и читательская культура индивида. Это общение можно рассматривать как первую встречу с книгой; как «знакомство» с библиотекой; как стимул к творчеству.

Источниками изучения круга чтения и читательской деятельности писателей являются литературоведческие работы, мемуарная литература, личные архивы. В них содержится обширный фактографический материал для изучения культуры чтения писателей и выявления критериев влияния книги на их творчество. Интерес к мемуарам обуслов-

лен еще и тем, что повествование идет от первого лица. По мнению А. И. Рейтблата, воспоминания являются специфическим историческим источником, поскольку «мемуарист запечатлевает лишь то, что считает значимым для сохранения в исторической памяти. Обыденное и повседневное почти не упоминается рассказчиком. Процесс чтения, описываемый им, относится к детским и юношеским годам»¹. Рейтблат отмечал, что чтение редко становится материалом для специальных воспоминаний. Информация о нем содержится в виде дополнений в общий текст. «Для того, чтобы дать исторически адекватную характеристику творчества писателей и его роли в литературном процессе, необходимо изучить восприятие его произведений читателем, специфические черты и вкусы его аудитории. Дневники, мемуары, переписка, критика представляют собой свидетельства читательской рецепции книг различных авторов, нуждающихся в обобщении и осмыслении»². Предложенный им историко-социологический подход заключался в осмыслении взаимодействия разных компонентов литературной жизни, их связи с социальными и культурными потребностями общества³.

Рассматривая читательскую деятельность как творческий многоуровневый процесс по освоению содержания книги, Р. Р. Рахманалиев определил критерий, по которому можно систематизировать читательскую деятельность индивида. Его суть заключается в том, что «каждому из содержательных уровней соответствует определенный уровень самой читательской деятельности в целом, так и ее отдельных составляющих. Каждый из них представлен соответствующим образом дифференцированной частной типологической моделью, например: процесс чтения состоит из трех основных уровней содержательного освоения книги – выборочное чтение, сплошное чтение, углубленное чтение»⁴. На основе этого параметра можно выстроить более сложные модели читательской деятельности. Так, для формирования круга чтения необходимо сначала определить потенциальное ядро книги, затем выявить ценностную квалификацию книги в книжной торговле, библиотечном деле и библиографии.

Другим источником анализа творчества писателя являются архивы. Личные архивы представляют как культурную, так и научную значимость. В них собраны биографические сведения, письма, фотографии, выступления, черновики, воспоминания, а также неопубликованные труды. Архивные материалы отражают динамику профессиональных интересов писателя, его взглядов на изучение той или иной проблемы. В частности, в письмах упоминаются сведения о работе писателя над

тем или иным произведением, а также размышления о литературе и литературном труде.

О дружественном письме высказывались как о литературном факте (Ю. Н. Тынянов)⁵, форме промежуточного высказывания (Л. Я. Гинзбург)⁶, об особом виде художественного творчества (М. П. Алексеев)⁷. По мнению Л. Я. Гинзбург, «письма несут всевозможную информацию, они содержат размышления, наблюдения или выражают эмоции. Они удовлетворяют настоятельную потребность человека в самоощущении, в том, чтобы осознать и фиксировать протекание своей жизни. Те же функции выполняют письма писателей»⁸. Они не только являются важнейшим источником изучения личности и творчества писателя, но и находятся в непосредственной близости к художественной литературе. Изучая письма русских литераторов XIX в., М. П. Алексеев отмечал, что «письмо выходит за рамки бытового средства связи и приобретает особую функцию, отображая культурные и интеллектуальные запросы общества»⁹.

В основе любви к творчеству лежит любовь к чтению. Наиболее сильное влияние на становление творческой личности оказывают книги, прочитанные в детстве. Формируя личность ребенка, они определяют его интересы и способности. Культура семейного чтения в России сложилась в конце XVIII – начале XIX в. В дворянских семьях читались и обсуждались новинки книжных и журнальных изданий. О семейных чтениях, совместном проведении досуга писали Н. С. Лесков, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн и другие. А. И. Цветаева вспоминала, как мама читала ей и сестре рассказы Чехова, Чирикова, Телешова, книжки «Донской речи», «Щелкунчик» Гофмана, сказки Андерсена¹⁰. Объектом чтения будущих писателей были детские журналы, русские народные сказки, повести и рассказы русских и зарубежных классиков. В частности, первой книгой С. Т. Аксакова была «Зеркало добродетели», которую он знал наизусть и каждый раз читал своей младшей сестре¹¹.

На круг художественного чтения влияют различные факторы: мода, контакты между читателями, влияние друзей на выбор книги, читательский лидер, авторитет автора. Первые попытки осмысления феномена моды в чтении с научной точки зрения были предприняты Н. А. Рубакиным. Отмечая циклический характер определенных явлений книжного дела, в том числе однообразии читательских предпочтений, он пришел к выводу, что «распространенные в обществе „душевные особенности“ формируют доминирующие „психические типы“. Сменяемость этих типов изменяет и читаемость разных авторов»¹². Образованные люди чаще всего искали в литературе отражение собственных свойств,

так как именно они, по мнению Рубакина, увлекают за собой основную массу читателей. Книги, выбираемые ими, становятся популярными у других категорий читателей.

В. Я. Аскарова отмечает, что в России чтение ассоциируется с модой примерно с середины XVIII столетия, когда в дворянской среде оно превратилось в требование светского приличия. «Необходимо было не только иметь личную библиотеку, но и соответствовать критериям образованности представителей дворянского сообщества, а также иметь внешние признаки начитанности»¹³. Согласно разработанной ею концепции читателя, выявлено, что в различные исторические периоды в центре внимания находились разные читательские группы и, соответственно, ставились разные задачи. Например, во второй половине XIX в. уделялось внимание изданию книг и открытию библиотек для низкого сословия; в 1920-е гг. активными читателями были рабочие, крестьяне и красноармейцы; в 1960–1970-е гг. быстрый доступ к книгам предоставлялся партийным работникам¹⁴.

Если переложить методику В. А. Аскаровой на изучение круга чтения писателей, то можно выявить, какие книги были распространены в то время и пользовались спросом у творческих людей. Круг чтения А. С. Пушкина включал как произведения русской литературы (Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Г. Р. Державин, А. Н. Радищев), так и сочинения зарубежных авторов (У. Шекспир, Ж. Расин, Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Мольер, Дж. Байрон, В. Скотт). С. Т. Аксаков увлекался поэзией А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева. Любимыми книгами Л. Андреева были романы Ж. Верна, М. Рида, Ф. Купера, Э. По, Ч. Диккенса. Джек Лондон читал книги Р. Киплинга, Э. Золя, Г. Мэлвилла. В. Б. Шкловский – Ж. Верна, Г.-Х. Андерсена, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева.

На становление творческой личности писателя оказывало также влияние развитие общественно-политической мысли. Например, А. С. Пушкин проявлял интерес к Никола Буало, Жан-Франсуа Лагарпу и другим представителям просветительского философского наследия. Л. Н. Андреев обращался к религиозно-философскому трактату Л. Н. Толстого «В чем моя вера?», а также к сочинениям Д. И. Писарева, трудам Э. Гартмана, А. Шопенгауэра. Джек Лондон изучал труды Т. Гоббса, Д. Локка, Д. Милля, Г. Гегеля, И. Канта, Г. В. Лейбница. Он проявлял интерес к работам Г. Спенсера, Ч. Дарвина, К. Маркса, Ф. Ницше.

Круг чтения не является постоянной величиной. Он меняется на протяжении всей жизни читателя, по мере его взросления. Г. Флобер писал в письмах к Эрнесту Шевалье: «По-прежнему читаю Рабле и при-

бавил к нему Монтеня. Я даже намерен написать о них двоих особый, философский и литературный этюд. <...> почти закончил „Исповедь“ Руссо и очень советую тебе прочесть эту замечательную книгу. Мой Рабле весь измаран заметками да комментариями – философскими, филологическими, вакхическими». В письмах к Луи де Корменену представлен уже развернутый круг чтения, в который вошли Монтень, Рабле, Ренье, Лабрюйер, а также Вольтер, Гомер и Шекспир. Флобер считал, что «любовь к чтению формируется благодаря привычке ежедневно читать, а в личной библиотеке должны быть книги, составляющие ядро круга чтения, те источники, которые надо читать каждый день»¹⁵.

Значимую роль в жизни писателя играла домашняя библиотека, собираемая его родителями. Она не только сообщала конкретные знания и факты, но и закладывала основы мировоззрения, базу для осмысления окружающего мира. Тем самым формировала его читательскую культуру. Исследователи творчества А. С. Пушкина отмечали, что он с самого начала находился в литературной, художественной среде и рано стал читателем благодаря обширному книжному собранию своего отца Сергея Львовича. «Библиотека отца оплодотворила зародыши ранних и пламенных страстей молодого человека, раздвинула его понятия и представления <...> и наконец, что самое важное – малопомалу воспитывала великое самоуважение, не допускающее власти над собой и не признающее ее законности»¹⁶.

Для С. Н. Дурьлина библиотека была хранилищем знаний. Еще юношей он просиживал день за днем в Румянцевской библиотеке и поглощал целые тома книг, занося в тетради выписки из прочитанных им исторических, филологических, поэтических произведений. В тетрадях отражены его живые впечатления от театральных постановок, в частности, «Орлеанской девы», «Горя от ума». Семейная библиотека писателя включала в себя книжное собрание его родителей и собственные детские книги. «На полках помещался весь запас маминых книг: ее старинная „Священная история“, издания 1840-х годов, миниатюрное „Горе от ума“ (2-е изд. 1832), отдельное издание „Евгения Онегина“ с гравюрами на дереве. Позднее сюда проникают детские книги – „Русские детские сказки“ А. Н. Афанасьева, сказки Андерсена, братьев Гримм, а также „Гулливер“, „Мюнхгаузен“, журнал „Малютка“. Отцовских книг было немного, но все они были характерны для него. Особое место занимали „Собрание разных сочинений в стихах и прозе“ М. В. Ломоносова в толстом кожаном переплете (издание 1803 года); исторические романы: „Рославлев“ Загоскина (1839), „Клятва при гробе господнем“

Н. А. Полевого (1832), „Рукописи о Севастопольской обороне“, „Два похода на Балканы“ кн. Шаховского»¹⁷.

Со временем домашняя библиотека стала отражением благосостояния читателя и конъюнктуры книжного рынка. Она пополнялась исключительно для накопления, а не обогащения знаний. Коллекционирование утратило целевую направленность: книги собирали для учебы, профессионального совершенствования, эстетического удовольствия. «Оно превратилось в символическое действие, благодаря которому духа воспринимается не столько как источник знаний, носитель духовного содержания, сколько материальный предмет»¹⁸. Преподнесенная в дар, книга становится памятной вещью, поскольку оставляет след, воспоминание о событиях и людях. Таким «подарком» Твардовский считал издание стихотворений Н. А. Некрасова, подаренное ему отцом. Благодаря томику Некрасова Твардовский изучил биографию автора, узнал о его детских годах, юности, проведенной в Петербурге, встречал с В. Г. Белинским. Эта книга сыграла роль в его становлении как писателя наравне с однотомниками А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Многогранность феномена книги проявляется не только в том, что она соотносена с литературным процессом данной эпохи. Успех книги отражает определенный уровень развития общества, его технических изобретений. Она есть совокупный продукт писателя, художника, издателя и не только их. В ее создании и распространении участвуют типограф, переплетчик, книготорговец. Анализ коммуникации автора и издателя позволяет осмыслить предпосылки появления книги, выбор той или иной тематики и дизайна. По мнению Рейтблата, издатель выступает выразителем социальной потребности. «Он осуществляет отбор среди предложенных ему авторами рукописей: одни из них, исходя из содержания и качества исполнения, признаются достойными печати, другие бракуются и остаются неопубликованными»¹⁹. Рассматривая взаимоотношения между издателями и авторами в третьей четверти XIX в., исследователь отмечал, что литература в то время была дворянской. Она была формой свободного времяпрепровождения, поэтому писатель не был вписан в существующую общественную структуру. Со временем вопрос о писательской профессии принял полемическое значение, направляя внимание ученых к «социальному заказу», «халтуре». «экономике». Слияние творческой профессии с промышленной отраслью сыграло положительную роль: «писатель освобождается от классовой зависимости и становится профессионалом. Первостепенным в литературе становится момент творчества, вдохновения, а ли-

тератор рассматривается как незаурядный человек, превосходящий обычных людей»²⁰.

Творчество – это форма продуктивной активности, протекающая порой стихийно и бессознательно. Первоначальным источником творчества является мотивация личностного роста, потребность в самовыражении. Книга побуждает человека к созданию собственных сочинений и творческих проектов. Как рождается книга? Из мыслей, заметок, статей, разговоров. Источником для написания книги могут послужить другие книги, археологические или библиографические разыскания, воспоминания о людях и прошедших событиях, а также дневники (личный, путевой, служебный). В частности, Л. Андрееву дневник помог отточить свою руку и овладеть пером. В толстых переплетенных тетрадях он подробно и обстоятельно записывал свои наблюдения и размышления.

Резюмируя вышеописанное, можно заключить, что на литературное творчество писателей наибольшее влияние оказывали книги, прочитанные в детстве, домашняя библиотека, исторические события, а также учитель-наставник, связанный с писателем дружественными или кровными узами.

Примечания

¹ Книга и читатель 1900-1917: воспоминания и дневники современников / сост. А. И. Рейтблат; ред. М. М. Панфилов. М.: Пашков дом, 1999. С. 5.

² Рейтблат А. И. Ф. В. Булгарин и его читатели / А. И. Рейтблат // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр. / сост. А. И. Рейтблат. М.: ГБЛ, 1991. С. 55.

³ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

⁴ Рахманалиев Р. Р. Культура чтения как книговедческая проблема: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 05.25.04: книговедение. М., 1987. С. 14.

⁵ Тынянов Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Литературная эволюция: избранные труды / сост., вступ. ст., коммент. Вл. Новикова. М.: «Аграф», 2002. С. 167–188.

⁶ Гинзбург Л. Я. Эвфемизмы высокого / Л. Я. Гинзбург // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 199–208.

⁷ Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева / М. П. Алексеев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 9–116.

⁸ Гинзбург Л. Я. Письма Бориса Пастернака / Л. Я. Гинзбург // Переписка Бориса Пастернака / сост., подготовка текстов и коммент. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; вступ. ст. Л. Я. Гинзбург. М.: художественная литература, 1990. С. 3.

- ⁹ Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева. С. 11.
- ¹⁰ Цветаева А. И. Воспоминания / А. И. Цветаева. М.: Астрель; Дом-музей М. Цветаевой, 2012. С. 15–16.
- ¹¹ Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова – внука / С. Т. Аксаков. М.: Новатор: Кренов, 1996. 378 с.
- ¹² Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике / Н. А. Рубакин // Рубакин Н. А. Избранное: в 2 т. М.: Книга, 1975. Т. 1. С. 84.
- ¹³ Аскарова В. Я. Многообразие проявлений феномена моды в чтении: эволюция представлений и научных подходов / В. Я. Аскарова // Чтение, XXI век: коллективная монография / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. С. 125.
- ¹⁴ Аскарова В. Я. Динамика концепции российского читателя (конец X в. – начало XXI в) / В. Я. Аскарова. СПб.: изд-во СПбГУКИ, 2003. С. 28–29.
- ¹⁵ Флобер Г. О Литературе, искусстве, писательском труде: письма, статьи: в 2 т. / [сост. С. Лейбович; примеч. С. Кратовой и В. Мильчиной]. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 28–29, 216, 277, 306.
- ¹⁶ Матусевич В. А. Муза чтения: рассказы об А. С. Пушкине – читателе-библиофиле / В. А. Матусевич. М.: Советская Россия, 1991. С. 21–22.
- ¹⁷ Дурылин С. Н. В своем углу: из старых тетрадей / С. Н. Дурылин. М.: Московский рабочий, 1991. С. 87, 169.
- ¹⁸ Рейтблат А. И. Основные тенденции развития массового чтения в СССР / А. И. Рейтблат // Тенденции развития чтения в социалистических странах: сб. науч. тр. / нар. Б-ка им. Кирилла и Мефодия (София) и др.; [редкол.: Н. С. Карташов (гл. ред.) и др.]. М.: ГБЛ, 1983. С. 130.
- ¹⁹ Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. С. 251.
- ²⁰ Там же. С. 253.

М. Л. Купченко

**Роль пейзажа и вещного мира в философском единстве
духовного, социального и материального у Диккенса
на примере романа «Большие надежды»**

Роман Диккенса «Большие надежды» посвящен исследованию формирования личности и поисков человеком своего места в мире, его духовных ориентиров, определений понятий добра и зла и своего отношения к ним. Этой задаче подчинены все художественные приемы, использованные в романе, в том числе пейзаж, интерьер и детали вещного мира. Анализу этих моментов посвящена статья. Новизна ее в ракурсе подхода к рассмотрению заявленной темы.

Ключевые слова: пейзаж, интерьер, детали вещного мира, символ.

Marina L. Kupchenko

**The Role of Landscape and Material World in the Philosophical
Unity of Spiritual, Social and Material in Dickens on the Example
of «Great Expectations»**

«Great Expectations» the novel by Ch. Dickens is devoted to the study of personality formation and a person's search for his place in the world, his spiritual focus, definitions of the concepts of good and evil and his attitude to them. All the artistic technique used in the novel, including the landscape, interior and details of the material world, are subordinated to this task. The article is devoted to the analysis of these points. Its novelty is in the perspective of the approach to the consideration of the stated topic.

Keywords: landscape, interior, detail of the material world, symbol.

Роман «Большие надежды», открывающий заключительный этап творчества Чарльза Диккенса, является характерным образцом того художественно-эстетического синтеза, к которому подошел Диккенс к началу 60-х гг. Компактный по объему (лаконичней его лишь роман «Тяжелые времена») он, тем не менее, богат пейзажными зарисовками, картинами экстерьеров и интерьеров домов и описаниями отдельных важных в идейно-сюжетном плане предметов, образующих, как это ни странно может показаться на первый взгляд, идейно-психологический каркас романа. Часто эти зарисовки и детали имеют символическое значение. Поздний Диккенс вообще склонен к символическому. Это связано, прежде всего, с его общефилософскими представлениями о единстве мира. Причем не только мира социального, что было ярко продемонстрировано в его предшествующих романах («Холодный дом», «Крошка Доррит», «Повесть о двух городах»), но также материального и духов-

ного миров. Ощущение неразрывного единства этих трех миров является, пожалуй, наиболее характерной особенностью этого романа, принадлежащего к числу самых тонких и глубоких психолого-философских произведений Диккенса. Вся система художественных приемов, использованных в романе, подчинена одной главной задаче: выявить связь и роль материального, социального и духовного факторов окружающей действительности в формировании человеческой личности и ее психологии. Диккенс считал необходимым показать психологическую пластичность личности, ее склонность к изменениям под воздействием внешней среды, а также обнаружить ее возможность или, в отдельных случаях, невозможность саморазвития и противостояния негативным влияниям извне. Для решения подобной задачи наиболее удобной формой повествования была форма повествования от первого лица, представляющая собою как бы исповедь главного героя. Более того, историю детства и юности Пипа рассказывает умудренный жизненным опытом человек, по-иному понимающий и оценивающий свои мысли, надежды, стремления и поступки тех юных лет. Он имеет право его судить и может объяснять его поведение, не стремясь ни оправдать, ни защитить. Оценивая собственные заблуждения, он четко видит их причины и следствие, а также яснее видит те главные точки отсчета, которые встретились ему на жизненном пути.

Невозможно не согласиться с утверждением Л. Н. Потаниной о том, что «...само романное пространство перестало быть только сферой развертывания конкретной сюжетной схемы, а обрело особую активность, разыгрывая привычные ситуации в метафизическом и символическом планах»¹.

«Большие надежды» – второй из двух романов-исповедей в творчестве Диккенса. Он отличается от первого («Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим») значительно большим интересом к пейзажу, что связано у Диккенса с мыслью о неразрывной связи человека и природы. Именно поэтому пейзаж является в романе не просто фоном, на котором разворачиваются события, а активно действующим элементом, почти персонажем. Он формирует действие, как бы подчиняя его себе. Маленькая деревушка, затерянная среди болот, свинцовая полоса реки вдали да сельское кладбище, на могильных плитах которого учится читать маленький ребенок, – вот обстановка, в которой Пип (pip – в переводе значит «семечко») совершит свой первый осознанный выбор и переживет свое первое приобщение к миру взрослых. То, что мир этот страшный, холодный и мрачный, подчеркивается унылостью места, свирепым ветром с моря, темными, серыми и свинцо-

выми красками пейзажа и слезами вступающего в этот мир ребенка. Не случайно выбран и момент начала действия: рождественский сочельник. Для материального мира главными условиями его существования являются пространство и время, для мира духовного у христиан Рождество Христово – приход Спасителя, искупающего грехи человеческие и попирающего смерть. Справедливо замечает по этому поводу Л. Н. Потанина, подчеркивая, что «...действие [романа] начинается <...> на вершине христианского года – в рождественский сочельник, когда, согласно мифопоэтическим представлениям, силы хаоса стремятся взять верх над силами космоса»². Именно в этот момент над могильными плитами появляется человек в серой одежде, разбитых башмаках и с железной цепью на ногах. Описывая его, Диккенс устами Пипа упоминает о его израненных ногах и рваном терновнике, словно проводя параллель с Христом. Человек переворачивает Пипа так, что колокольня церкви оказывается у него под ногами, и с этого символического жеста жизнь Пипа навсегда изменится. Именно этот момент окажется отправной точкой начала осознанной жизни Пипа, и именно с этого момента ему придется сознательно совершать нравственный выбор между добром и злом. Вопрос только в понимании добра и зла.

Страшный человек в сером, как бы поднявшийся из могилы, требует у Пипа еды и подпилка, пугая страшными карами и тем толкая на воровство. И неслучайно? когда Пип побежит к каторжнику с бренди и паштетом, считая себя последним преступником, обокравшим родных, болота будут окутаны густым туманом, а дамбы и шлюзы будут кричать: «Держи его! Он украл свиной паштет!» Это не только голос совести человека, никогда не совершавшего дурных поступков и в силу душевной слабости не знающего, как ему поступить, это и голос расхожей морали, всегда выбирающей прописные истины. Это голос грубой матери, хватающей Пипа за полы и наполняющей туманом его голову. Но другой голос, голос духа прозвучит у реки совсем скоро, и это будет голос Джо.

Знаменитая погоня за каторжниками будет проходить по тем же болотам, но пейзаж изменится. Туман рассеялся. «В красном зареве заката ясно были видны и маяк, и виселица, и холм с батареей, и дальний берег реки – все одинаково мутно-свинцового цвета»³. В этом описании каждая деталь прочнейшим образом связана не только с сюжетом, но и с идеей романа. Маяк – это жизненный ориентир, и пока Пип сидит на плечах Джо, найти его несложно, но, расставшись с ним, он будет долго и мучительно его искать. Виселица – это символ трагической судьбы Мэгвича и многих других, с кем Пип познакомится в Ньюгейте

благодаря Уэммику. Холм с батареей – самые счастливые воспоминания Пипа, поскольку именно там под солнцем и голубым небом он будет беседовать с Джо и мечтать вместе с ним, а также поверять свои душевные тайны Бидди. А дальний берег реки – это тот илистый берег, неподалеку от которого расположена опутанная цепями страшная плавающая каторжная тюрьма, откуда и сбежали заключенные. Интересно, что в момент охоты за ними все это видится на фоне красного заката мутно-свинцовым, холодным, тяжелым, давящим, как кандалы каторжан. На берегу этой свинцовой реки Пип получит свой первый нравственный урок, когда Мэгвич, желая выгородить Пипа, возьмет вину кражи паштета на себя, а Джо скажет: «Да на здоровье!» – ибо не хочет, чтобы этот незнакомый ему каторжник умер от голода. Пип, запомнивший эти слова на всю жизнь, не сможет, однако, признаться Джо в краже по душевной слабости, потому что в духовном плане рядом с великаном-кузнецом он долго еще будет оставаться если не лилипутом, то подростком.

Эстетика Диккенса в значительной степени строится на контрастах, часто приобретающих символическое значение. Это то, что он взял из эстетики романтизма. В «Больших надеждах» есть два основных контрастных ряда символов: огонь, тепло, свет и вода, холод, тьма. Огонь в большинстве случаев имеет положительные коннотации, символика воды более сложна, но в начале романа образ реки, несущей свои воды в могучее море, связан, в основном, с образами застойных болот и каторжной тюрьмой. Стоит отметить, что в сцене охоты за каторжниками после их поимки солдаты в кромешной тьме зажигают факелы, которые не только освещают путь, но и несколько согревают жмущихся к ним страдальцев, а Мэгвич, разговаривая с Джо и задумчиво глядя в огонь, ставит ноги на решетку очага. Огонь, тепло – это хоть малая и призрачная, но все же надежда и жизнь. Когда же Мэгвича доставляют на баржу, факелы тушат, и вновь воцаряется тьма, как будто огонь, на мгновение осветивший жизнь несчастного и согревший надеждой, потух для него навсегда.

Болота, пересеченные изгородями, изрезанные дамбами, шлюзами, переходами будут играть в романе весьма драматическую роль, ибо там, на болотах, будет жить Орлик, и именно там Пип переживет самые страшные моменты своей жизни, которая будет висеть на волоске. События будут происходить ночью, когда Пип в одиночку выйдет на болота при низкой зловеще красной луне, которая быстро исчезнет за облаками. (Красный закат, красная луна – как кровавые символы готовящихся трагических событий). Интересно, что Пип пойдет на этот

раз прямо в противоположную сторону по отношению к тому, как они двигались с Джо много лет назад в погоне за каторжниками. Маяк на песчаном мысе окажется на другой стороне черного горизонта по отношению к печи для обжига извести. Свет маяка, свет судьбы и надежд как будто зовет Пипа в другую сторону, но страх за Мэгвича и его жизнь заставляет его идти во тьму. Мрачный пейзаж каменоломни, дымящаяся печь для обжига, горящая свеча на столе в пустой комнате ветхого, разваливающегося дома – все должно было внушить страх и опасения за жизнь героя романа. Во всяком случае, психологически подготавливало нападение. А нападение начинается с того, что из рук Пипа выбита свеча и мир погружается во мрак. Мрак символически связан с Орликом, всегда нападающим сзади, как он когда-то напал на сестру Пипа, и не знающим пощады. Ревность, ненависть и злоба – такие же естественно присущие Орлику черты, как любовь, благородство и милосердие присущи Джо. В этой схватке у Пипа нет надежды на спасение, но зато он успевает понять, как виноват перед Джо и Бидди, как безответственно поступил по отношению к Мэгвичу. Свеча, поднесенная к его лицу Орликом и опаляющая его лицо и волосы, оказывается огнем прозрения, а дождь, хлынувший в эту минуту за окном, – как бы открывает путь к очищению. И неслучайно в тот момент, когда в комнату врывается спасительная помощь, сначала в дверь «метнулся свет».

Спасительный свет и спасительный огонь, спасительное движение все время в романе противостоят темноте и неподвижности, попытке остановить время. В этом плане характерен Сатис-хаус, мир, где все должно замереть, остановиться на том мгновении, когда его владелица, одеваясь к свадьбе, узнала, что жених бросил ее и бежал. Дом этот и сама усадьба, поразившие главного героя на всю жизнь, показаны глазами Пипа, в первый раз оказавшегося в гостях у таинственной мисс Хэвишэм. Пустая, заброшенная пивоварня и пустые, разошедшиеся бочки, доживающие свою жизнь под открытым небом, как бы вторят пустой и трагической судьбе своей хозяйки, отвернувшейся от жизни и безуспешно пытающейся остановить время. Обиженная на весь мир и жаждущая лишь мести, мисс Хэвишэм не только затворилась в своих покоях, но изгнала навеки из них дневной свет и приказала остановить все часы на том страшном моменте, который символизировал для нее смерть для этого мира. Но умершая для этого мира, она не рождается и для другого. Истлевающее подвенечное платье на исхудалом, постаревшем теле скорее напоминает саван, а дом ее превращен в своего рода склеп. Здесь, в вечной темноте, лишь слегка разгоняемой дрожа-

щим светом свечи, мисс Хэвишем будет требовать от Пипа возить ее вокруг стола со сгнившим и затынутым паутиной свадебным тортом, давно ставшим добычей мышей, пауков и тараканов. Мир мертвых не знает любви, для мира духовно мертвых существует лишь месть. Мечь станет смыслом жизни мисс Хэвишем, и чтобы укрепить себя в ней, она снова и снова будет объезжать вокруг стола, заново переживая свое унижение. Постепенная гибель души этой когда-то красивой, доверчивой, доброй и уверенной в себе девушки подчеркивается гниением и разложением торта, стаями паразитов, дыркой на туалетном столике некогда белом чулке, десятилетия простоявшей на туалетном столике так и не надетой белой туфелькой. Мир белого, светлого забыт здесь, как кажется, навсегда, ибо свет изгнан, а белое давно пожелтело и обветшало. Но Диккенс не был бы Диккенсом, если бы не попытался вернуть эту душу жизни, возродить ее.

И возрождение происходит, но происходит, как и должно произойти, через осознание, а осознание не может возникнуть без глубокого потрясения. Этим потрясением оказывается полная невозможность Эстеллы любить. Воспитанная для мести, Эстелла не в состоянии понять, что такое любовь. Когда эта невозможность любить обращена к мужчинам, это именно то, чего мисс Хэвишем и добивалась, но ужас оказался в том, что бессердечие Эстеллы обращено и против ее благодетельницы, искренне привязавшейся к своей воспитаннице. Пережив эту вторую в своей жизни душевную драму, мисс Хэвишем впервые увидела в Пипе себя, свои страдания, свою обманутую и преданную любовь и поняла свою вину. Именно тогда впервые в жизни прося у Пипа прощения, она снимает с себя золотой карандаш и пластинки из слоновой кости в золоте, на которых пишет распоряжение относительно средств, которые Пип просил выделить Герберту, и отдает их Пипу с просьбой когда-нибудь, когда он сможет это сделать, написать на них: «Я ее прощаю». В романе «Большие надежды» Диккенс редко обращается к описаниям каких-либо конкретных предметов, но если обращается, то они должны играть в произведении особую роль (распиленные кандалы Мэгвича, скамеечка для ног и книга Пэров миссис Мэтью, гренки для престарелого у Уэммика, страшные гипсовые маски в конторе Джеггерса). Золотой карандаш и пластинки из слоновой кости, подаренные мисс Хэвишем Пипу, тоже несут вполне определенную смысловую нагрузку. Они долго висели на груди мисс Хэвишем, и она ими не пользовалась, быть может, даже забыла о них. Но в момент своего прозрения она обращается к ним, чтобы использовать для письма, а затем отдает Пипу. Тут хочется вспомнить, что в греческом

Акрополе в знаменитом храме, посвященном Афине Палладе, была установлена хрисоэлефантинная, то есть золотая со слоновой костью, статуя богини. Учитывая, что в XIX веке после того, как в Англию были привезены греческие мраморы из Акрополя, древнегреческие произведения искусства были очень популярны, ассоциация золотых со слоновой костью табличек со статуей Афины была вполне уместна и возможна. А поскольку Афина была богиней мудрости, то обращение к этим пластинкам должно было символизировать и позднее прозрение мисс Хэвишем, и признание ею мудрости Пипа, возвысившегося, наконец, до мудрости любви.

Из предметов, неоднократно обращением к описанию которых Диккенс придал в романе особо важное, почти символическое значение, являются, безусловно, кандалы Мэгвича. Тяжелая цепь на ноге страшного человека, испугавшего маленького Пипа, распиленная украденным им у Джо подпилком, была для Мэгвича в тот момент символом обретения свободы, однако в руках Орлика стала орудием убийства миссис Гарджери, сестры Пипа. Эта цепь как будто связала героев повествования в одно целое, причем зло и добро переплелись здесь самым причудливым образом. Социальный мир, изуродовавший жизнь несчастного Абея Мэгвича и выступавший по отношению к нему в роли Каина, не дает ему возможности сбросить с себя давящие цепи несправедливости, ибо он заранее виновен для него во всех смертных грехах, и осужден этим миром на пожизненную каторгу и позорную смерть. Злобный Орлик, напротив, всегда найдет себе покровителей и благополучно выкрутится из любых ситуаций. Однако удар, нанесенный им сестре Пипа, окажется для нее почти целительным, ибо, хоть он и превратил ее в инвалида, навсегда изменил миссис Гарджери, сделав ее тихой и кроткой. То, что убивает одних, исправляет других. Пути Господни неисповедимы, хочет сказать Диккенс. У каждого своя река, которая неизменно вливается в море.

Именно образ реки станет одним из важнейших в романе, а потому и речных пейзажей в нем, пожалуй, больше всего. Если в первой части романа это, в основном, пейзажи безымянной реки, недалеко от которой вырос Пип, то в завершающей части романа это пейзажи Темзы. Эти пейзажи, так же, как и некоторые эпизодические образы, будут в определенной мере предвосхищать пейзажи Темзы и ее символическую роль в последующем романе Диккенса «Наш общий друг», а также образ старика Хэксама, отца Лиззи. Темза в романе будет представлена Диккенсом в различных аспектах. В первую очередь, Темза – неотъемлемая часть Лондона, дающая ему жизнь, связывающая его с

морем. И все, чем живет этот город, так или иначе связано с Темзой. Темза – это вечная дорога, по которой идут корабли в далекие страны, привозят в Лондон товары, которая не только поит, но кормит и дает жизнь этому огромному городу. Но в тех кварталах на берегах этой реки, где живет джентльмен Пип, Мэгвичу постоянно грозит опасность. Чтобы спрятать его от полиции, Пип устраивает его жить в доме невесты Герберта. Дом этот расположен гораздо ниже Лондонского моста, в рабочих кварталах Лондона. Поиски Мельничьего пруда и затона Чинкса описаны почти поэтически. Здесь приятно пахнет стружкой и смолой, здесь строят и разбирают корабли, здесь лондонские верфи, горы бочек и теса, канатные заводы, здесь кипит жизнь. С такой любовью Диккенс описывал только кузницу Джо. Здесь, как и в кузнице, живет и трудится народ-творец, народ-созидатель. Это снова контраст пустым бочкам и разваливающейся пивоварне Сатис-хауза.

Большинство пейзажей Темзы в романе связаны с попыткой Пипа и Герберта вывести Мэгвича в Европу. Для этого решено было подойти к пароходу на лодке, для чего Пип начал усиленно тренироваться в гребле. Интересно, что Диккенс заставляет Пипа грести и в холод, и в ветер, и в дождь. Эта недружелюбная погода, которую надо было преодолевать, как бы подчеркивает назревающую трагедию, а стремительно несущаяся вода во время прилива возле старого Лондонского моста, образующая опасные водовороты и ямы, которую Пип, правда, научился преодолевать, предвещает неминуемость катастрофы. Человек вступает в борьбу с рекой, с неодолимой силой и как будто побеждает ее. Побеждает в борьбе с природой, но не с судьбой, которую эта река символизирует.

В знаменательное и трагическое утро, когда решено было увозить Мэгвича, «мигающие огни на мостах побледнели, восходящее солнце было красным, как зарево над болотом. Река текла под мостами, еще темная и таинственная, а мосты из черных уже стали серыми, и на холодные их переплеты кое-где ложились теплые красные пятна небесного пожара»⁴. Характерно, что Диккенс как бы закольцовывает ситуацию: зарево над болотом в день поимки каторжников и красное солнце над Темзой в утро неудавшегося побега из Лондона. Кровавое солнце как бы предвещает кровавую трагедию. Но есть и еще один нюанс. Продолжая описание, Пип добавляет: «Пока я смотрел на море крыш, из которого колокольни и шпили взмывали в прозрачный воздух, солнце взошло, и вода засверкала миллионами искр, словно кто-то сорвал с нее темную пелену»⁵. В романе «Большие надежды» образ церкви возникает лишь дважды: в первый раз на сельском кладбище в самом на-

чале романа, во второй – в конце. В первый раз это был тусклый вечер зимнего дня, когда маленький Пип был одинок, запуган, в голове его был такой же туман, как и тот, что поднимался над болотами. Теперь Пип стал взрослым, духовно окреп, в чем мы убеждаемся по его поведению, поэтому и прозрачный воздух, и сверкающая вода должны подчеркнуть его духовную зрелость. Темная пелена сорвана с его души, неслучайно он, больной, вдруг чувствует себя здоровым и бодрым. Материальное и духовное слиты в этом пейзаже воедино, подчеркивая нравственный смысл той задачи, которую пытается решить Пип.

Описывая начало пути к свободе, Диккенс говорит о свежем воздухе, о солнце, о движении, причем и движении самой реки – «живой дороги», как он ее называет. Как эта река не похожа на свинцовую полосу с закованной в цепи каторжной тюрьмой! Там смерть – здесь жизнь. Эта Темза живет десятками судов, встречающихся им, здесь звучат пилы и молотки, скрипят канаты и даже цепи имеют совсем другое назначение. Это движение и представляется Пипу жизнью и свободой. Но Мэгвич относится к миру и реке осторожнее и мудрее: «...как реку до дна не увидишь, так не угадаешь, что будет через несколько часов. И остановить время не остановишь, все равно как воду. А она – вон – ушла между пальцами, и нет ее...»⁶. То, с чем так безуспешно боролась мисс Хэвишем, понятно Мэгвичу, мученику и философу, которому в журчании воды под лодкой слышится церковное пение. Эти горестные размышления Мэгвича предваряют трагическую развязку, но произойти она должна не на реке жизни, а в мертвенном окружении плоской, однообразной равнины и болот, напоминающих болота родной деревушки Пипа. И снова свет луны, при котором он увидел подозрительных людей, осматривающих их лодку, и зловещий образ слуги хозяина харчевни, одетого в одежду, снятую с утопленников, – все предвещает страшный и близкий конец.

И, наконец, последний пейзаж романа. Это снова пейзаж Сатис-хауза, точнее того, что от него осталось. Дом снесен, кучи щебня уже зарастают плющом, осталась лишь стена старого сада и заросшая садовая дорожка. Снова в воздухе висит холодный, серебристый туман, еще не рассеянный луной. И в этом окружении Пип встречает Эстеллу. Это снова контраст к теплomu, яркому очагу в доме Джо и Бидди, где любят и ждут, где Пипа понимают и верят в него. Но на этот раз у Пипа впервые появляется реальная, а не мнимая надежда. Эстелла изменилась, она многое поняла и теперь способна плакать, а значит, и любить. И неслучайно, когда Пип берет Эстеллу за руку, чтобы увести от мрачных развалин, к небу поднимается утренний туман, как некогда, когда

он покидал кузницу, чтобы погнаться за большими, но несбыточными надеждами, поднимался туман вечерний. Поднимающийся утренний туман сулит Пипу реальные надежды, которых он добился собственными силами, собственной нравственной стойкостью, душевным благородством и умением прощать.

В настоящей статье рассмотрены лишь основные пейзажные зарисовки и бытовые детали романа, самым непосредственным образом связанные с его идейно-нравственным замыслом и выступающие в качестве одного из основных средств художественного воплощения этого замысла. Экономный в художественных средствах, Диккенс сумел немногими яркими, контрастно сопоставленными пейзажами, бытовыми деталями, картинами экстерьеров и интерьеров не просто укрепить идейный каркас романа, но воспроизвести свое философское понимание бытия и смысла существования человека в этом мире, его поиски правды и нелегкий путь к ней. Это было главным достижением Диккенса к началу 60-х гг., которым он воспользуется в своих последующих произведениях – романах «Наш общий друг» и незаконченном романе «Тайна Эдвина Друда».

Примечания

¹ Потанина Л. Н. Архетип игры в художественном мире Диккенса / Л. Н. Потанина // Вестник ТГУ. Вып. 2. 1998. С. 37.

² Там же. С. 43.

³ Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. Т.23 / Ч. Диккенс. М., 1960. С. 39.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ Там же. С. 459.

⁶ Там же. С. 443.

Л. И. Вигерина

**Жанровый синкретизм детской прозы П. В. Засодимского
на материале рассказа «Неразлучники»**

Впервые предпринимается анализ детской прозы П. В. Засодимского в аспекте жанрового синкретизма. Исследуются мотивы неоготического романа в сюжетостроении «Неразлучников», элементы агиографического канона в построении образа героя-праведника, традиции «физиологического очерка» в изображении народной жизни, компоненты жанровой модели кладбищенской элегии в организации художественного целого, в формировании образа автора. Делается вывод о значении жанрового синкретизма в формировании авторской картины мира.

Ключевые слова: П. В. Засодимский, детская проза, жанровый синкретизм.

Liudmila I. Vigerina

**Genre syncretism of the children's prose by P. V. Zasodimsky
on the short story «The Lovebirds»**

It is the first time the children's prose by P. V. Zasodimsky has been analysed in the aspect of genre syncretism. The article studies the motifs of the neo-Gothic novel in the plot of «The Lovebirds», the elements of the hagiographic canon in the image of the righteous hero, the traditions of the physiological sketch in the depiction of folk life and the components of the genre model of the cemetery elegy in the organization of the artistic whole and in the formation of the author's image. The conclusion is made about the importance of genre syncretism in the formation of the author's picture of the world.

Keywords: P. V. Zasodimsky, children's prose, genre syncretism.

Одной из ведущих проблем современной науки о литературе является проблема жанрового синкретизма.

Синкретизм в литературе относят прежде всего к «ранним формам словесного искусства, в которых в нерасчлененном состоянии находятся элементы лирики, эпоса, драмы»¹. Однако в эпоху трансформации и разрушения традиционной жанровой системы этот термин стал использоваться по отношению к произведениям неопределенной или необычной жанровой формы. С. Н. Бройтман отметил: «Наша наука приблизилась к пониманию того, что эстетический объект имеет синкретический статус не только в архаике – он сохраняет его в той или иной форме, в том или ином отношении и на других стадиях развития поэтики»². О повышенном интересе современных ученых к проблеме жанрового синкретизма в литературе свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему³.

Отдельно стоит в науке вопрос о жанровом синкретизме в детской литературе.

Некоторые ученые склонны считать это явление специфической чертой литературы для детей. Так, И. Г. Минералова утверждает: «Жанровый синкретизм <...> обязательная составляющая успеха произведения у детей»⁴.

В докторской диссертации О.Н. Челюкановой подчеркивается: «Детская литература априори, независимо от эпохи, апеллирует к средствам художественного и внутрилитературного синтеза, поскольку нацелена на развитие и воспитание личности, и именно синтез, полагали его теоретики в романтизме и символизме, наиболее продуктивен в художественно-стилевом отношении». Исследовательница считает, что «жанровый синкретизм – характерный для древнерусской литературы – наследуется детской литературой»⁵. Однако вопрос о специфике детской литературы остается до конца нерешенным, как и вопрос о том, является ли синкретизм отличительной чертой произведений для детей. Для решения проблемы необходим большой практический материал по анализу детской литературы разных жанров и разных эпох: изучение механизмов жанрового синтеза в классической и детской литературе, сравнительно-типологические и сравнительно-исторические исследования.

Данная статья представляет собой опыт анализа рассказа для детей писателя-народника П.В. Засодимского «Неразлучники» (1898) в аспекте жанрового синкретизма.

Гипотеза исследования состоит в том, что структура рассказа «Неразлучники» организуется с помощью элементов жанровой модели кладбищенской элегии, компонентов средневекового жития, физиологического очерка, сюжетных мотивов неоготического романа.

Жанровым ядром, обеспечивающим целостность рассказа «Неразлучники», является элегическая модель, с помощью которой создается образ автора-повествователя, сообщающего рассказу лиричность. Именно элегический жанр определяет тематику, тональность, топику, стиль, композиционную завершенность рассказа. Первоначально, как считают исследователи, элегия была связана с похоронными обрядами, память жанра сохраняют и более поздние элегические формы. Элегия посвящается оплакиванию уходящей жизни, для нее характерна медитация на тему жизни и смерти, смысла человеческого существования. Элегическими топосами, по мысли С. Н. Бройтмана, являются «юность, промелькнувшая стрелой, жизнь как сон, мгновенное олицетворение старости»⁶, быстротечность жизни. С размышлений о жизни и смерти

начинается и заканчивается рассказ П. В. Засодимского, а сюжетная история жизни и смерти Васи, его «братана» Павла Рябка является лишь конкретизацией общих размышлений о человеческой судьбе, частным случаем проявления общей закономерности жизни. Рассказ «Неразлучники» можно интерпретировать как рассказ-элегию, в котором автор оплакивает судьбы юного Васи и ушедших в мир иной «великих тружеников и великих несчастливцев».

Экспозиция рассказа представляет собой описание кладбища (в кладбищенской сторожке живут главные герои) и элегическую рефлексию автора-повествователя о жизни и смерти. Как в кладбищенской элегии, по замечанию В. И. Козлова, медитация «становится пространством ценностной встречи с почившим в неизвестности другим»⁷, так и в «Неразлучниках» автор представляет себе тех, кто почил на этом кладбище, и воздаёт должное простым людям, людям труда, противопоставляя их сильным мира сего, лежащим на городском кладбище: «Здесь, у Николы в Боровом, покоятся в тихих могилах не богачи и не вельможи, не „сильные мира сего“, но простые люди, великие труженики и великие несчастливцы, неизвестные миру, в горе жившие и в горе скончавшие жизнь»⁸. Акцент на труде и горе тех, кто лежит на кладбище, противопоставление городского кладбища и деревенского обусловлены народническими взглядами писателя, идеализировавшего народ, верившего в патриархальную русскую общину, негативно относившегося к наступающей капиталистической формации. Противопоставление деревенского и сельского кладбища в рассказе П. В. Засодимского связано с традицией пушкинской элегии «Когда за городом задумчив я брожу...». Как в стихотворении А. С. Пушкина городское кладбище с «безносыми гениями», «праздными урнами» и «мелкими пирамидами» противопоставляется деревенскому с «неукрашенными могилами», так и в рассказе П. В. Засодимского подчеркивается, что нет здесь на деревенском погосте «дорогих мраморных памятников, разукрашенных бронзой», на простых могилах – покривившиеся кресты, а на иных – сложенные крест на крест палочки, перевязанные веревочкой. Пушкинская тема покоя, тишины деревенского кладбища («Где дремлют мертвые в торжественном покое») звучит и в рассказе «Неразлучники»: «Здесь, у Николы в Боровом, покоятся в тихих могилах не богачи и вельможи...»⁹.

Элегия А. С. Пушкина завершается утверждением вечной и бесконечной жизни, которая воплощается в мифопоэтическом образе дуба:

Стоит широко дуб над важными гробами,
Колебаясь и шумя...

В рассказе «Неразлучники» образ возрождающейся каждую весну природы убеждает, что смерти нет: «Зато летом на этих могилах, как памятник, вечно весною обновляемый природой, растет густая, сочная, зеленая трава и распускаются пестрые, красивые цветы. Тогда из травы там и сям, вместо надписи, на этом вечном памятнике синеют незабудки, как ясные глазки ребенка...»¹⁰. Картина весенней природы в рассказе является своего рода словесной живописной аналогией эпитафии на надгробном памятнике: здесь лежат те, кто любил людей и жизнь. Это эпитафия не личностная, но внеличностная, утверждающая красоту жизни, ценность каждой человеческой личности в контексте целого бытия.

Печаль автора-повествователя в «Неразлучниках» преодолевается верой в красоту Божьего мира, являющегося живым, действительным воплощением вечной гармонии. Такой выход из скорби, тоски, печали в мир идеала, преодоление мрачного мировосприятия заложены в природе элегического жанра. По замечанию С. Н. Бройтмана, элегия есть «преодоление дискретности мира и зависимости от него»: «...мы вопреки лежащей на поверхности идее быстротечности жизни выходим в „большое время“, в „вековечные тенденции жизни“ (М. М. Бахтин), носителем которых является жанр»¹¹.

Выход в область идеального осуществляется в рассказе и при поддержке компонентов жанровой модели пасхального рассказа, главной идеей которого является идея воскресения. Она воплощена в художественной системе «Неразлучников» в образе вечно обновляющейся природы. Тема воскресения акцентируется использованием церковного календаря: в истории колокольни повествователь особо выделяет пасхальное время, когда сельским жителям позволялось подниматься на колокольню и звонить в колокола, смерть Васи автор приурочил к Празднику всех святых, относящемуся к пасхальному циклу.

Так происходит «сращивание» компонентов пасхального рассказа (как следовало бы определить «Неразлучников», так как авторское обозначение «святочный рассказ» относится не к жанру, а к разновидности духовно-календарной словесности) и элегии в рассказе П. В. Засодимского.

Элегическая тема лирического вступления находит свое продолжение и развитие в финале рассказа (своего рода лирическом эпилоге), создавая тем самым композиционное кольцо рассказа и обеспечивая его единство: «Прошли года... Общая, братская могила уже опустилась, заросла травой. Весной жаворонок поет над нею. В каждый праздник над погостом – в свежем утреннем воздухе, по-прежнему звонят и гудят

колокола, наполняя звуками медных гортаней ближние и дальние окрестности. Зычными своими голосами торжественно поют колокола и над могилой братьев-слепцов, так любивших при жизни их звон и гул...»¹².

Песня жаворонка, звон и гул церковных колоколов содержат в себе идею воскресения, вечной и бесконечной жизни, связи земного и небесного, мира живых и усопших: «А в праздничные дни под ясными, сияющими небесами светло и радостно звонят колокола, торжественно и мирно льются в чистом воздухе эти победные звуки, далеко разносясь по окрестностям и навевая на душу тружеников – хотя ненадолго – отраду и успокоенье, и как бы суля им исполнение их заветных надежд...»¹³.

Сквозная тема смерти объединяет такие жанры, как кладбищенская элегия, фольклорная быличка, неоготический роман, «жанровые следы» которых обнаруживаются в художественной системе рассказа «Неразлучники».

На возможность восприятия рассказа в свете жанровой модели былички прямо указывает автор в контексте произведения: «Для жителей Борового смерть представляется тайной. Они страшатся смерти и боятся покойников. С погостом у них всегда соединяется представление о смерти и мертвецах, поэтому погост и колокольня всегда для них являются страшным местом и окрашиваются в мрачный, зловещий цвет. Старухи по вечерам рассказывают ребятам про погост всякие ужасные бывальщины, и ребятам становится жутко, маленькие слушатели невольно вздрагивают и крепче прижимаются друг к другу»¹⁴.

Связь рассказа «Неразлучники» с неоготическим романом В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» обнаруживается на уровне сюжетных мотивов и образов. Отметим, что сюжетные и образные переклички не означают идейной близости двух произведений или их образов: специфическое содержание образов, мотивов и выполняемых ими функций определяется как особенностями национальной культуры, в лоне которой они появились, так и своеобразием эпохи, мировоззрения писателей, их эстетической позиции.

Как в романе французского писателя центром повествования является собор, так в рассказе П. В. Засодимского – церковь Николая в Боровом.

Судьба героев, их жизнь и смерть будут связаны с собором и церковью, которые воплощают в себе народную память, народные идеалы, хранят приметы исторической жизни нации.

П. В. Засодимский так пишет об этом в рассказе: «Много бурь-непогод пронеслось над колокольней. Много поколений деревенских

людей прошло мимо нее, и все они, наконец, успокоились, все они лежат вот тут – между церковью и колокольной – на этом пространстве, покрытом могильными буграми... А колокольная и теперь, как в старину, точно справляет свое дело»¹⁵.

В романе В. Гюго собор Парижской Богоматери представлен в движении исторического времени, на его стенах, башнях запечатлелась летопись Парижа, Франции, остались следы истории и разрушения: автор акцентирует внимание на теме времени, памяти, истории, связи эпох и поколений:

«Время, поднимая медленно и неудержимо уровень почвы Ситэ, заставило исчезнуть лестницу. Но, дав поглотить все растущему приливу парижской мостовой одну за другой эти одиннадцать ступеней, усиливавших впечатление величавой высоты этого здания, время же вернуло Собору, быть может, больше, нежели отняло: оно придало его фасаду тот темный колорит веков, который претворяет преклонный возраст памятника в эпоху наивысшего расцвета его красоты»¹⁶.

Таким соотношением судеб собора и страны, судеб людей в движении истории в повествование и одного и другого произведения входит тема истории, эпическое начало. Однако проблема «человек и время» тесно связана и с элегическим жанром. Так заданная в «Неразлучниках» элегическая тема обретает еще и эпическое измерение.

Сопоставление героев романа В. Гюго и рассказа П. В. Засодимского обнаруживает сходство между Квазимодо и Васей: сближает их физическая ущербность (один – глухой горбун, другой – слепой), сиротство и любовь к колокольному звону. Для Квазимодо звон колоколов много говорит его душе, дает соприкоснуться с высоким, идеальным.

«Вася особенно любил звонить и занимался этим делом с каким-то страстным увлечением, – подчеркивает повествователь. – <...> Слепой преобразался. Казалось, в те минуты ему представлялись какие-то чудесные видения... Тут, на колокольне, под удары колокола он как бы чувствовал себя сильным, могучим человеком, властвовавшим над целым морем звуков»¹⁷.

Тема любви, побеждающей смерть, звучит и в «Соборе Парижской Богоматери», и в «Неразлучниках». В финале романа В. Гюго изображает два скелета, сплетенных в объятиях: Эсмеральды и Квазимодо, – как утверждение всепобеждающей любви, П. В. Засодимский в конце рассказа – братскую могилу неразлучников Павла Рябка и Васи, которые жили как братья, любили друг друга как братья, и похоронены в одной могиле. Французский писатель-романтик акцентирует внимание на земной любви, русский писатель-народник в рассказе для детей

подчеркивает роль христианской любви для достижения гармонии, счастья на земле.

П. В. Засодимский использовал мотивы популярного романа В. Гюго для создания занимательного повествования, где есть тайна смерти, роль случая в жизни, загадка судьбы, неожиданная развязка. Такое использование мотивов, сюжетов, образов «взрослой» литературы детскими писателями весьма характерное явление, о чем писала И. Н. Арзамасцева: «Дисциплина творческого процесса (при самой неумной фантазии) обуславливает канонический способ художественного мышления. В свою очередь, каноничность мышления ведет к воспроизведению наиболее популярных у «детского» читателя художественных форм»¹⁸.

Еще одна жанровая модель, участвующая в создании образов героев и сюжетного повествования в «Неразлучниках», агиографическая. В образе Васи подчеркивается ангелоподобность, нравственная чистота. Слепота Васи и Павла является маркером особой Божественной отмеченности. В повествовании о праведниках Васе и его «братане» Павле Рябке используются мотивы «бесплотной жизни как *imitation angeli*», подражания монашеской жизни («жили в своей сторожке, как в монастыре или в пустыне»), топос «ветхих одежд», пророческие видения, символика (дороги, птицы, горы, колокола и др.)¹⁹. Отметим, что писатель создает образы не святых, а народных праведников, для которых евангельская любовь к миру и людям является этическим и нравственным постулатом, которым они руководствуются в своей обыденной жизни.

П. В. Засодимский создает образы идеальных героев, опираясь на национальную традицию житийной литературы. Как и для древнерусского книжника, для него важна проповедь христианских ценностей, которые он воспринимал как общегуманистические.

Таким образом, жанровая структура «Неразлучников» представляет собой сложное синкретическое единство элементов разных жанров, каждый из которых выполняет свою специфическую функцию. Мотивы и образы неоготического романа придают рассказу занимательность, житийный канон помогает создать образ русского праведника, элегичность повествования способствует установлению контакта между писателем и читателем.

Жанровый синкретизм в рассказе «Неразлучники» является проявлением общей тенденции развития русской литературы конца XIX – начала XX вв. В тоже время он обусловлен специфическими задачами детской литературы: познавательной, воспитательной, занимательной, коммуникативной.

Примечания

¹ Гусев В. Синкретизм / В. Гусев // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 351.

² Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы: в 2 т. Т. 2. / под ред. Н. Д. Титаренко. М.: Academia, 2004. С. 24.

³ См., например: Андреева О. А. Родовой синкретизм в творчестве В. В. Маяковского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012; Зиновьева Э. Н. Синкретизм творчества А. Н. Вертинского и формы его художественной реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012; Поздина И. В. Повести Н. С. Лескова 1860-х гг. в аспекте жанрового синкретизма, мифопоэтики и народной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009; Школьская А. О. Жанровый синкретизм в литературе андеграунда (роман Дж. Керуака «На дороге» и поэма В. Ерофеева «Москва – Петушки»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2021.

⁴ Минералова И. Г. Детская литература: учебник и практикум для академического бакалавриата / И. Г. Минералова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 76.

⁵ Челюканова О. Н. Художественный и внутрילитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 5.

⁶ Бройтман С. Н. Историческая поэтика. С. 114.

⁷ Козлов В. И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории / В. И. Козлов. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 45.

⁸ Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. Т. 2. / П. В. Засодимский. СПб., 1898. С. 72.

⁹ Там же. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Бройтман С. Н. Историческая поэтика. С. 116.

¹² Засодимский П. В. Задушевные рассказы. С. 123.

¹³ Там же. С. 76.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 75.

¹⁶ Гюго В. Собор Парижской Богоматери / В. Гюго. М.: ЭКСМО, 2014. С. 136.

¹⁷ Засодимский П. В. Задушевные рассказы. С. 91-92.

¹⁸ Арзамасцева И. Н. Детская литература: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / И. Н. Арзамасцева. М.: Издательский центр «Академия», 2012. С. 18.

¹⁹ Подробнее о значении агиографической традиции в рассказе «Неразлучники» см.: Вигерина Л. И. Агиографическая традиция в «задушевных рассказах» П. В. Засодимского / Л. И. Вигерина // Art Logos. 2022. № 1. С. 19–32.

М. К. Лопачева

**«Книги» и «литература» как антитеза
в произведениях М. А. Булгакова**

Рассматривается ставшее устойчивым в контексте творчества М. А. Булгакова противопоставление традиционных культурных ценностей и квазиискусства, порожденного современным писателю социокультурным процессом. Показано, что уже в ранних текстах Булгакова оппозиция «книги» – «литература» эксплицирует аксиологические ориентиры художника, о чем свидетельствует остросатирическая стилистика изображения литературного быта 1920-30-х гг.

Ключевые слова: М. Булгаков, антитеза, сатира, квазилитература, архетип, «Записки на манжетах».

Maria K. Lopacheva

**«Books» and «literature» as an antithesis
in the works of M. A. Bulgakov**

The text considers the opposition of traditional cultural values and quasi-art that has become stable in the context of M. A. Bulgakov's work, which is generated by the socio-cultural process contemporary to the writer. It is shown that already in Bulgakov's early texts the opposition «books» – «literature» explicates the axiological guidelines of the artist, as evidenced by the extremely satirical style of depicting the literary life of the 1920s-30s.

Key words: M. Bulgakov, antithesis, satire, quasi-literature, archetype, Notes on Cuff.

«Когда монголы взяли Багдад и бросили книги в реку,
Евфрат несколько дней тек чернилами»
М. Л. Гаспаров. «Записки и выписки»

В рефлексии М. Булгакова на советский дискурс важное место было отведено проблеме отношений художника и общества, а также – шире – оценке состояния современного писателю отечественного культурного процесса. Позиция автора, эксплицированная в знаменитой формуле отделившего себя от официальных «писателей» героя итогового романа («Я – мастер...»¹) репрезентируется в ряде его текстов, начиная с ранних произведений. В них булгаковскую оценку происходящего в культурном пространстве транслирует коррелирующая с антитетической парой «писатель» – «мастер» оппозиция «литература» – «книги».

В интерпретации Булгакова это звучит именно как антитеза, поскольку лексемой «литература» маркируется квазиискусство и квазилитература, которым противопоставлены в свою очередь истинные культурные ценности, именуемые «книгами», – отечественная и мировая

классика. И дело не в традиционализме писателя, не в репутации его как «архаиста», принципиально не примыкавшего к художественному авангарду 1920-х гг., что зачастую трактовалось некоторыми современниками художника и позднее как его консерватизм. Демонстративная приверженность Булгакова «старой» культуре, идее «возвращения», богатое интертекстуальное многоголосие его произведений, напротив, являются, как писал Е. А. Яблоков, одним «из проявлений булгаковского мироощущения, в котором идея вечного повторения и возвращения равновесно сочетается с идеей абсолютного поступательного движения»².

Переживаемый страной трагический социальный катаклизм, очевидцем которого был Булгаков, обострил в нем ощущение катастрофической опасности, нависшей над культурой как таковой. Это представление и вербализировано знаковым образом в оппозиции «литература» («литераторы») – «книги», с очевидностью эксплицирующей ценностную картину мира художника.

Лексема «литература» и производная от нее «литератор» в контексте произведений Булгакова – указание на антиценностное поле. Это негативные маркеры как агрессивной эрзац-культуры, так и литературного быта 1920-х гг. Поливалентное семантическое поле лексемы «литература» у Булгакова включает и ремесло (ремесленничество), встроенное в идеологическую парадигму нового государства, и бюрократический аппарат, обслуживающий творческий процесс (организаторы процесса), и поведенческий паттерн, суть которого в стремлении к активному участию в мейнстриме, и собственно продукцию этой деятельности – конъюнктурные, идеологически «правильные» изделия.

Так, в рассказе «Богема» (1925) герой-повествователь покаянно, со стыдом признается в грехе написания по соцзаказу подобной «правильной» пьесы, за что чиновником «особого отдела» поощрительно именуется «литератором». Сам же автор «шедевра» с отчаянием сетует, что достоин за это «достижение» не похвалы, а наказания, ибо совершил тяжкое «преступление по должности», ведь еще в начале рассказа признается в ненависти к подобной «литературе». Однако ненависть не помешала созданию за семь с половиной дней в соавторстве со столь же ненавидевшим «литературу» присяжным поверенным Гензулаевым этой пьесы. Несмотря на то, что соавторы на сочинение потратили «на полтора дня больше, чем на сотворение мира <...> она вышла еще хуже, чем мир»³. Даже полученный гонорар не смягчает жестокость самобичевания автора: «...если когда-нибудь будет конкурс на самую бессмысленную, бездарную и наглуемую пьесу, наша получит первую пре-

мию (хотя, впрочем... впрочем... вспоминаю сейчас некоторые пьесы 1921–1924 годов и начинаю сомневаться...), ну, не первую, – вторую или третью»⁴. Каेतся и герой-повествователь из неизданной повести «Тайному другу». Стараясь угодить издателю, недоумевавшему, когда ему предлагался «потоньше» выполненный текст, герой признается: «...старался писать так, чтобы было смешно Навзикату. Волосы дыбом, дружок, могут встать от тех фельетончиков, которые я там насочинил»⁵.

Наиболее развернуто и ядовито «мир литературы» представлен, безусловно, в романе «Мастер и Маргарита». Побывавший в этом мире Мастер с ужасом вспоминает о нем. Топос литературной среды в итоговом тексте Булгакова достаточно исследован и прокомментирован. Так Е. И. Воронов, характеризуя приемы изображения московского литературного быта в романе, указывает на сходство карнавальной стихии в описаниях жизни дома МАССОЛИТА (Грибоедова) с текстами средневековых bestiaries, с традицией фольклорного театра, с травестийно сниженной вертепной стилистикой. «Храм творчества» превращен фактически «в обитель беспокойных стяжателей, номенклатурных бесталаных литераторов», штатных членов МАССОЛИТА, не способных «приобщиться к подлинному бессмертию», но при этом считающих себя писателями. Эти масочные персонажи предстают у Булгакова жалким подобием творцов»⁶.

Негативную коннотацию «мир литературы» имеет у Булгакова уже в ранних текстах. Эрзац-культура 1920-х гг. дана у Булгакова картинами литературного быта Москвы и других городов в фельетонной стилистике с использованием пародии, гротеска и даже бурлеска в упомянутой «Богеме», «Записках на манжетах», цикле «Столица в блокноте», ряде сатирических миниатюр. Возникнув в ранних рассказах и фельетонах, тема агрессивной псевдолитературы транспонируется в разные жанры, получив развитие в повестях («Тайному другу», «Дьяволиада»), романах («Театральный роман», «Мастер и Маргарита»), пьесах («Адам и Ева», «Багровый остров»).

В повести «Дьяволиада» (1924) она затронута мельком, но зато вписана в контекст бюрократической фантазмагии превращения живого в нежить, получая соответствующее гротескное и зловеще инфернальное звучание. В одном из бесчисленных кабинетов Коротков налетел на «массивную фигуру мужчины в белом кунтуше». «Седоватые отвисшие усы виднелись на его мраморном лице»⁷. Даже улыбка Яна Собесского (фамилия известного бандита, которую, как признался этот герой, он собирается менять на Соцвосский), была «безжизненной, гипсовой», что не помешало ему, «закатив белые глаза», деловито

и «сладко» осведомиться у несчастного делопроизводителя: «...чем же вы нас порадуете? Фельетон? Очерки? <...> вы не можете себе представить, до чего они нужны нам»⁸.

«Литература» имеет свои локусы в произведениях Булгакова. В «Записках на манжетах» – это некое учреждение культуры, по сути, прообраз дома Грибоедова из «Мастера и Маргариты». В нем – отдел под названием Лито: «Лито-литераторы. Несчастные мы!»⁹. А по соседству с ним «Фото», «Тео», «Лизо», «Изо». Это бюрократический лабиринт, в котором блуждают вечно голодные писатели и поэты. Здесь царит суэта. Управляя жизнью активисты эрзац-культуры, деятельные организаторы. Тип такого деятеля получит развитие в героях последующих произведений писателя, в частности, в образе авиатора Дарагана из пьесы «Адам и Ева» (1931). Герой пугает своей энергией и готовностью браться за все на свете. «Ты никогда не поймешь тех, кто организуют человечество», – упрекает он гениального ученого Ефросимова, своими взглядами укорененного в традиционной культуре¹⁰. По Булгакову, организующая активность этих универсалов, энтузиастов обновления, в сочетании с агрессивным невежеством губительна для человечества.

В Лито находят себе место конъюнктурные «новаторы», такие, как поэт, представившийся «дебоширом». «В книжечке – его стихи. Ландыш. Рифма: гадыш. С ума сойду я, вот что!!!»¹¹ – отчаивается герой-повествователь. Здесь и самоуверенные редакторы, убежденные в том, что литератор должен и может писать обо всем на свете. Ядовито прошелся Булгаков по активному Маяковскому, иронично упомянул Пильняка, осторожно – Мандельштама.

«Записки на манжетах» – это история мытарств героя-повествователя в поисках своего места в этом «мире литературы», но и история его сражения с невежественными «просветителями», сражение за подлинное искусство, за классиков, что заявлено уже самим названием и жанром произведения. «Записки на манжетах» отсылают и к Достоевскому, и, прежде всего, к Гоголю, по сути представляя собой палимпсест: булгаковский текст написан поверх гоголевских «Записок сумасшедшего». Свою позицию герой-повествователь отстаивает и в прямых схватках с «литераторами». Такова история сражения за Пушкина, которого один из «неистовых ревнителей» обновления в своем докладе «обработал на славу». Обливаясь потом, герой-повествователь какое-то время терпел, пока «докладчик рвал на Пушкине белые штаны». Но терпение иссякло: «Когда же он <...> предложил в заключение Пушкина выкинуть в печку, я улыбнулся. Каюсь»¹². Оратор принял это как вызов, призвав улыбавшегося к ответу, и тот выступил, поскольку три дня готовился,

сидя у окна, у лампы с красным абажуром, держа на коленях КНИГУ, «написанную человеком с горящими глазами»¹³. Как видим, уже в «Записках на манжетах» зазвучал сквозной для булгаковской прозы мотив сожжения текста. В ассоциативный ряд с ним ложится и словосочетание «горящие глаза». Мотив сожжения текста/книги получит развитие в романе «Белая гвардия», пьесе «Адам и Ева», романе «Мастер и Маргарита». В том поединке Пушкина удалось отстоять, «докладчик лежал на обеих лопатках»¹⁴, но ожесточенные бои шли и за других классиков, которых новые нигилисты пытались «стереть с лица земли»¹⁵. Битвы шли за Гоголя, Достоевского, Чехова, Толстого. Один из «заведывающих» отдела в Лито заявил: «Не надо нам больше этой порнографии: „Горе от ума“ и „Ревизора“. Гоголи. Моголи. Свои пьесы сочиним...»¹⁶. Резюме повествователя: «Его лицо навеки отпечталось у меня в мозгу»¹⁷.

Этому хаосу «мира литературы» у Булгакова противопоставлены книги. В пространстве творчества писателя «книга» / «книги» – это своего рода аксиологема. Термин предложен философом С. Н. Кочеровым. Под аксиологемами он понимает существующие в аксиологическом универсуме «такие взаимосвязанные ценности, которые являются константами, выражающими специфику развития определенной социокультурной общности»¹⁸. Аксиологема, по определению философа, (по аналогии с мифологемой, идеологемой и т. д.) «представляет собой ценностную основу, аксиологический архетип, материал для выделения сходных по форме, но не по содержанию ценностей как на последующих этапах развития данной культуры, так и в других культурах мира»¹⁹. Эти сочетания ценностей универсальны, они идеально способствуют по мере их выявления преодолению различных социокультурных противоречий.

В художественном пространстве Булгакова «книги» – манифестация не только личных ценностных ориентиров автора или его любимых героев, но и идеалов своей общности с присущими ей внутренними конфликтами. Для булгаковских героев чтение книг не эскапизм, а способ интеллектуального и нравственного выживания в экстремальных обстоятельствах. Книги – духовная опора, константа, позволяющая чувствовать защищенность в социальном хаосе, формирующая в личности высокие принципы, вкус к подлинности в искусстве и жизни. В «Белой гвардии» любимые автором герои читают неслучайные книги, в которых ищут ответы на насущные вопросы: на коленях у Елены томик Бунина, открытый на «Господине из Сан-Франциско»; Алексей читает «Бесов» Достоевского («Валяется на полу у постели Алексея недочи-

танный Достоевский, и глумятся „Бесы“ отчаянными словами...»²⁰); в эпиграфе и в тексте звучит «Капитанская дочка» Пушкина; в подтексте просматривается и не раз прямо упоминается «Война и мир» Толстого; священник, отец Александр, цитирует Откровение Иоанна Богослова – все это укореняет происходящее в русской и мировой истории и соотносит с вечностью.

Топос книги представлен у Булгакова в разных регистрах: гротескно – в истории сражений за классиков, в лирико-философском ключе – рядом эмоциональных отступлений. Одно из самых знаковых – поэтический, музыкальный этюд о книжных шкафах в начале романа «Белая гвардия»: «...лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими шоколадом, с Наташей Ростовою, Капитанскою Дочкою»²¹. По этим книгам формировалась картина мира героев, они же стали и критерием оценки действительности: «Ну, думается, вот перестанет, вот начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее»²².

Еще раньше «книги в шкафу» как атрибут покоя и защищенности, уюта экспонируются в «Записках на манжетах». «Милая книга», с запахом «старым, знакомым» – отсылка к романам П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», образами которых бредит заболевший герой: «Леса! Сосновые, дремучие... <...> В глушь, в скит. Лес стеной, птичий гомон, нет людей...»²³.

В рассказе 1924 г. «Воспоминание» оазисом спасения от 18-градусного мороза и «литературно-рабочей» жизни становится для героя комнатка на Пречистенке. В ней темный потолок с «фестонами паутины», но зато «двенадцать выше нуля, свет, и книги, и карточка жилтоварищества. А это значит, что я буду существовать столько же, сколько и весь дом. Не будет пожара – и я жив»²⁴. Есть книги – есть ощущение дома, есть жизнь и надежда.

В дискурсе книги у Булгакова не только старые классики, но также и избранные современники. В «Записках на манжетах» герой-повествователь, которому поручена комплектация штата в Лито, лелеял смутную надежду на появление настоящих авторов, на такое, например, распределение обязанностей: «Инструктора по поэтической части: Брюсов, Белый... и т. д. Прозаики: Горький, Вересаев, Шмелев, Зайцев, Серафимович... и т. д. Но никто из перечисленных не являлся»²⁵. О Серафимовиче, обучающем литераторов, говорится с явным уважением: «Глаза усталые. Голос глухой. Доклад читает в цехе. – Помните, у Толстого платок на палке. То прильнет, то опять плещется. Как живой платок...»²⁶.

Особое отношение было у Булгакова к Бунину. В Катаев изумлялся тому, что Булгаков, при его репутации архаиста, отлично знал произведения Бунина: «Вообще-то я бунинец. И для меня, помню, было удивительно, как вдруг Булгаков прочел наизусть конец „Господина из Сан-Франциско“. Блок, Бунин – они, по моим представлениям, для него не должны были существовать! Его литературные вкусы должны были кончатся где-то раньше...»²⁷. По утверждению М. О. Чудаковой, упомянутый рассказ Бунина послужил импульсом к зарождению в романе «Мастер и Маргарита» сюжетной линии, связанной с Берлиозом: «...внезапная смерть человека, уверенного в своей власти над жизнью...»²⁸. Анализируя этот интертекстуальный сюжет, Е. А. Яблоков предположил, что, возможно, не случайны в произведениях Булгакова и «бунинские» фамилии: «Турбин из рассказа „Учитель“, Войткевич (у Булгакова – Ева Войкевич) из повести „Суходол“; а в повести „Собачье сердце“ фамилия самого Бунина „отдана“ <...> горничной Зине»²⁹.

Представленный устойчивой оппозицией квазилитературе архетипический мотив книги звучит у Булгакова амбивалентно. С одной стороны, свидетельствует о приверженности автора традиционным ценностям. С другой, коррелирующими с ним мрачными метафорами эксплицирует трагические предчувствия опасности, нависшей над культурой. «Белая гвардия» – роман об Апокалипсисе, что манифестирует второй эпиграф – цитата из Откровения Иоанна Богослова («И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...»). Ссылки на источник нет (по понятным причинам), но это одна из тех вечных книг, которая живет не только на бумаге. Именно ее читает тяжело больной Русаков, сын библиотекаря и отрекшийся от своих стихов поэт. И по мере того, «как он читал потрясающую книгу, ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму. Болезни и страдания казались ему неважными, несущественными. Недуг отпадал <...>. Мир становился в душе, и в мире он дошел до слов: „слезу с очей их, и смерти не будет, уже ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет“...»³⁰

Знаки Апокалипсиса разбросаны по всему роману. Среди них, например, последние слова бунинского рассказа «...мрак, океан, вьюгу...», на которые глядят, не видя их, «затуманенные глаза» Елены.

В числе прочих знаков Апокалипсиса становится сообщение о грядущей судьбе «шоколадных» книг. Переместив описание уюта турбинского дома в зону снов-воспоминаний, автор сурово пресекает их провиденциальной репликой: «Упадут стены, <...> потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала де-

тям: – Живите. А им придется мучиться и умирать»³¹. У этих строк есть знаменательная предыстория. По мнению Лидии Яновской, грозное продолжение музыкального зачина о книгах навеяно услышанным писателем от родных пересказом воспоминания Инны Васильевны Листовничей-Кончаковой, родственницы соседей Булгаковых в доме на Андреевском спуске. В монографии «Последняя книга или треугольник Воланда» Яновская приводит подробности этой истории.

Начало 1920-х. В доме на Андреевском спуске «расквартированы революционные матросы Днепровской флотилии. Стоят лютые холода. Дров давно нет – топят заборами. Да и заборы все давно сожжены. Шестнадцатилетняя Инна вбежала в гостиную, замерла у двери, вскрикнула: „Что вы делаете?“ и ...заплакала: матрос с наслаждением подбрасывал в раскаленную печку-буржуйку книги. <...> На вскрик матрос обернулся, увидел плачущую барышню, все понял и растерялся. „Да что вы, барышня, – сказал смущенно. – Мы же золотые книги не трогаем. Вон они все на месте. <...> Мы только простые берем“. Простые – это была классика в дешевых изданиях Вольфа. Простые был Пушкин»³². Рассказ о полыхавшем в буржуйке Пушкине как претекст явно прочитывается в «Белой гвардии».

Архетипическая природа мотива книги наглядно репрезентирована в постапокалиптической пьесе «Адам и Ева» (1931). На страницах ее оппозиция «литература» / «книги» буквализируется и даже сублимируется двумя текстами – рукописью бесконечно читающего вслух свой «подхалимский» роман о коллективизации «литератора» (именно так сам себя аттестует Пончик-Непобеда) и – «неизвестной книгой», найденной другим героем пьесы, Маркизовым. Именно так, без названия, уклончиво обозначен в булгаковской ремарке ключевой для понимания основного посыла пьесы текст.

Получив заказ на эту оборонную пьесу, Булгаков решает тему защиты отечества по-своему. Получилась постапокалиптическая фантастическая пьеса. Естественно, она не была ни напечатана, ни поставлена при жизни писателя. Сюжет ее, как и другие мрачные фантазии Булгакова (в повестях «Роковые яйца», «Собачье сердце» и др.), звучит сегодня почти пророчески. В ходе химической войны из-под контроля вышел некий «солнечный газ», в результате чего было уничтожено почти все живое города Ленинграда. Уцелело лишь несколько человек, попавших под нейтрализующее этот газ облучение камерой генерального профессора Ефросимова. Спасшиеся живут коммуной.

Пьесе предпосланы два эпиграфа. Один – военная инструкция из французского издания 1925 г. «Боевые газы», составленная на основа-

нии опыта Первой мировой войны. Вторая – «утешительная», по слову второй жены Булгакова, Любови Белозерской, – из Библии, ветхозаветной Книги Бытия. Именно она названа «неизвестной книгой», которую читает вслух Маркизов, некто, «изгнанный из профсоюза» за хулиганство. Перебирая страницы разорванной и обгоревшей книги, он цитирует строки Ветхого Завета: «... И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...»³³. Эту единственную уцелевшую после катастрофы книгу Маркизов предпочел новому роману Пончика, о чем простодушно тому сообщает: «Пишешь ты здорово, у тебя гений. Объясни ты мне, отчего литература всегда такая скучная? <...> Печатное всегда тянет почитать, а когда литература ... „Эх, Ваня, Ваня“, – и более ничего. Межа да колхоз!»³⁴.

В конце концов и Пончик-Непобеда, усомнившись, отрекается от своего «подхалимского» и бездарного романа, решая начать жизнь с нового листа. Финал постапокалиптической пьесы все же внушает надежду, что история не прекратит своего течения, ибо есть настоящая книга, есть новые Адам и Ева – они, как и ветхозаветные Адам и Ева, заново открывают для себя мир. Но оба они – Ева и Ефросимов – у Булгакова люди традиционной культуры, а это значит, что ноосфера сохранится. Как видим, прежде, чем прозвучит «Рукописи не горят», у Булгакова будет сказано о разорванной, прожженной, но живой книге.

Таким образом, аксиологема «книги» («книга»), противопоставленная в текстах Булгакова энергично самоутверждавшейся в 1920-30-е гг. конъюнктурной квазилитературе, – важнейшая составляющая ценностной картины мира писателя и людей его круга, чьи идеалы и чаяния запечатлены в созданиях художника. Его круг – это русская интеллигенция, упорное изображение которой «как лучшего слоя в нашей стране»³⁵ Булгаков считал одной из своих важнейших художественных и нравственных задач.

Примечания

¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т.5. / М. А. Булгаков. М.: Худож. лит., 1990. С. 134.

² Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова / Е. А. Яблоков. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. С. 6.

³ Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1 / М. А. Булгаков. М.: Худож. лит., 1989. С. 467.

⁴ Там же. С. 467.

⁵ Булгаков М. А. Тайному другу / М. А. Булгаков. URL: http://www.kulichki.com/moshkow/BULGAKOW/r_tajnyj.txt (дата обращения- 04.04.2022).

⁶ Воронов Е. И. Топос литературной среды в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е. И. Воронов // Известия ВГПУ. 2016. № 5 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/topos-literaturnoy-sredy-v-romane-m-a-bulgakova-master-i-margarita> (дата обращения: 09.01.2023). (дата обращения 04.04.2022).

⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2 / М. А. Булгаков. М.: Худож. лит., 1989. С. 28.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 478.

¹⁰ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3 / М. А. Булгаков. М.: Худож. лит., 1990. С. 380.

¹¹ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 481.

¹² Там же. С. 480.

¹³ Там же. С. 480.

¹⁴ Там же. С. 481.

¹⁵ Там же. С. 480.

¹⁶ Там же. С. 490.

¹⁷ Там же. С. 490.

¹⁸ Кочеров С. Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей / С. Н. Кочеров. URL: <http://credonew.ru/content/view/1069/65/> (дата обращения 19.04.2022).

¹⁹ Там же.

²⁰ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 229.

²¹ Там же. С. 181.

²² Там же. С. 181.

²³ Там же. С. 475.

²⁴ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. С. 378.

²⁵ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 498.

²⁶ Там же. С. 484.

²⁷ Чит.по: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. С. 304.

²⁸ Там же. С. 304.

²⁹ Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. С. 148.

³⁰ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. С. 426.

³¹ Там же. С. 181.

³² Яновская Л. М. Последняя книга, или Треугольник Воланда / Л. М. Яновская. М.: ПРОЗАИК, 2013. С. 387–388.

³³ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. С. 356.

³⁴ Там же. С. 357.

³⁵ Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. С. 447.

Г. Н. Боева

**«Одиночество и свобода» Г. Адамовича
как манифест «парижской ноты»**

Книга эссе Г. Адамовича «Одиночество и свобода» рассматривается в контексте художественных манифестов русского модернизма. Доказывается, что книгу Адамовича можно считать ретроспективным вариантом художественной декларации «парижской ноты» как завершения акмеистической традиции русского модернизма. Декларируя эстетические и мировоззренческие основы поэзии, Адамович придает существованию русского эмигранта универсальный смысл бытия поэта, мироощущение которого близко модернистскому.

Ключевые слова: Г. Адамович, «парижская нота», манифест, русская эмиграция, акмеизм, модернизм.

Galina N. Boeva

**Loneliness and Freedom by Georgy Adamovich
as a Manifesto of the Paris Note**

Georgy Adamovich's book of essays «Loneliness and Freedom» is considered in the article in the context of art manifestos of Russian modernism. The author of the article convincingly demonstrates that Adamovich's book can be considered as a retrospective version of an artistic declaration of The Paris Note as the closing of the acmeist tradition in Russian modernism. Declaring aesthetical and worldview foundations of poetry, Adamovich attributes the universal meaning to existence of a Russian émigré – «a poet in the world» whose weltanschauung is close to the modernist worldview.

Keywords: G. Adamovich, The Paris Note, manifesto, Russian emigration, acmeism, modernism.

Книга «Одиночество и свобода» Г. Адамовича вышла в Нью-Йорке в 1955 г., став своего рода подведением итогов его многолетней литературно-критической деятельности. Однако в ретроспекции этот сборник эссе, посвященный пятнадцати писателям Русского Зарубежья, воспринимается не только как книга о первой волне эмиграции, но и как эстетическое высказывание «парижской школы русской поэзии», или «парижской ноты», идеологом которой был Адамович.

Как известно, манифестов ни Адамович, ни его последователи не писали. Наименование «школа» применительно к «парижской ноте» не вполне подходит – как, впрочем, и определения «объединение», «движение», «течение», «направление». Сам Адамович, скептически относясь к возможности называть «парижскую ноту» школой, заметил, что «если она по составу своему не целиком совпадает с Парижем, то

все-таки географически ее иначе определить нельзя»¹. В то же время нельзя не согласиться с О. А. Коростелевым, который считал, что Париж Адамовичем понимается, скорее, как символ, «как эмигрантский эрзац Петербурга, новая столица литературного мира, в которой приходится жить и писать после крушения настоящей столицы»². Кроме того, очевидно влияние «парижской ноты» на «пражан» и другие центры русской заграничьи.

Напомним, что в печати термин «парижская нота» появился впервые именно у Адамовича (хотя есть мнения о том, что автор его Б. Поплавский). Сама музыкальность термина согласуется с представлением Адамовича об истинной поэзии, которая должна быть прежде всего музыкальна.

Несмотря на отсутствие манифестов и деклараций (сложно было бы представить их в ситуации эмигрантского литературного быта), концептуальность высказываний Адамовича о поэзии, тем не менее, позволяет охарактеризовать «парижскую ноту» как целостное явление. Перечислим ее составляющие в определении И. Большева: 1) поэтический монотеизм; 2) самоконтроль и внутренний аскетизм; 3) самоценность звука; 4) поэтическая честность, ответственность за свои стихи³. Неудивительно, что целостность, манифестированность «парижской ноты» почувствовали многие современники: А. Бем отмечал характерность для «пражан» литературных приемов «дневниковой поэзии» – приглушенные интонации, недоуменно-вопросительные обороты, афористичность, игру в «скобочки», нарочитую простоту словаря и особенности синтаксиса, проявляющиеся как разрывы строк, обилие вводных предложений, пристрастие к тире; Ю. Иваск – простоту в изложении, склонность к размышлениям о самом главном⁴, Ю. Терапиано – углубленность содержания, намеренную сдержанность, приглушенность тона, отказ от погони за формальным блеском, стремление к искренности, к правдивости⁵, О. А. Коростелев называет эту эстетику «выразительным аскетизмом»⁶. Сам же Адамович описал свой поэтический идеал с помощью образного сравнения, характерного для его эссеистичного стиля: «Какие должны быть стихи? Чтобы как аэроплан, тянулись, тянулись по земле, и вдруг взлетали <...> если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а все вместе двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы „ах“, чтобы „зачем ты меня оставил?“, и вообще, чтобы человек как будто пил горь-

кий, черный, ледяной напиток, „последний ключ“, от которого он уже не оторвется»⁷.

Главным оппонентом Адамовича, как известно, был В. Ходасевич, и их противостояние являлось дискуссионным центром эмигрантской литературы⁸. Прежде всего они расходились в вопросе о приоритете мастерства (Ходасевич) или экзистенциального порыва, метафизического и одновременно человеческого «субстрата поэзии» (Адамович). Суть спора сам Адамович сформулировал так: «зачем писать» и «как писать».

Но зададимся вопросом: разве «выразительный аскетизм» не есть эстетика – и в этом смысле тоже прежде всего «как писать»? В критике Адамовича немало подтверждений его эстетической чувствительности, переживания родства содержания (темы оставленности, одиночества, «вещей последних» – любви, смерти, безысходности) и формы (непритязательной, не украшающей тему, а «оголяющей» ее). Суть спора, скорее, заключается в другом: в разном понимании роли эмиграции в жизни поэта. Ходасевич предлагает не замечать эмиграцию как новую бытийную ситуацию и спасать культуру и язык. Адамович же понимает оторванность от России как новую ситуацию, диктующую иной подход к поэзии. Глубоко укорененные в русской традиции, культивирующие Слово, они в своем споре выбирают разные ориентиры: у Ходасевича это Державин и Пушкин, у Адамовича, скорее, Лермонтов и Некрасов, стремившиеся запечатлеть в стихах неповторимый дух своего времени, отразить его язык. Если говорить о наследовании Серебряному веку, то Адамович не скрывал: он идет вслед за Блоком, Анненским, выступая против «бальмонтовщины» (заметим, кстати, тоже поэта «музыкального»).

Все сказанное дает возможность рассматривать «Одиночество и свободу» как художественную декларацию «парижской ноты», продолжающей традиции русского модернизма преимущественно в его акмеистической версии.

Существует еще одно обоснование «декларативности» книги: вышедший недавно свод манифестов и деклараций русского модернизма⁹ позволяет концептуально иначе, более расширительно относиться к этому жанру. Так, во вступительной статье редактор издания Ю. К. Герасимов заявляет: «при составлении данного сборника „чистый“ жанр манифеста не мог стать определяющим. Программные заявления в форме лирико-эмоциональных и медитативных отступлений и отдельные пассажи из статей и книг разных жанров тоже в нем присутствуют»¹⁰. Отдельные фрагменты книги «Одиночество и свобода»

Адамовича вполне представимы в контексте этого сборника. В «Одиночестве...», как и в помещенных здесь манифестах, тоже силен пафос отторжения от позитивистского начала, с которым связан реализм (правда, теперь уже советская литература осуждается Адамовичем именно как «плоская», неметафизическая).

Манифестируя в «Одиночестве и свободе» основы поэтического мироощущения в ситуации эмиграции, Адамович учитывает одновременно и русскую традицию, и общеевропейский контекст. Парадоксальным образом Адамович оказывается более русским литератором, чем продолжатель дела Пушкина Ходасевич. Адамович воспринимает пространство русского языка единым, неделимым. Однако герметичности в эмиграции не может быть, и он смело встраивает русское в общемировое. Феномен Русского Зарубежья осмысливается автором с привлечением аналогий не только в отечественной культуре (неоднократно упоминаются «первый русский эмигрант» Чаадаев, Тургенев, Гоголь), но и в мировой (сопоставление судьбы русских с бегством из родного города Данте).

Ключевое слово заглавия – «одиночество» – получает мотивировку уже на первых страницах, где отмечается «леденящее равнодушие» Франции, страны «самой безразличной ко всему чужеземному в мире»¹¹. Как будто стремясь сделать свое утверждение – странное по отношению к стране, приютившей беженцев, – более объективным и доказательным, Адамович далее пытается объяснить невнимание «блестящего и безразличного» Парижа к эмигрантам. Причины, считает критик, следующие: «чуждость» русской и французской литератур («за исключением Паскаля»), высокий уровень развития и богатая история последней («непрерывное четырехсотлетнее цветение») и, как следствие этого, «национальное самолюбие» «усталой» страны, отставляющей свою «столичность» и потому безразличной к интернациональной монпарнасской богеме (попутно отмечается иное положение эмигрантов в этнически разнородной стране – Соединенных Штатах).

В свете сказанного очевидно, что Адамович не без умысла приводит нелицеприятные замечания о французах или персонажах их произведений (часто оформляя цитаты как прямую речь): «А вот француз так никогда не скажет! Нет такой шири!» («Росстани» И. Шмелева¹²); «Ну что же с француза спрашивать? Он умный старик, а все-таки француз...» (Бунин об А. Жиде¹³).

Портреты писателей – героев книг – также даются Адамовичем в их соотносительности с русской и западной литературными традициями, органичностью или неорганичностью их творчества в западной литера-

туре. Критик противопоставляет яркой «русскости» Шмелева подлинную укорененность в отечественной литературной традиции внешних западных Мережковского, Бунина, Алданова (к абсолютно «нерусским» автор причисляет только Набокова). Первый, по его мнению, провинциален, последние же два суть истинно русские писатели, за связь с Россией которых «чувствуется связь с землей, миром»¹⁴.

Отмечая парадоксальность интереса Запада к исконно русскому Ремизову и равнодушия к «западнику» Бунину, Адамович объясняет ее влечением западного мира к «странному», чужому (следствием этого влечения, по мнению критика, явился и культ Достоевского), тоской по «неизведанному», экзотическому «с налетом азиатчины».

В связи с заключениями о пристрастиях Запада возникает дорогая для Адамовича, скрепляющая всю его книгу мысль о высокой роли русской литературы в мировой истории культуры и о достойном ее месте в современном литературном процессе. Мысль о вплетенности судьбы русской литературы в судьбу общемировой культуры воплощается в книге Адамовича и на уровне беглых замечаний и частных характеристик (Катерина Островского – «ибсеновская героиня», «Гранатовый браслет» Куприна близок к «Виктории» К. Гамсуна), и на уровне сопоставления литературных величин (Толстой – Шекспир, Толстой – Гете, Достоевский – Диккенс, Алданов – А. Франс), и на уровне сопоставлений фаз развития русской и европейской литературы.

В книге рассеяно немало замечаний, касающихся типологического родства или различия русской и западной литературы (сравнение появившихся одновременно реалистических «Онегина» и «Капитанской дочки» Пушкина и романтических фантазий Гюго¹⁵; рассуждение о слабостью выраженности духа Возрождения в России – по поводу «Темных аллей» Бунина¹⁶). Адамович отмечает, с одной стороны, европейский дух русской литературы, ее зрелость, «общечеловеческий, ничуть не обезличивающий облик»¹⁷, – а с другой, констатирует переход ее от мировой роли к роли провинциальной, потерю ею всемирного значения. «Есть таланты, но нет темы»¹⁸, – обрисовывает критик современную российскую – и эмигрантскую, и советскую – литературную ситуацию.

Итогом размышлений о русской и западной литературе стала мысль, высказанная Адамовичем в предпоследнем эссе, посвященном судьбе трех молодых поэтов-эмигрантов – Поплавского, Штейгера и Фельзена: несмотря на молодость русской литературы, в последние десятилетия она захвачена теми же мотивами и темами, что делает Поплавского в равной степени детищем и России, и Франции, наследником и Пушкина, и Рембо.

В заключительном же эссе книги Адамович обозначает прямую связь между «судорогами индивидуализма», испытанными автором в начале века на родине, и «горькой сладостью одиночества» изгнанников на чужбине (очередное подтверждение родства петербургской плеяды поэтов начала века и «парижской нотой» эмигрантской поэзии). Мысль, описав круг, вернулась к заявленной в начале книги теме одиночества, – но вернулась обогащенная новыми оборотами: «одиночество» после всего сказанного автором понимается не только и не столько как судьба писателя-эмигранта, а как универсальный закон существования современного художника-модерниста в мире, его «одиночества», независимо от национальности, гражданства и обстоятельств жизни. Как тут не вспомнить формулу другого поэта: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы» (М. Цветаева. «Поэт и время» (1932)).

Итак, «Одиночество и свободу» Адамовича можно воспринимать как ретроспективный манифест «парижской ноты» – завершения акмеистической традиции русского модернизма. В новой литературной ситуации Адамович декларирует эстетические и мировоззренческие основы поэзии, придавая существованию русского эмигранта универсальный смысл поэта в современном мире. Личная история и судьбы творцов Русского Зарубежья позволяют Адамовичу смоделировать бытийную ситуацию «поэт – мир – время» и проверить на прочность метафизическую состоятельность русской литературы и в ее классическом изводе, и в модернистской версии Серебряного века.

Примечания

¹ Коростелев О. А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции / О. А. Коростелев // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 5.

² Там же. С. 5.

³ Большечев И. И. Творческий путь Игоря Чиннова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. С. 63.

⁴ Иваск Ю. Поэзия «старой» эмиграции / Ю. Иваск // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 46.

⁵ Терапиано Ю. Эссе, воспоминания, статьи / Ю. Терапиано. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. С. 237–238.

⁶ Коростелев О. А. Поэзия Георгия Адамовича: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 151 с.

⁷ Струве Г. П. Русская литература в изгнании / сост. Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. 3-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. С. 6–7.

⁸ Струве Г. П. Русская литература в изгнании. С. 152–154.

⁹ Литературные манифесты и декларации русского модернизма / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН; отв. ред. Ю. К. Герасимов, Е. И. Гончарова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 952 с.

¹⁰ Герасимов Ю. К. От редактора / Ю. К. Герасимов // Литературные манифесты и декларации русского модернизма / / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН; отв. ред. Ю. К. Герасимов, Е. И. Гончарова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. С. 5.

¹¹ Адамович Г. Одиночество и свобода / сост., авт. предисл. и прим. В. Крейд. М.: Республика, 1996. С. 15.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 45.

¹⁶ Там же. С. 49–50.

¹⁷ Там же. С. 68.

¹⁸ Там же. С. 33.

М. А. Жиркова

Особенности организации художественного времени и пространства в романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо»

В романе Д. Рубиной «Почерк Леонардо» не совпадают фабула и сюжет, поскольку нарушено линейное повествование: оно выстраивается как чередование настоящего, прошлого и даже будущего героев. Изображение художественного времени и пространства тесно связаны с нарратором и его точкой зрения. У каждого из них свой вектор времени, и взаимодействие между ними и создает сюжет романа. Можно говорить о наличии двоимирия в романе: реального и ирреального – зеркального. Художественный образ зеркала в романе сложный и неоднозначный. Для главной героини романа именно зазеркалье становится подлинной реальностью, ее полет с моста на мотоцикле разрушает границы физического пространства и переносит героиню в зеркальный мир. Роман, созданный в духе магического реализма, не дает окончательного ответа на вопрос о смерти героини, оставляя надежду читателям на новую встречу.

Ключевые слова: Д. Рубина, роман, сюжет, художественное время, художественное пространство, ирреальное пространство, зеркало, магический реализм.

Marina A. Zhirkova

Features of the organization of artistic time and space in D. Rubina's novel «Leonardo's Handwriting»

In D. Rubina's novel «Leonardo's Handwriting», the plot and plot do not coincide, because the linear narrative is broken: it is built as an alternation of the present, past and even the future of the characters. The depiction of artistic time and space is closely related to the narrator and his point of view. Each of them has its own age-torus of time, the interaction between which creates the plot of the novel. We can talk about the presence of a duality in the novel: real and unreal – mirror. The artistic image of the mirror in the novel is complex and ambiguous. For the main heroine of the novel, it is the mirror that becomes a true reality, her flight from the bridge on a motorcycle destroys the edges of physical space and transports the heroine into the mirror world. The novel, created in the spirit of magical realism, does not give a definitive answer to the question of the heroine's death, leaving readers with hope for a new meeting.

Keywords: D. Rubina, novel, plot, artistic time, artistic space, unreal space, mirror, magical realism.

Роман Д. И. Рубиной «Почерк Леонардо» (2008) является частью цикла «Люди воздуха», в который входят также «Белая голубка Кордова» (2009) и «Синдром Петрушки» (2010). Цикл посвящен творческим, уникальным личностям, выделяющимся из обыденного мира и отличающимся от обычных людей. Произведения современной писательницы привлекают внимание многих исследователей, существуют

работы, посвященные непосредственно как самому роману «Почерк Леонардо», так и трилогии. Это отдельные статьи, монография Э. Ф. Шафранской¹, диссертация А. Г. Сильчевой². Выделим те работы, в которых затрагивается тема нашего исследования. Е. Г. Белоусова в статье «Художественное пространство романа „Почерк Леонардо“: набоковский ключ к зеркальной поэтике Д. Рубиной» указывает на художественное пространство романа как систему взаимоотражающихся миров: реального и ирреального³. По мнению ученого, зеркальное пространство, представленное в романе, бесконечно расширяет и углубляет ограниченное реальное, которое ощущается как опасное, как гибельная западня для главной героини⁴. Т. Г. Прохорова и Р. Р. Фаттахова, рассматривая особенности повествовательной структуры романа, затрагивают также особенность организации художественного времени в романе. Исследователи отмечают его многомерность и размытость границ между настоящим, прошлым и будущим⁵.

В романе Д. И. Рубиной «Почерк Леонардо» действительно наблюдается особая организация художественного времени и пространства произведения. Так, художественное пространство представлено не просто различными городами, но и странами. Например, Америка (Канзас, Лас-Вегас); Германия (Берлин, Франкфурт); Франция (Монреаль); Россия (Москва, Самара, Гурьев); Украина (Киев, Мариуполь, Жмеринка) и др. Кроме тех городов, с которыми тесно связана жизнь главных героев, многие упоминаются опосредованно, например, можно вспомнить эпизод с обсуждением цирковых буфетов. Художественное время охватывает более двух столетий, выходя за границы истории, представленной в произведении; так, упоминаются иллюзионисты и цирковые артисты XIX в. При этом художественное время выходит не только за сюжетные рамки, но и за рамки времени создания романа, написанного, как обозначено автором, в 2007–2008 г.: в рассказе повествователя дано описание смерти Ариши, увиденной Анной, которая произойдет лишь в 2015 г.

В романе также не совпадают фабула и сюжет, поскольку нарушено линейное повествование: оно выстраивается как чередование настоящего, прошлого и даже будущего героев. Как видим, автор «играет» временем и пространством, изображение которых тесно связано с нарратором и его точкой зрения. У каждого из них свой вектор времени, взаимодействие между которыми и создает сюжет романа. Организация художественного времени и пространства строится по принципу калейдоскопа: с каждым новым поворотом – новая исто-

рия, которая складывается, как из кусочков мозаики, в новый узор; новая глава – смена времени, места и нарратора, а вместе с ним и точки зрения. Даже внутри одной главы время многомерно и переходит из настоящего то в прошлое героев, то в их же будущее, но прошлое по отношению к романной точке отсчета. История жизни главной героини представлена дискретно, отдельными штрихами и складывается из разрозненных и перепутанных по времени сведений.

За так называемую точку отсчета романного времени можно взять третью главу – встречу следователя Интерпола Роберта Керлера с Володей в кафе: от нее идет движение назад, к истории Анны, со смерти которой прошло к этому времени четыре года. От этой главы происходит движение времени также вперед, в недалекое будущее, обозначенное почти в самом конце романа, в двадцать пятой главе, из которой мы узнаем мотивировку этой встречи. Гибель героини, возможно, произошла летом 2001 г. во Франции в Монреале: подсказка дана в 15 главе, в воспоминаниях Володи о пьянке с Сеней в Лас-Вегасе, состоявшейся в 1998 г. – это произошло семь лет назад по отношению ко встрече со следователем, то есть беседа в кафе происходит в 2005 г., а мы знаем, что к этому моменту прошло четыре года после смерти Анны.

В романе нарушается фабульная последовательность событий, автор использует один из принципов нарушения времени – анахронизм (или анахрония) и его приемы, один из которых, по терминологии французского литературоведа Ж. Женетта, называется антиципацией, или временным пролепсисом⁶ – повествовательный прием, состоящий в опережающем рассказе о некоем последующем событии, например, в романе неоднократно упоминается о смерти Сени, трагический гибели цирковых артисток, смерти приемных родителей еще до совершения этих событий. И такой прием, как аналепсис – обращение к событиям, предшествующим моменту повествования⁷. Фактически весь роман представляет историю Анны, рассказанную после ее смерти. Кроме этого, в произведении присутствуют многочисленные пропуски во времени – так называемый эллипсис.

Роман состоит из 5 частей и 27 глав со сквозной нумерацией, из которых от повествователя – 12 глав, от Сени – 9, от Володи – 5, от следователя – 1. Формы повествования связаны с нарраторами, и они разнообразны: дневниковые записи, воспоминания, письма, исповедь, диализированный монолог (отсутствуют ответные реплики слушателя)⁸. Чередование нарраторов создает ритм, задает дыхание романа: ровное звучание вначале, чуть замедляется в середине и убыстряется

к концу, когда сами главки сжимаются до пары-тройки страниц. Линию повествователя, которая ведет историю Анны, можно условно отнести к предсмертной записке о самоубийстве, объясняющей мотивы и поступок героини.

Детективный сюжет, заявленный разговором в кафе, очень слабый, он похож на завязку, но не выдерживается до конца, наоборот, в конце романа опровергается: в письме Роберта Керлера появляется объяснение, почему возобновлено расследование. Да его как такового и нет. Прошло четыре года, тела погибшей нет, мотоцикла нет, расследование зашло в тупик, но загадочность произошедшего засела в памяти следователя и вызвала его интерес в настоящем. Разговор Володи с Керлером представляет собой своеобразный допрос. На то, что бывшего мужа можно рассматривать как подозреваемого, намеки имеются, например, в девятой главе на подозрение следователя Володя отвечает: «Вы хотите знать – были ли у меня причины ее убить или просто желать смерти? Да у меня было сорок причин ее убить! И остервенелое желание ее смерти»⁹. Кроме этого, позднее рассказывается о его жестоком избиении Анны. Причина и мотив понятны – ревность. Правда, Володя называет другого подозреваемого – подругу Анны Женевьеву. Но и здесь расследование не пошло дальше: ведь тела убитой обнаружено не было, а сама француженка внушала подозрение своим неадекватным поведением вследствие приема наркотиков. Именно этот разговор со следователем из Интерпола является толчком к романному повествованию, которое движется ретроспективно: в обратном направлении – в прошлое героев. Для Володи это возможность выговориться, еще раз пережить то, что хранит его память, что волнует его сердце до сих пор: «мне эта встреча была, может, нужнее, чем вам»¹⁰.

Несмотря на то, что в романе одна главная героиня – девочка Нюта, она же – гимнастка Анна Стрелецкая, она же – каскадер, постановщик зеркальных шоу Анна Нестеренко, в произведении прослеживаются две сюжетные линии: Анны и музыканта Сени. Смерть этого героя завершает роман, что укрупняет его образ. Володя не претендует на такую самостоятельность, он полностью погружен в отношения с Анной даже после ее смерти. Он и рассказывает об Анне, а Сеня не только о ней, он много рассказывает о себе: 9 глав из 27 принадлежит ему, а это треть романа. С судьбами этих двух героев – Анны и Сени – связаны кульминационные моменты романа, даже описания смерти героев в чем-то оказываются схожи. Речь в данном случае идет о трагической красоте самих обстоятельств их гибели. Смерть Анны про-

изошла летом во время вечернего фестиваля салютов в Монреале: «Села на мотоцикл, вывела его со стоянки и, разогнав до предельной скорости <...>, на середине моста Картье вздернула на дыбы и, взлетев поверх ограды, понеслась по зеркальному коридору между черным, сверкающим огнями заливом Святого Лаврентия и черным заливом золотого салютного неба...»¹¹. По словам русскоязычных туристов, «некая мотоциклистка у них на глазах вылетела с моста Картье и ... улетела»¹². Смерть Сени происходит в том же году немного позднее, в октябре, в раннюю снежную бурю по дороге в Новую Англию. Под падающий снег, перекрывший дорогу, сидя в машине, он играет на фаготе весь свой репертуар: «Снег все валил мерным плавным ходом, покрывая машину. Сения играл и играл свой репертуар, один в целом мире посреди внеурочной зимы, посреди хрупкой фарфоровой тишины, в которой горько-медлительным, вкрадчивым голосом искал кого-то, молил кого-то вернуться его фагот...»¹³.

Роман охватывает практически всю жизнь главных героев: первое появление девочки Нюты в жизни ее приемных родителей в 1 главе – в 1965 г. на третьем году жизни и до ее исчезновения, обстоятельства которого становятся известны читателю почти в конце – в 23 главе. Володя рассказывает следователю об их встрече за два месяца до прыжка на мотоцикле, и упоминание нового зеркального номера, разрабатываемого Анной, практически совпадает с описанием ее последнего полета на мотоцикле. Известно, что Семен родился в гетто на Украине во время оккупации, он подробно рассказывает о своем детстве, родных, близких, а жизнь героев обрывается предположительно в 2001 г. По нашим подсчетам, рождение Анны приходится на вторую половину 1961 г. или первую 1962 (летом 1965 г. она девочка трех лет). По тексту романа разбросаны различные временные маркеры, к которым можно отнести также указание на возраст. Во время последней встречи Анны с Элизером упоминается, что он рассматривает спящую женщину после 40 лет. Конкретные даты иногда прямо указаны в самом тексте, иногда косвенно, иногда их можно восстановить по обстоятельствам. Подсказкой могут служить и исторические события. Так, можно определить дату рождения Элизера, которое приходится на страшное время холокоста на Украине: 29 сентября 1941 г. еврейское население города должно было к 8 часам утра явиться в назначенное время на место сбора с документами и ценными вещами. За невыполнение приказа полагался расстрел. В эту ночь родились братья-близнецы: Абрам и Элизер.

В романе показаны не только судьбы героев, их жизнь представлена на фоне истории страны: война, репрессии, Чернобыль, перестройка, 1990-е гг. и т. п. Великая Отечественная война в большей степени связана с сюжетной линией Семена: история его деда, рождение самого Сени во время оккупации Украины. Время сталинских репрессий коснулось судеб нескольких героев, о них вспоминает Сеня, приехавший передать небольшую посылку семье Нестеренко; не обошло оно отца Анны; жителей коммунальной квартиры; супружеской пары Блувштейнов, у которых Анна снимала квартиру в Москве.

Таким образом, роман рисует не только календарное, но и историческое время. Если учитывать упоминаемых реальных исторических лиц, то вектор художественного времени уходит далеко в прошлое, которое связано, например, с иллюзионистами Робером Гудэном (Жан Эжен Робер-Уден, 1805–1871), Гарри Гудини (Эрик Вайс, 1874–1926), Вольфом Мессингом (1899–1974) или факиром Лонго (Лонго Дмитрий Иванович, 1892–1977), артистом императорских театров Мамонтом Дальским (Мамонт Викторovich Неелов, 1865–1918), клоуном Карандашом (Михаил Николаевич Румянцев, 1901–1983). Упоминание цирковых артистов в романе оправдано родом занятий главных героев. Это позволяет говорить о художественном времени романа, охватывающем более двух столетий.

Модель художественного пространства меняется на протяжении развертывания сюжета. От описания конкретных родных мест главных героев романа до почти максимального его расширения (Европа, Америка, зазеркалье), что ведет к потере дома, который главные герои так и не обретут, возникает ощущение неприкаянности, затерянности героев в мире, а затем и во вселенной, если учитывать теорию Элиззера о параллельных вселенных.

Дома с его теплом и уютом нет почти ни у одного из героев. В начале романа таких домов обозначено несколько: киевская квартира приемных родителей Анны, коммунальная квартира, где живет ее подруга Ариша, квартира Женеваевы в Монреале, дом Сени в Гурьеве. Но они покинуты почти всеми персонажами романа. Сеня и Ариша гастролируют с концертами по миру; Элиззер с братом переехал в Америку, но он не обрел там дом, а живет в пансионате для русских. Герои романа бездомные и неприкаянные, ведут скитальческую жизнь. Только у профессора Мятлицкого есть дом и семья. Есть квартира и у Женеваевы, но она пуста, а ее жизнь одинока. С одной стороны, заданная бездомность опосредована родом занятий

героев – цирковых артистов, каскадеров и музыкантов, с другой, это сознательный выбор главных героев, в первую очередь, конечно, Анны.

Для нее в принципе характерен аскетизм в быту, одежде, только мотоциклы и экипировка – единственная страсть героини. Киевская квартира ее приемных родителей не становится для нее родным домом, как и сами приемные родители не становятся родной семьей, потому что видят ее иначе, принять которую не могут, не получается, испуг и смущение – то, что они чувствуют по отношению к ней. Сложные отношения устанавливаются между приемной матерью, Машей и Нютой. Женщина искренне жалеет и по-своему любит девочку, но не понимает и не принимает ее леворукиости, любви к зеркалам. Маша не знает, как противостоять тому, что зеркало, как ей кажется, забирает ее дочь: «И Маша сникла. Не могла она ничего никому объяснить. Дочь уходила от нее, уплывала, отплывала все дальше. Все больше и все страшнее принадлежала неотвратимому» [курсив Д. Рубиной – М. Ж.]¹⁴. Анна рано научилась ускользать из дома, и Маша не может ее удержать.

В детстве Нюте уютней в коммуналке, где жила ее подруга Ариша. Киевская квартира приемных родителей не стала родным домом, а позднее она пропиталась безумием, болезнью, смертью. Коммуналка, где живет ее подруга Ариша, ближе маленькой Нюте, потому что там ей комфортнее, ее принимают такой, какая она есть, да еще и гордятся ее умениями и способностями, а относятся к ней так же, как и к другим детям: «не замечали ее, как не замечали своих. Крутится тут, ну и крутится...»¹⁵. Правда, и сама коммуналка представляла собой собрание очень ярких, колоритных персонажей со своими непростыми историями.

Домом для Анны можно назвать старый кофр, больше похожий на гроб, но для героини он становится эквивалентом дома: так, она в нем отлеживается после избиения Володи, в нем хранится немногочисленное имущество, в частности, письма Элизера. А нужен ли Анне дом в привычном понимании слова? Она теряет его еще в детстве вместе со смертью родной матери и живет фактически на границе миров: реального и зеркального, причастность к которому она чувствует, знает с детства. Зеркало – своеобразный портал в иной мир, в зазеркалье. Как-то во сне после рассказа Элизера о зеркальных вселенных Нюте казалось, что зеркало растворит свою твердую поверхность и пустит ее в другую параллельную «правильную зеркальную вселенную, и примет ее в свою – скорее, водную, чем воздуш-

ную – природу: *наслаждаться, упруго скользить, рассекая прозрачную массу...*» [курсив Д. Рубиной – М. Ж.]¹⁶. Там правильный для Нюты мир и там настоящая правильная мама. Когда Аня была маленькая, ее мама, уходя на ночные дежурства, успокаивала дочь и говорила, что она ненадолго уходит в зеркало. Зеркало висело напротив входной двери и в нем отражались приход и уход человека. Маленькая Нюта видела зеркальное отражение, не более, но для нее смерть матери, по-видимому, ассоциативно и стала таким уходом. Возможно, Нюта никогда не называла Машу мамой, понимая, что не она ее родная мама, зато признала отца, ведь в ее жизни до приемных родителей его у нее не было.

В произведении Д. И. Рубиной все оказывается взаимосвязано: многие истории, обозначенные в рассказах героев, обретают продолжение позднее. Невидимые скрепы пронизывают весь роман. В главах от разных нарраторов происходят различные пересечения: какие-то моменты жизни (например, встречи), места (например, киевская коммунальная квартира), люди или предметы (например, портреты Сени и его дедушки) – все они получают объяснение или продолжение, таким образом выстраивается внутренняя причинно-следственная связь переставленных волей автора эпизодов, постепенное узнавание героев романа. Эти скрепы проходят сквозь время и образуют своеобразные пространственно-временные узлы романа, из которых и формируется сложный сюжетный узор повествования.

В романе очень много перемещения, движения, дороги. С гастрольями по всей стране мотается цирк, в котором работают главные герои, позднее по всему миру они скитаются в качестве каскадеров. С гастрольными выступлениями по миру путешествует музыкант Сеня. Все время в дороге главная героиня романа. Ее можно назвать зеркальной девочкой, а можно назвать человеком дороги: самолет, мотоцикл и смерть в полете. Возможно, это попытка убежать от неизбежного, от страшного и постоянного притяжения зеркального мира. Получается, что Маша была права, он все-таки забрал Нюту. Мотоцикл в своем последнем полете с моста летит над зеркалом озера. Вопрос о смерти героини остается открытым: нет тела, даже мотоцикла не нашли. Исследовали обращают внимание на эту неопределенность и говорят о мистическом элементе романа¹⁷. Не случайно творческий метод Дины Рубиной называют магическим реализмом¹⁸. Не ясным остается, погибла героиня или улетела в иной мир, зазеркалье как параллельную вселенную, неслучайно в конце

романа речь идет о физической возможности существования параллельных миров.

Как видим, помимо реального географического пространства в роман врывается мистическое, ирреальное. Зеркало не просто художественный образ, это ирреальное пространство, и девочка его часть: зеркало, по ее словам, находится у нее в голове, она видит внутри него, например, умершую мать; у нее зеркальный почерк – умение писать справа налево с зеркальным отражением написанного, читать наоборот; чувствует зеркальный мир. Зеркало также способствует невероятному расширению художественного пространства произведения, которое благодаря отражению удваивается, уходя в бесконечность. Например, в первой главе Маша видит в зеркале себя, потом отдыхающего в спальне мужа, а дальше «перспектива зеркала являла окно, где тревожно металась на ветру усыпанная белыми „свечками“ крона киевского каштана. А выше и глубже поднималась голубизна небесной пустоты, то есть отражение сливалось со своими производными, истаявало в небытии...»¹⁹. Позднее, приехав за маленькой девочкой, в ожидании встречи она гуляет по набережной и наблюдает за отражением неба в морской воде: «Сфера небесная и сфера морская двумя гигантскими зеркалами отражались друг в друге до самозабвенной обоюдобездонной голубизны»²⁰. Эту же бесконечность демонстрирует зеркальный коридор, которой создавала и в котором так любила танцевать маленькая Нюта. Внутреннее зеркало распахивает перед Анной свою бездну: во время работы на съемках она увидела в Неаполитанском заливе глубокий зеркальный тоннель как выход или переход в иной мир. Позднее Анна, занимаясь разработкой зеркальных аттракционов, показывает Сене огромную многогранную коробку с особой системой зеркал, в которой возникает множество отраженных лиц главных героев и «бесконечная даль – границ у этого внутреннего пространства попросту не было»²¹. Это восторгает героиню, но пугает Сеню, таким вдруг увиделся ему «тот свет»: замкнутость каждого и недостижимость души близкого человека. Как видим, в романе большое место отводится зеркалам, можно говорить о зеркальном тексте, который формируется постепенно из отрывочных фраз Анны, текста повествователя, пояснений Элизера, Володи, Сени.

О зеркальном мире знает и говорит еще один герой романа – Элизер, но ему не дано его видеть. По-своему зеркалье видит Маша, она боится и бьет зеркала, потому что для нее они забрали ее Нюту, нет больше той девочки, что она когда-то привезла в Киев. Поэтому,

когда Анна появляется на пороге их квартиры спустя несколько лет, приемная мать, больная, потерявшая рассудок женщина, не узнает ее и говорит, что это другая Анна: Анна из зеркала. Сумасшествие Маши обозначается как раз тем, что она тоже начинает видеть в зеркалах других людей, даже саму себя, принадлежащую зеркальню, но то, что для главной героини было нормой, для ее приемной матери – болезнью, разрушение психики.

Художественный образ зеркала в романе сложный и неоднозначный. Это, с одной стороны, предмет, который висит на стене в прихожей или в гостиной, стоит на столике и для каждой из героинь имеет свое значение. Большое овальное зеркало в прихожей киевской квартиры семьи Нестеренко появляется на первой же странице. А позднее мы узнаем, что когда-то маленькую Нюту родная мама успокаивала, уходя на ночные дежурства тем, что, по ее словам, она ушла ненадолго в зеркало. Также существует традиция смотреться в зеркало перед выходом на арену у цирковых, зеркало-оберег дарит Анна профессору Мятлицкому. Кроме этого, зеркало находится в голове маленькой девочки, как у доктора, говорит она во время осмотра, только внутри. С другой – это страшный потусторонний, загробный мир, традиционно связанный с миром мертвых, со смертью – туда ушла родная мать девочки, и, как замечает Е. Г. Белоусова, «там покой и свобода, к которым так стремится Анна, измученная бесконечной борьбой с судьбой и страшным Даром провидения»²². Тогда смерть героини воспринимается как выход и освобождение²³. И, в-третьих, зеркалье – это параллельная вселенная, которая обсуждается как возможное явление в конце романа. Можно говорить о наличии двоения в романе: реального и ирреального – зеркального.

Мотив зеркальности отражается даже в имени героини, которое можно читать справа налево и наоборот. Ее имя также ассоциативно вызывает в памяти еще одну героиню, тесно связанную с зазеркальем – Алису Льюиса Кэрролла. Напомним, что в переводе В. Набокова книга Л. Кэрролла звучала как «Аня в стране чудес», данные интертекстуальные связи уже отмечались исследователями²⁴. Д. И. Рубина создает свой вариант зеркального мира. В нем представлена особая трактовка времени: в нарушение физических законов оно не линейное, а стянуто в пучок, сфокусировано в одной точке, но в любой момент может быть развернуто линейно, как кадры кинофильма, которые можно просмотреть как в одну сторону, так и в другую, поэтому во внутреннем зеркале героини отражается и прошлое героев, и их будущее, и даже смерть. Анна видит время в пространстве: зерка-

лье показывает ей жизнь и судьбы других людей. Она пыталась объяснить свои способности Женеви́еве: «иногда вижу такое кино. Могу прокрутить его вперед, могу – назад...»²⁵. С зеркалом связан мотив памяти: оно хранит все отражения, например, зеркало в ванной гостиничного номера, уличное зеркало, но видеть это дано только «зеркальным» людям, в данном случае – Анне.

Для главной героини романа именно зеркалье становится подлинной реальностью, ее полет с моста на мотоцикле разрушает границы физического пространства и переносит героиню в зеркальный мир. В мир мертвых? Наверное, для обычно мира – да, тем более что в момент своей смерти Сеня видит на заднем сидении автомобиля в зеркале Анну. Но роман, созданный в духе магического реализма, не дает окончательного ответа на этот вопрос, оставляя надежду героям и читателям на новую встречу.

Примечания

¹ Шафранская Э. Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной) / Э. Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2012. 470 с.

² Сильчева А. Г. Трилогия «Люди воздуха» Дины Рубиной: особенности художественного метода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 23 с.

³ Белоусова Е. Г. Художественное пространство романа «Почерк Леонардо»: набоковский ключ к зеркальной поэтике Д. Рубиной / Е. Г. Белоусова // Вопросы русской литературы. 2018. № 2(44/101). С. 32.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Прохорова Т. Г., Фаттахова Р. Р. Особенности повествовательной структуры романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» / Т. Г. Прохорова, Р. Р. Фаттахова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 2 (36). С. 161.

⁶ Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Т. 2 / Ж. Женетт. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. С. 100.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ См. подробнее: Голубцова А. С. Нарративная структура романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» / А. С. Голубцова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. №79-1. С. 72–76.

⁹ Рубина Д. Почерк Леонардо / Д. Рубина. М.: Эксмо, 2011. С. 106.

¹⁰ Там же. С. 301.

¹¹ Там же. С. 299.

¹² Там же. С. 303.

¹³ Там же. С. 315.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Бабаева А. М. Мотивы борьбы и одиночества в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 89; Белоусова Е. Г. Художественное пространство романа «Почерк Леонардо»... С. 36; Ефремова Г. О. Анализ мистического романа Дины Рубиной «Почерк Леонардо» / Г. О. Ефремова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2014. С. 106.

¹⁸ Логвинова И. В. Элементы магического реализма в романах Дины Рубиной / И. В. Логвинова // Вестник ДонНУ. Сер. Б.: Гуманитарные науки. 20016. № 14. С. 17–20; Сильчева А. Г. Проблема художественного. Метода в трилогии «Люди воздуха» Дины Рубиной / А. Г. Сильчева // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Материалы VI Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. Н. Жаткин, Т. С. Круглова. Пенза: ПГТУ, 2019. С. 65–72; Сорокина Н. В., Абраменкова Л. Е. Традиции магического реализма в романе Дины Рубиной «Почерк Леонардо» / Н. В. Сорокина, Л. Е. Абраменкова // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 518–525.

¹⁹ Рубина Д. Почерк Леонардо. С. 9.

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ Там же. С. 211.

²² Белоусова Е. Г. Художественное пространство романа «Почерк Леонардо»... С. 32.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Белоусова Е. Г. Художественное пространство романа «Почерк Леонардо»...; Московкина Е. А. «Четвертое измерение»: экфрасис в поэтике трилогии Д. И. Рубиной «Люди воздуха» / Е. А. Московкина // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 179–191.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ • INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Арутюнян Диана Артемовна, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Arutunyan Diana Artemovna, St. Petersburg State University of Culture
dijianaarutunyan@mail.ru

Бадалян Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, Российская национальная библиотека

Badalian Dmitrii Aleksandrovich, PhD in History, The National Library of Russia
dmit.bad@gmail.com

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Boeva Galina Nikolaevna, doctor. of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
g_boeva@rambler.ru

Варганова Галина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Varganova Galina Vladimirovna, doctor in Pedagogics, professor, St. Petersburg State University of Culture
interel@mail.ru

Вигерина Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Vigerina Liudmila Ivanovna, PhD in Philology, Associate Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University
livigerina@yandex.ru

Волоскова Снежана Евгеньевна, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Voloskova Snezhana Evgenievna, PhD in Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia
sevoloskova@herzen.spb.ru

Гиляревский Руджеро Сергеевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Gilyarevskiy Ruggero Sergeevich, Honored worker of science of the RF, doctor in philology, professor All-Russia Institute for Scientific and Technical Information, Moscow State University
giliarevski@viniti.ru

Гринченко Наталья Александровна, кандидат филологических наук, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
Grinchenko Natalia Aleksandrovna, PhD in philology, National Library of Russia
books@nlr.ru

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Zhirkova Marina Anatolyevna, PhD in Philology, Associate Professor, A. S. Pushkin Leningrad State University
manp@mail.ru

Забродина Светлана Владимировна, Санкт-Петербургский Пансион воспитанниц
Zabrodina Svetlana Vladimirovna, St. Petersburg boarding school
Svetlana_3110@mail.ru

Засыпкин Алексей Владимирович, Муниципальная библиотечная система города Твери
Zasypkın Alexey Vladimirovich, Municipal Library System of the City of Tver,
alzas82@yandex.ru

Ивановская Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, Томский государственный университет
Ivanovskaya Ekaterina Viktorovna, PhD in History, Tomsk State University
ivanovskaya_e@lib.tsu.ru

Ильина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
Irina Olga Nikolaevna, PhD in Pedagogics, National Library of Russia
o_ilina@mail.ru

Крупцева Ольга Васильевна, Научная библиотека Томского государственного университета
Kruptseva Olga Vassilievna, Tomsk State University, Research Library
OVKruptseva@lib.tsu.ru,

Куликова Ангелина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
Kulikova Angelina Victorovna, PhD in Philology, National Library of Russia
angelina-alvidas@yandex.ru

Купченко Марина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Kupchenko Marina Leonidovna, PhD in Philology, St. Petersburg State University of Culture
marina.kupchenko.48@mail.ru

**Липатова Дарья Анатольевна, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры**

Lipatova Daria Anatoljevna, St. Petersburg State University of Culture
lipatova_dasha@mail.ru

**Лопачева Мария Каиржановна, кандидат филологических наук,
доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры**

Lopacheva Maria Kairzhanovna, PhD in Philology, St. Petersburg State
University of Culture
lopacheva03@mail.ru

**Лягина Виктория Анатольевна, Вологодская областная универсальная
научная библиотека имени И. В. Бабушкина**

Liagina Viktoria Anatolievna, I. V. Babushkin Vologda Regional Universal
Scientific Library
lyaginaviktoria@inbox.ru

**Маркова Татьяна Борисовна, доктор философских наук,
Библиотека Российской академии наук**

Markova Tatyana Borisovna, Doctor in Philosophy, Russian Academy
of Sciences Library
tatjana.marko2016@yandex.ru

**Мутьев Виктор Алексеевич, кандидат педагогических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры**

Mutyev Victor Alekseevich, PhD in Pedagogics, Saint Petersburg
State University of Culture
victor.mutyev@gmail.com

**Патрушева Наталья Генриховна, доктор исторических наук,
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург**

Patrusheva Natalia Genrikhovna, Doctor in history, National Library of Russia
patrusheva@nlr.ru

**Пономарева Нина Васильевна, кандидат педагогических наук,
доцент, Библиотека Российской академии наук**

Ponomareva Nina Vasiljevna, PhD in Pedagogics, The Russian Academy
of sciences Library
nvponomareva@inbox.ru

**Селиванова Ольга Владиславовна, кандидат филологических наук
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена,**

Selivanova Olga Vladislavovna, PhD in Philology, Herzen State Pedagogical
University of Russia
ol.vl.sel@gmail.com

Серебрянникова Татьяна Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Serebrjannikova Tat'jana Olegovna, Ph.D of Pedagogics, Associate Professor, St. Petersburg State University of Culture
srebro925@list.ru

Соколов Аркадий Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Sokolov Arkadij Vasil'evich, Doctor in Pedagogics, St. Petersburg State University of Culture
sokolov1.spb@gmail.com

Стегаева Мария Витальевна, кандидат педагогических наук, Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург
Stegaeva Maria Vital'evna, Ph.D of Pedagogics, Boris Yeltsin Presidential Library
stegayeva@mail.ru

Шпинарская Елена Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Shpinarskaia Elena Nikolaevna, PhD in Culturology, Herzen State Pedagogical University of Russia
kultura96@mail.ru

Шукшин Сергей Иванович, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Shukshin Sergey Ivanovich, PhD in Law
dp@spbgi.ru

Ельашевич Дмитрий Аркадьевич, профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Elyashevich Dmitry Arkadjevich, Doctor in history, professor, St. Petersburg State University of Culture
dmitry@elyashevich.ru